

ЕВРЕИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

М. Левидов

ВИАЛЬГЕЛМ
СТЕЙНИЦ

ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ

ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ

ЕВРЕИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

М. Левидов

ВИЛЬГЕЛЬМ
СТЕЙНИЦ

Редакция
и вступительная статья
С. Дудакова

ИЗДАТЕЛЬСТВО "БЛЮЭНДВАЙТ"

1987

ЕВРЕИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Серия биографий

Выпуск 4

**Михаил Левидов
ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ**

**Все права на вступительную статью
принадлежат С. Дудакову**

Редакционная коллегия:

**С. Дудаков
С. Могилевский
М. Соминский – главный редактор**

Оформление обложки М. Байера

**Адрес редакции "Евреи в мировой культуре":
М. Соминский, Гило, Иерусалим, п.я. 11041
Тел.: 02-766-784**

Издательство "Блю энд Уайт"

ИЕРУСАЛИМ 1987

JEWES IN THE WORLD CULTURE

A Series of Biographies

Issue 4

Mikhail Levidov

WILHELM STEINITZ

Editorial board:

S.Dudakov

S.Mogilevsky

M.Sominsky – chief editor

Cover design by M.Bayer

Address of the “JEWES IN THE WORLD CULTURE” Series:

M.Sominsky, Gilo, Jerusalem, P.O.Box 11041

Phone 02-766-784

Blue and White Publishing House

JERUSALEM 1987

Великий американский шахматист Вильгельм Стейни (1836 – 1900) вошел в историю культуры не только как первый чемпион мира по шахматам, но и как крупнейший теоретик, создавший теоретические основы шахматной игры.

В предлагаемой вниманию читателей книге изложена творческая биография В. Стейница, принадлежа перу известного советского писателя М. Ю. Левидова (1891 – 1942). Ей предпослана вступительная статья сотрудника Иерусалимского Университета С. Ю. Дудакова.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Дудаков. Евреи в шахматах	9
Словник знаменитых шахматистов еврейского происхождения	29
Тринадцатый	56
В кафе "Куропатка"	60
Взлет	65
Баярд и бухгалтер	73
Тайна Морфи	77
Веги пути	81
Что есть ошибка?	89
Законодатель Стейниц	96
Критическое десятилетие	102
Жестокая комбинация	108
"Champion of the world"	114
Стейниц ошибается и защищается	122
Побежденный победитель	136
Героическая агония	144
Вильгельм Стейниц	155

ЕВРЕИ В ШАХМАТАХ

Происхождение шахмат теряется в глубокой древности. Индия — родина этой самой удивительной игры. Но в большой свет — на Ближний Восток и в Европу — их занесли евреи, находившиеся в рядах арабских завоевателей. Историк шахмат д-р Мориц Штеншнейдер считает, что из Индии в Персию шахматы попали во времена первых Аббасидов (вторая половина 8-го века).

Еврейские торговые фактории, расположенные на всем протяжении известного тогда мира, с Запада на Восток от Атлантического океана до Индии, и даже до Китая, и с Севера на Юг, от Балтийского моря и до Абиссинии и Южной Аравии — играли выдающуюся роль распространителей культуры, значение которых трудно переоценить. Нет сомнения в том, что и при их участии шахматы появились на Ближнем Востоке и в Европе. Между прочим, человечество обязано евреям заимствованием не только шахмат, но и десятичной системы. Так называемые "арабские цифры" появились в Европе благодаря еврею Якубу бен Тарику*. В связи с культурной ролью евреев, может быть, небезынтересно процитировать слова выдающегося немецкого экономиста, социолога и философа, христианина Вернера Зомбарта (1863 — 1941), писавшего: "Точно Солнце светит Израиль по Европе: куда приходит он, там пробуждается новая жизнь, откуда он уходит, там засыхает все, что до сих пор цвело"***.

---

* Еврейская энциклопедия. Т. 8. С.-Петербург, столб. 169.

** Зомбарт, Вернер. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства. С.-Петербург, 1910, стр. 22.

Первыми знаменитыми шахматистами были евреи, принявшие ислам. В царствование халифов аль-Ватика (ум. в 842 г.) и аль-Мутавакли (ум. в 847 г.) первенство принадлежало аль-Адли, более известному под именем Али, сыну рабби Саула из Таберистана. Али был учителем знаменитого врача и шахматиста ар-Рази. В присутствии халифа аль-Мутаваклия состоялся между ними матч, и ученик вышел победителем. Во времена халифа аль-Муктафи (902 — 908 гг.) выделялся некий Муварди, утверждавший, что он играет лучше ар-Рази. Но его слава быстро померкла, когда против него выступил абу-Бакр Мухаммед бен-Яхья ас-Сули, несмотря на все старания халифа доставить победу своему любимцу. Когда халиф убедился в превосходстве Ас-Сули, он сказал Муварди: "Твоя розовая вода (по-арабски "мовард") превратилась в мочу".

Пусть читателя не смущают длинные арабские имена шахматистов. Мимикрия по необходимости нередко сопутствовала евреям не только в наши времена (на наших глазах мальчик Вайнштейн превратился в юношу Каспарова). Сильнейшим шахматистом древности ас-Сули оставался и при преемниках Муктафы — Муктадире и ар-Ради. Но после смерти последнего в 940 году он впал в немилость. Был ас-Сули свободомыслящим человеком, не скрывавшим своих взглядов; его обвинили в приверженности к Алидам (позднейшим шиитам), и он вынужден был бежать из Багдада в Басру, где и умер в нищете. Но шахматная слава его осталась незыблемой, и долгое время спустя в еврейско-арабских шахматных кругах высшей похвалой считалось сказать о ком-то: он играет в шахматы, как ас-Сули.

Первым европейцем, упомянувшим шахматы, был Раши (1040 — 1105) — знаменитый французский раввин, величайший средневековый библейский экзегет и истолкователь Талмуда. После Раши следующим европейцем, упоминавшим шахматы, был Моше Сфараци, родившийся в Испании в 1062 году, крестившийся в возрасте сорока четырех лет и более известный как

Петрус Альфонси. В своей книге "Дисциплина клерикали" он включил шахматное искусство в семь рекомендуемых рыцарству наук.

Как известно, игра в шахматы довольно часто запрещалась церковными властями. К 1200 году шахматы были известны в большинстве европейских стран. Парижский Собор 1200 года запретил эту игру, а затем Людовик Девятый подтвердил это запрещение. Тем удивительнее, что в это время книга "Сефер Хасидим" (ее автор — знаменитый мистик, моралист и литургист Иуда Благодостивый) рекомендовала ее самым горячим образом.

Некоторые средневековые легенды повествуют о том, как римский папа играет в шахматы с рабби Симоном, который узнает, к своему ужасу, в римском первосвященнике своего пропавшего сына, благодаря одному ходу, которому он в свое время обучил его*. Легенда имеет историческое основание: вероятно, речь идет о раввине из Майнца Симоне Хагадоле, жившем в начале 11-го века.

В 12-м веке было написано поэтическое произведение на еврейском языке, воспевающее шахматы. Оно приписывается знаменитому поэту Ибн-Эзре Аврааму бен-Меиру (в европейской литературе именуемому Ибн-Эзрой), который родился в 1092 — 1093, а умер в 1167 году. Еще одно поэтическое произведение написано в 15-м веке Ибн-Ехия.

В 16-м веке Иегуда (Лео) из Модены написал стихотворение-учебник по шахматной игре для своих сыновей. Правила, рекомендуемые им, близки к современным (превращение пешки, рокировка, положение королевы в начале партии, то есть цвет клетки ее про-

---

* Имеется в виду папа Анаклет Второй, занимавший папский престол с 1130 по 1138 гг. Он принадлежал к богатой еврейской семье Леоне, принявшей христианство. В историю он вошел под именем "жидовского папы" (см.: Еврейская энциклопедия. Т. 2, столб. 390).

тивоположен ее цвету). Годы его жизни — 1571 — 1648.

К 18-му веку сказания о евреях-шахматистах проникли в фольклор и других народов. Так, мы находим рассказ, как в Польше времен Станислава-Августа сильнейшим шахматистом, защитившим честь Польши, был некий варшавский еврей, сумевший одолеть непобедимого англичанина. Ставкой были пуговицы камзола. Понятно, англичанин теряет пуговицу за пуговицей и с позором покидает дворец короля. Конечно, король и пан Трембицкий, герой сказания, щедро награждают спасителя чести "ойчизны"*.

Страстным любителем игры был Моисей Мендельсон**, не раз игравший в шахматы с Лессингом. Ему-то и приписывалось выражение о том, что шахматы слишком серьезны для игры и слишком игра, чтобы быть серьезным делом. Высказывание, подобное этому, приписывалось и Мишелю Монтеню (напомним, что великий французский мыслитель был еврейского происхождения)***.

Одним из самых первых поэтических произведений в России на шахматную тему была поэма, написанная на иврите (древнееврейском языке), "Хакрав" ("Битва"). Автор этой поэмы — Яаков Моисеевич Эйхенбаум (1796 — 1861). Поэма была переведена на русский язык (Осипом Рабиновичем в 1847 году), на английский, французский, немецкий и другие европейские языки. Успех поэмы был полный. Шахматную основу ее составило одно окончание из сборника Стаммы начала 18-го века, вышедшего в Лондоне.

* * *

---

* Ежи Гижицкий. С шахматами через века и страны. Варшава, 1959, стр. 33—34.

** М о и с е й М е н д е л ь с о н (Моше бен Менахем), 1729—1786 — известный немецкий философ.

*** Еврейская энциклопедия. Т. 11, столб. 266.

Через более чем тысячелетнюю историю шахмат проходят вереницей еврейские имена. Количество евреев-шахматистов, оставивших неизгладимый след в истории шахмат, столь велико, что практически шахматы превратились в любимую еврейскую игру.

В 19-м веке, не без непосредственного влияния Вагнера, возникло стремление тенденциозно характеризовать национальные особенности творцов-евреев и их творений. Для Рихарда Вагнера евреи лишены творческого начала, они эклектики (см. работу Вагнера "Еврейство в музыке")*.

Поразительно, что за выявление специфически еврейских черт и приемов в шахматной игре принимались некоторые авторы в СССР накануне Второй мировой войны. Возможно, что эта тенденция не обошлась без влияния нацистских доктрин. Во всяком случае, статья П.А.Романовского "Некоторые творческие тенденции современности" (газета "64", 1937, №№ 13, 15 и 19), конечно, не говорит о еврейских шахматах, за-

---

* Парадокс: человек, провозгласивший это, был сам еврейского происхождения; ему самому было известно, что его отцом был актер-еврей Гейер, а по матери он происходил из семьи крещеных евреев-банкиров Бетман-Гельвиг. К этой генеологической ветви принадлежал и последний канцлер кайзеровской Германии. Психологически любопытен факт, что музыку Мейербера, не раз спасавшего от голодной смерти Вагнера, последний называл не иначе, как "жидовской" музыкой.

Успеху оперы Вагнера "Летучий голландец" содействовали сюжет, заимствованный у Гейне (новелла "Мемуары г-на фон Шнабелевопского"), и советы великого поэта. Популярности же музыки Вагнера в России композитор обязан пропагандисту его произведений А.Н.Серову и Антону Рубинштейну, усилиями которого они были поставлены на петербургской сцене. Более того, находясь в дружбе с композитором Александром Николаевичем Серовым и его женой (оба они еврейского происхождения) и встречаясь с ними по субботам, он говорил им шутя: "Что вы со мной делаете? Я пишу против еврейства, а вы заставляете меня праздновать шабаш!"

меня это понятие эвфемизмом – ”файно-флоровский стиль”. Конечно, Петр Арсеньевич не был антисемитом, как, вероятно, его друг, чемпион мира А.А.Алехин. Используя многие положения Романовского, Алехин опубликовал статью под названием ”Арийские и еврейские шахматы”, опубликованную в оккупационной немецкой газете в Париже. (Сути дела не меняет, что, вероятно, название статьи было придумано в ведомстве Альфреда Розенберга, по-видимому, Бостуничем-Шварцем, издателем ”Вельт-Динст” – антисемитского немецкого листка, издававшегося на всех языках оккупированной Европы. Второстепенным является и то, что Алехин отрекался от авторства.)

Идея привязать шахматное творчество к тому или иному национальному духу несостоятельна вследствие его интернациональной сущности. Еще в двадцатые годы шахматный мастер, христианин, друг и Алехина, и Романовского, Евгений Александрович Зноско-Боровский* камня на камне не оставил от псевдонаучных теорий о ”еврейских”, ”арийских” и прочих шахматах. Равно устарели и понятия о позиционном или комбинационном стилях игры. Если же говорить об участии евреев в развитии шахматного искусства, то, кроме многочисленных имен, которые мы привели ниже, отметим, что еврей-шахматисты разнятся между собой не менее, чем арийские. Скажем, достаточно сопоставить представителей одной и той же венской школы – евреев Макса Вейса, чье ”чеканное искусство” являлось эталоном позиционной игры, и Рудольфа Шпильмана, апологета королевского гамбита, ”романтика” Якоба Мизеса и ”прагматика” Карла Шлехтера, чтобы увидеть, что между ними, как шахматными бойцами, нет ничего общего. Они разнятся между собой не менее, чем шахматист Капабланка от шахматиста Алехина. Да

---

* Зноско-Боровский Е.А. (1884 – 1954) – автор статьи ”Евреи в шахматах”. Опубликовано в журнале ”Рассвет”. Париж, 1930, №№ 40, 41.

и свежий пример подтверждает это: русский экс-чемпион мира А.Е.Карпов – стопроцентный приверженец "еврейских" шахмат, и именно "файно-флоровского стиля", а его соперник, отнюдь не ариец, Г.Каспаров – сторонник "творческих арийских" шахмат.

Зноско-Боровский отмечает выдающееся положение евреев в шахматном искусстве. Но ведь даже из статьи Алехина видно: если исключить всех шахматистов-евреев, то вообще не останется истории шахмат. Ведь говорил великий Стейниц: "Я не историк шахмат, я сам кусок шахматной истории, мимо которого никто не пройдет".

Важно отметить, что евреи в громадном большинстве были создателями всевозможных шахматных школ, проводниками новых идей, и это прослеживается на всем протяжении истории шахматного искусства. Так, историк А. ван дер Линде считает аль-Адли основателем теории и композиции шатранджа (старинных шахмат). Но и современные шахматы были в значительной степени созданы евреями. Достаточно назвать имена "гипермодернистов" Нимцовича, Брейера, Рети, Тартаковера. Последний обратил внимание на то, что Восточная Европа выдвинула большое количество шахматистов-евреев. Ему вторит Зноско-Боровский: "Условия жизни еврейства во многих странах и особенно в Восточной Европе, которая поставляла за последнее время наибольшее количество шахматных мастеров, сложились так, что евреи стремились к наиболее либеральным и даже не вполне ординарным профессиям, где не ставился бы вопрос о национальности, где он не служил бы препятствием на пути к усовершенствованию и успехам. Да и самая игра, по существу своему, не может не быть близка складу еврейского мышления".

Здесь мы касаемся проблемы талантливости евреев*. Почему-то эту тему стараются обойти по самым различным и противоположным причинам: евреи – не

* "Говоря о "евреях", я имею в виду лиц, принадлежащих к народу, исповедующему закон Моисея... Мне не нужно подчеркивать, что при таком определении данного понятия... ев-

желая подчеркивать очевидное, другие — не желая признать очевидное. В двадцатые годы к этому вопросу относились по-другому. Тот же самый Зноско-Боровский утверждает, что все сильнейшие шахматисты-евреи являются прекрасными теоретиками, что мы и отмечали выше, и что это положение справедливо не по отношению к какому-нибудь периоду, а ко всей сознательной истории шахмат.

Во время краткосрочного расцвета советской евгеники выходил в двадцатые годы сборник "Вопросы биологии и патологии евреев". В одном из номеров была опубликована статья В.И. Бинштока под вызывающим названием "К вопросу об одаренности евреев (некоторые статистические материалы)". Таблица, приложенная к статье, равно как и некоторые вычисления, позволили автору выявить 500 человек, более или менее выдающихся, на 1 миллион населения, что говорит о том, что "евреи поставляют выдающихся людей больше, чем англичане". Биншток утверждает, что как бесспорна творческая сила евреев в музыке, так она велика и в шахматах, где поражает не только количеством, но и качеством.

По поводу одного из сильнейших турниров начала века — Карлсбадского международного турнира 1911 года, где среди 26 участников было 12 евреев, или почти 50 процентов — в шахматном отделе "Пестер Ллойд", редактируемом Ласкером, появилась статья, принадлежавшая самому редактору, посвященная вопросу о причинах большого числа евреев среди шахматистов*.

реем остается и тот, кто выходит из еврейской религиозной общины. Евреями остаются и потомки его, поскольку простирается действие исторического воспоминания" (Вернер Зомбарт. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства. С.-Петербург, 1910, стр. 13). Мы придерживаемся аналогичной точки зрения.

* Карлсбадский международный турнир 1911 года окончился полной победой еврейских шахматистов: первое место занял Рихард Тейхман, второе и третье поделили Карл Шлехтер и Акива Рубинштейн, четвертое занял Герш Ротлеви.

Объяснение Ласкера носит социологический характер. Автор полагает, что вследствие тяжелых исторических условий у евреев получили сильное развитие фантазия и воля — компоненты, необходимые шахматисту. Кроме того, евреи бедны, многие профессии для них недоступны, а отсюда — тяга к неординарным профессиям, связанным со сценой, писательством и даже игрой в шахматы. Последнее вряд ли можно отнести к профессиям, дающим определенный заработок, но они дают возможность выделиться из толпы, а "бедность переносится легче, когда имеешь сознание того, что ты незаурядный человек"*.

В наше время игра в шахматы приобрела статус профессии, и тем более поразительны результаты многих шахматных соревнований. Так, из десяти участников турнира претендентов 1950 года в Будапеште — 7 евреев, на турнире претендентов в 1953 году в Швейцарии из 15 участников — 9 евреев и т. д. Из 12 чемпионов мира — 7 человек еврейского происхождения. Чемпионами мира были Вильгельм Стейниц, Эмануил Ласкер, Михаил Ботвинник, Василий Смыслов (мать еврейка), Михаил Таль, Роберт Фишер (мать — русская еврейка), Гарри Каспаров (настоящая фамилия Вайнштейн. Его отец — еврей).

* * *

Десятилетним мальчиком я был вхож в дом ныне покойного семитолога Андрея Яковлевича Борисова (его дочь Леля и моя сестра учились в одном классе). Я запоем играл в шахматы и запоем читал: в подарок от Борисовых я получил две книги — роман Киплинга "Ким" и книгу Левидова "Стейниц — Ласкер", правда, с вырванным предисловием Крыленко, ведь шел 1950 год...

И вот перед нами эта книга, вышедшая более пяти-

---

* Статья Ласкера была перепечатана в "Винер Шах-Цайтунг" за №№ 21 — 24 за 1911 год.

десяти лет тому назад в издательстве "Жургазобъединение", в серии ЖЗЛ, основанной Масимом Горьким в 1933 году. За всю многолетнюю историю этой серии — это единственная книга о шахматистах. Вместе с тем по общему суждению критики эта книга — одна из лучших работ серии. Судьба ее автора примечательна. Михаил Юльевич Левидов родился, по некоторым сведениям, 12/24 февраля 1890 года, по другим сведениям — в 1892 году, в Баку. Настоящая его фамилия Левит. Он юрист по образованию, окончил Харьковский университет. До революции сотрудничал в "Летописи" Горького (1915 год)*. Первые его публикации относятся к 1914 году. В 1917 году печатался в "Новой жизни". В начале 1918 года работал в наркомате иностранных дел, тогда возглавлявшемся Троцким, заведую Бюро печати. Затем последовательно был корреспондентом советского телеграфного агентства в Ревеле, Лондоне, Берлине, Гааге, заведовал иностранным отделом (вначале — РОСТА, потом — ТАСС), публиковал свои статьи в "Правде" и других партийных изданиях. Вполне возможно, он был троцкистом, ибо советская "Литературная энциклопедия" в статье о Левидове (т. 6. М., 1932) не упоминает о его партийности: вероятно, в это время он был исключен из партии. Сама же статья представляет собой форменный донос. Даже в этой заушнической энциклопедии статья о Левидове выделяется. Левидову вменяются в вину не только увлечение парадоксами, блуждание по поверхности, литературная слабость и т. п., но и реакционные взгляды.

Статья цитирует Левидова, утверждавшего-де, что "всякое искусство... никогда не предмет массового потребления" и что "пролетпоззия — это многоголовая и многоголосая Вербицкая"**. Автор статьи-доноса пи-

* "Л е т о п и с ь" — ежемесячный литературный, научный и публицистический журнал, основанный М. Горьким. Выходил в 1915 — 1917 гг.

** В е р б и ц к а я, Анастасия Алексеевна (1861 — 1928) — русская писательница. Ее поздние романы отвечали вкусам мещанского читателя.

шет: "Мещанская подоплека этих реакционных высказываний очевидна. Социальную сущность своих воззрений по вопросам искусства сам Левидов определяет достаточно четко, заявляя, что он говорит от имени читателя интеллигентного и мелкобуржуазного. Мелкобуржуазный либерализм находит у Левидова пестрое и часто весьма вульгарное выражение".

Неизвестно, как после такого доноса писатель мог пережить 37-й год, год размаха в СССР большого террора. Во всяком случае, Михаила Юльевича арестовали сравнительно поздно – не то в конце 40-го года, не то – в начале 41-го, по доносу пресловутого Эльсберга*.

По официальной дате умер Левидов 5 мая 1942 года в лагере. До этого он находился в саратовской тюрьме – в компании с Бела Куном, бывшим редактором газеты "Известия" Ю.М.Стекловым, академиком Н.И.Вавиловым, первым директором Института Маркса-Энгельса Д.Б.Рязановым, директором Института мировой литературы академиком И.К.Лупполом и др.

Есть предположение, что 37-й год Левидову помог пережить Н.В.Крыленко, автор предисловия к его книге "Стейниц – Ласкер". Как известно, Крыленко был организатором советского шахматного движения и не давал свои "кадры" в обиду. Во всяком случае, является фактом то, что "шахматные" потери в результате сталинских репрессий были минимальны – даже после гибели заступника.

Книга "Стейниц – Ласкер" в Советском Союзе не переиздавалась, в то время как после реабилитации Левидова была переиздана другая его книга – "Путешествие... Джонатана Свифта", вышедшая в свет впервые в 1939 году и переизданная с предисловием Аникста в 1964 году. Не исключено, что именно первое издание этой книги с намеками на современную действитель-

---

*Э л ь с б е р г, Яков Ефимович – литературовед и критик. "Прославился" не своими литературоведческими трудами, а многочисленными клеветническими доносами в КГБ на честных литераторов.

ность сыграло роковую роль в судьбе автора. Во всяком случае, "Краткая литературная энциклопедия" (М., 1967) пишет об этом так: "Книга отличается точным и острым языком, язвительной и страстной полемичностью, психологической достоверностью, сочетанием строгой научности с беллетристичностью. Внутренняя тема книги — художник и время — придала ей современное звучание. Левидов был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован" (автор статьи Я.А.Безрезовский). При жизни таких хвалебных строк писатель не дождался.

Левидов никогда не чуждался еврейской темы. Одна из лучших (по нашему мнению — лучшая) работ о великом еврейском актере Михозлсе написана им. Она была опубликована в № 4 журнала "Литературный критик" за 1935 год. Название статьи — "Мысль и страсть". Это произведение, состоящее из четырнадцати маленьких главок, повествует о величайшем триумфе актера — его игре в "Короле Лире". Исходной точкой для воплощения роли несчастного короля служит прочтение Библии — "Книги Иова". Левидов пишет:

"Книгу Иова" Шекспир ведь знал. Путь Иова к страсти и мысли, конечно, был творчески близок автору "Короля Лира". Своим художественным чутьем Михозлс это понял, отсюда — "библейские моменты" в его трактовке роли"*.

Левидов в надвигавшейся сталинской ночи (главка "Ночь и утро") пропел гимн Еврейскому театру. "Спектакль ГОСЕТа — это не только Лир и не только Михозлс. Это вся линия режиссерской работы, изумительно целостная, чувствующая и мельчайшие детали спектакля, мобилизующая настороженно-взволнован-

---

* Во времена шельмования религии воинствующим безбожником Е.Ярославским Левидов мужественно писал о роде человеческом, который создал "старинные чудесные книги — Иова, Иеремии, Исаяи..." (М.Левидов. Путешествие... Джонатана Свифта...". М., "Советский писатель", 1964, стр. 76).

ное внимание зрителя на протяжении четырех с половиной часов. Это линия художника Тышлера, давшего спектаклю рамку, во многом — спорную, но насыщенную пафосом мрака, крови, боли... Это линия переводчика Галкина, сумевшего шекспиризировать еврейский язык. Мощь и страсть Шекспира не были утеряны Галкиным: это творческий перевод, это искусство. Это линия, наконец, всего актерского состава ГОСЕТа — Зускина, Гертнера, Ротбаум, Пустыльника..." (цитирую по книге "Михозлс Соломон Михайлович. Статьи, беседы, речи". М., "Искусство", 1964, стр. 425).

Возвращаясь к книге о Свифте, процитируем автора предисловия А.Аникста: "...Как написана эта книга! Каким языком! Как современна она по своей литературной манере!" Такое количество восторженных предложений стоит сравнить с плоским доносом в советской "Литературной энциклопедии".

Всеми этими достоинствами обладает и книга "Стейниц — Ласкер". Вообще, жанр биографии очень многим обязан Левидову. И у него, конечно, были учителя: в первую очередь, классик этого жанра Андре Моруа; особой популярностью пользовалась его книга "Карьера Дизраэли", ее перевод как раз вышел в Москве в 1934 году; Стефан Цвейг, автор популярной в то время книги о Жозефе Фуше. Были у Левидова и другие учителя: Густав Мейринк с его "Голомом", где наличествует шахматный мотив; Макс Брод, автор известной книги "Реубени, князь иудейский". Труднее найти прешествеников в русской литературе. Павленковская ЖЗЛ была тусклая и серая; правда, ее отличала честность. Думается, все же неоспоримым источником литературной учебы Левидова послужила неувыдаемая книга воспоминаний Александра Герцена "Былое и думы".

Печать времени лежит и на книге "Стейниц — Ласкер". Дух школы Покровского ощущается в ней. Но с книгами школы Покровского легко иметь дело. Подобно неисправному компасу, ошибка которого известна заранее, небольшая корректировка — и мы выходим на столбовую дорогу школы "буржуазного объективиз-

ма". Левидов пишет о Стейнице как основателе современного понимания шахматной игры в том смысле, как "Дарвин является отцом современного естествознания". Левидов прослеживает влияние на шахматную концепцию основных течений 60-х — 70-х годов 19-го века — позитивизма, рационализма, конкретизации мышления, отрицания интуиции как фактора познания, тяготения к объективным оценкам. Аналогии с учением Стейница Левидов находит и у Спенсера, и в государственной деятельности Биконсфильда, который, например, путем накопления минимальных преимуществ провел, наконец, выигрышную комбинацию со скупкой акций Суэцкого канала. И, конечно, Левидов хотел сравнить учение Стейница с учением Карла Маркса. По понятным причинам он от этого воздержался. Но сделаем некоторое сравнение.

Стейниц, родившийся в Праге и обучавшийся в Вене, в первый период своей жизни всецело находился под влиянием германской шахматной школы, школы романтических шахмат, типичным представителем которой был Андерсен. Переехав в Англию, он познакомился с позиционными шахматистами, во главе которых стоял Стаунтон. Именно из сочетания германского романтизма и английского медлительного практицизма вышло новое течение. Мы помним, что марксизм родился от трех направлений европейской мысли — немецкой идеалистической философии, французского утопизма и английской политэкономии. Эти аналогии не могли не бросаться в глаза Левидову.

В прекрасной книге Левидова имеется несколько исторических ошибок, второстепенных по сути, и есть одна проблема, которой автор, к сожалению, лишь едва касается. Речь идет о том, почему Стейниц вызвал в 1899 году на матч Чигорина. Шахматный мир почти не знал русского шахматиста. По рекомендации Винавера Чигорин участвовал в Берлинском международном турнире 1881 года, где он разделил третье — четвертое место с Винавером — средний успех. На турнире в Вене, состав участников которого был сильнее Бер-

линского, Чигорин провалился: среди восемнадцати участников он разделил 12–13-е места. В Лондоне, на третьем турнире, Чигорин имел средний успех – 4-е место, позади Цукерторта, Стейница, Блэкберна. От Цукерторта Чигорина отделяли 6 очков, от Стейница – 3!

Еще хуже обстояло дело с матчами. Единственный международный матч Чигорин сыграл на обратном пути из Лондона в Париже в 1883 году против старого французского мастера Арну де Ривьера, в свое время игравшего с Морфи, другом которого он был. Чигорин еле выиграл: + 5, – 4, = 1. В эти годы Арну де Ривьер не представлял собой никакой шахматной силы.

Современная система Эло, приложенная к поединкам шахматистов прошлого, показывает, что Чигорин не входил даже в первую десятку сильнейших шахматистов мира. Лишь после матча со Стейницем и дележа 1–2-го места с Вейсом на Нью-Йоркском турнире 1889 года Чигорин переместился на 3–4-е место в мировой иерархии. Мы видим, что шахматный талант Чигорина вывел из небытия Стейниц. Почему он к этому стремился? На этот вопрос чрезвычайно трудно ответить. Стейниц, подобно рабби Иехуди Ливи, также пражанину, создал из небытия Голема. Создал и боролся с ним и победил. Невероятная аналогия, если бы она не подтверждалась фактами.

Смехотворно звучит утверждение советского шахматиста Панова, что "Стейниц морально обязан был встретиться в матче на мировое первенство с Чигориным". Смехотворно потому, что Стейниц, приглашая играть матч, обошел, по крайней мере, десяток западных мастеров. Объяснение, которое дал Стейниц своему поступку, ровно ничего не объясняет. Стейниц говорит о стиле молодого Чигорина, восхищается этим комбинационным, ярким, энергичным стилем. Упоминает о своих встречах с ним. И все. Конечно, Стейниц не только создал себе соперника, но и дал возможность Чигорину пройти в матче самую хорошую школу мастерства. Даже с этой стороны аналогия с Големом поразительна. Если мы посмотрим на отношения Стейница к

Чигорину, то увидим, что они всегда были не только дружеские, но более того – отеческие. На склоне своих дней, получив уведомление о победе Чигорина в Будапеште и играя матч-реванш с Ласкером в Москве, он счел своим долгом направить Чигорину послание:

”10 ноября 1896 г., Москва.

Мой дорогой друг и глубокоуважаемый коллега! Примите мои сердечнейшие поздравления по поводу Вашей почетной победы в Будапеште. Ценители нашего благородного искусства будут искренне рады тому, что победил представитель России, которая сделала большой вклад в развитие шахмат, что является результатом Вашего гения и авторитета.

Разрешите заверить Вас, что из всех известных мне шахматных маэстро я желаю в дальнейшем наибольших успехов Вам.

С дружеским приветом, Ваш В.Стейниц”.

Шимон Авраамович Винавер в свое время убедил Стейница помочь Чигорину, вырвать его из тенет нищеты. Винавер убедил организаторов турниров пригласить неведомого им шахматиста. Винавер познакомил Чигорина со Стейницем, и Чигорин очаровал чемпиона мира. Стейниц сделал все для того, чтобы Чигорин вошел в большой мир шахмат, – все! Мы выскажем догадку, которую невозможно проверить, не находясь в России: Чигорин привлек внимание к себе необычностью своей судьбы. И, конечно, об этой необычности знал Винавер, а через него узнал Стейниц.

Что мы знаем о происхождении Чигорина, кроме необычной для русского фамилии? Панов первую главу своей книги о Чигорине назвал ”Из гуши народной”. Нам известно, что дед Чигорина, солдат эпохи Александра Первого*, был определен на Охтенский порохо-

---

* Евреи во времена Отечественной войны 1812 года приняли активное участие в защите России. Многочисленные примеры собраны в книге С.Гинзбурга ”Отечественная война 1812 года и евреи”. Еще более обширный материал собран в неопубликованной статье С.Дудакова – ”Отечественная война 1812 года и ритуальные процессы 10-х – 20-х гг. в Западном крае”.

вой завод. Его сын, Иван Иванович, отец шахматиста, поступил на тот же завод в качестве мастера. Не вдаваясь в спекуляции, укажем, что громадное количество мастеровых на пороховых заводах были кантонисты, в том числе и на Охтенском пороховом. Об этих людях написал в свое время интересную статью А.ф. Петрищев — "Кантонисты особого рода" (см. "Еврейская летопись", сб. 2, Петроград — Москва, 1923 г.). Петрищев, кстати, обращает внимание на имена, отчества и фамилии обращенных. Он считал, что всегда оставалась "метинка", позволявшая отличить "казенную работу" от самородного, коренного русского человечества". Кажется, эта "метинка" осталась не только в имени и отчестве отца ("Иван Иванович" — удвоение, свойственное имени-отчеству выкрестов), но и в фамилии. К сожалению, в наших руках нет документов, подтверждающих или опровергающих догадку, но фамилия Чигорин — явно странного происхождения*.

Если наша догадка верна, то стоит остановиться на "благодарности" Чигорина. Его жизнь в Петербурге была омрачена столкновением с Семеном Зиновьевичем Алапиным. Панов считает Алапина злым гением Чигорина.

---

* Существует некая закономерность утайки: мы никогда, даже в самой подробной биографии великого хирурга Н.И. Пирогова не обнаружим имени матери. Есть предположение, что мать великого хирурга была еврейка (см. "Новый восход", № 34, 1910 г., столб. 2). Имеется утверждение, что великий русский этнограф Владимир Даль также был еврейского происхождения (фамилия его матери — Фрейтаг), но ни в какой биографии вы этого не разыщите (см. С.А. Анский. Еврейское народное творчество. Сборник "Пережитое". С.-Петербург, 1908 г., том 1, стр. 277). Приведем еще несколько примеров сознательного замалчивания. Граф Иван Иванович Толстой, вице-президент Академии Наук: его мать — еврейского происхождения (см. "Евр. неделя", № 27, 1915 г.); Захарьин Григорий Антонович (1829 — 1897), выдающийся врач-терапевт: мать родом еврейка по фамилии Гейман. Ее брат был профессором химии Московского университета (см. проф. Голубов, "Григорий Антонович Захарьин", "Врачебное дело", № 3, 1927 год).

рина. И даже в книге советских авторов Е. Васюкова, А. Наркевича, А. Никитина "Михаил Чигорин" (М., 1972) лишь немного смягчена формулировка.

Семен Зиновьевич Алапин (1856 – 1923) был соперником Чигорина в шахматном первенстве России. Но не только соперничеством можно определить их отношения. Проф. А.А. Смирнов, тонкий ценитель шахмат (автор известной в свое время книги "Красота в шахматной партии", Л., "Академия", 1925), пишет об Алапине как о фигуре более значительной, чем Шифферс. Бескорыстное отношение к шахматной игре, полное отсутствие спортивного подхода – вот причины средних успехов этого мастера. Смирнов пишет:

"Это был подлинный мыслитель (кстати, незаурядный философ-любитель), для которого цель партии состояла не в выигрыше, а в объективном исследовании истины".

Алапин как теоретик оказал влияние на "гипермодернистов". И этого бескорыстного человека Панов ошельмовал. Кризис достиг апогея в отношениях Чигорина и Алапина (см. статью С. Дудакова "Русская партия", опубликованную в журнале "Народ и Земля", № 1, Иерусалим, 1984). Статья разбирает весь аспект отношений Чигорина и Алапина во время игры легкой партии в шахматном клубе, которую Алапин выиграл. Чигорин покинул клуб и создал новый, куда вошли люди, известные своими реакционными и антисемитскими взглядами: П.А. Сабуров, А.А. и М.А. Суворины (с семейством Сувориных Чигорина связывали и личные отношения и сотрудничество в "Новом времени", где он вел шахматный отдел). Новый клуб принимает устав, невиданный даже в царской России. Согласно ему, в члены клуба не допускались лица, не достигшие совершеннолетия, кроме детей, родители которых имели классные чины, то есть не допускались дети низших сословий, запрещалось допущение в клуб учащихся средних и низших учебных заведений (воспитанник Гатчинского сиротского института Миша Чигорин в клуб не был бы допущен), не допускались юнкера и нижние чи-

ны, и, самое главное, в новый клуб не допускались лица нехристианского вероисповедания. Совершенно очевидно, что если не считать немногочисленных мусульман и буддистов, населяющих Петербург, имелись в виду евреи, которые и составляли большинство шахматистов.

Об этом позорном уставе клуба Чигорина подробно рассказывают Яков Длуголенский и Владимир Зак в журнале "Нева", № 10 за 1986 год ("Время Чигорина"). Эта публикация камня на камне не оставляет от инсинуаций Панова и его присных. Как реагировали современники Чигорина на дискриминационные статьи устава клуба? В знак протеста из него ушли сильнейшие петербургские шахматисты: Эммануил Степанович Шифферс, Сергей Иванович Полнер, Иван Мартынович Зейбот, Николай Егорович Митропольский, Алексей Петрович Шишкин, Владимир Николаевич Юревич и др.

Такова была благодарность Чигорина еврейским мастерам Винаверу и Стейницу, выведшим его на дорогу больших надежд*.

Весь этот эпизод просто не вошел в книгу Левидова, что до некоторой степени и справедливо: это книга

---

* Отношения Чигорина и Алапина на этом не прекратились. Волею обстоятельств после смерти Чигорина Алапин оказался душеприказчиком его шахматного наследия. В шахматной печати появились проспекты, гласящие, что на основании личного архива Чигорина должна появиться биография мастера, его партии и теоретические анализы. Вероятно, начавшаяся мировая война, а затем — гражданская, помешали созданию этого труда. Куда исчез архив Чигорина, неизвестно. Никакой злой воли Алапина в этом не было. В 1914 году прах Чигорина был перевезен из Люблина в Петербург. Алапин прислал на могилу Чигорина венок с надписью: "Талантливому безвременно угасшему товарищу от С.З.Алапина". Панов и здесь находит криминал: он видит унижение Чигорина в том, что он назван талантливым, в то время как его следовало именовать гениальным.

о Стейнице, а не о Чигорине, хотя загадка вызова чемпионом мира второстепенного мастера — единственный случай за всю историю, и он так и остался загадкой.

В книге Левидова, как мы говорили, есть и фактические ошибки и просчеты. Совсем ничего не говорит он о семейной трагедии Стейница, когда он внезапно потерял жену и восемнадцатилетнюю дочь. Одной фразой отделяться ему не следовало. Левидов ни словом не упоминает о содержании книги "Еврейство в шахматах", над которой Стейниц начал работать во время пребывания в Москве, и это обидный для нас пробыл. Для Стейница еврейский вопрос — вопрос болезненный. В год смерти великого мастера — 1900-й — в Нью-Йорке вышла его брошюра под следующим названием: "Обращение "шахер-еврея" (еврея-торгаша) к венским и прочим антисемитам, или Очерк о капитале, работе и благотворительности".

В 1971 году в СССР вышла монография, посвященная жизни и творчеству Стейница. Ее автор, Я.И.Нейштадт, написал несомненно прекрасную книгу. Однако и он полностью не рассказал своим читателям о литературной работе, начатой Стейницем в Москве. Нейштадт пишет: "После матча Стейниц задумал большой научный труд. Он решил диктовать свою работу стенографистке одновременно на немецком и английских языках. Диктовал Стейниц у себя в номере в московской гостинице". Нейштадт не решился назвать истинную работу Стейница...

СЛОВНИК ЗНАМЕНИТЫХ ШАХМАТИСТОВ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ЧЕМПИОНЫ МИРА

1. Вильгельм Стейниц (1836 – 1900), чемпион мира с 1886 по 1894 гг.
2. Эмануил Ласкер (1868 – 1941), чемпион мира с 1894 по 1921 гг.
3. Михаил Ботвинник (род. 1911), чемпион мира с 1948 по 1963 гг.
4. Василий Смыслов (род. 1921), чемпион мира за 1957 г.
5. Михаил Таль (род. 1936), чемпион мира за 1960 г.
6. Роберт Фишер (род. 1943), чемпион мира с 1972 по 1975 гг.
7. Гарри Каспаров (род. 1963), чемпион мира с 1985 г.

ШАХМАТИСТЫ 19-го – НАЧАЛА 20-го вв.

1. Алапин, Семен Зиновьевич (1856 – 1923) – один из сильнейших шахматистов России конца 19-го – начала 20-го века. Окончил институт инженеров путей сообщений. Никогда не был профессиональным шахматистом. Крупнейший теоретик, оказавший влияние на Нимцовича. Существует дебют Алапина, система его имени в испанской партии и сицилианской защите. Внес улучшения во французскую защиту и в гамбит Эванса. Выиграл матчи у Барделебена и Левитского, а также свел вничью матч с Карлом Шлехтером. Большую известность получил как журналист и пропагандист шахмат. Один из первых в мире читал публичные лекции на шахматные темы.

2. Александр, Аарон (1766 – 1850).

Любопытно, что раввинская среда неоднократно выдвигала на поприще шахматной деятельности своих

представителей. Одной из самых талантливых фигур был раввин Аарон Александр (иногда называемый просто отцом Аароном). Родился в 1766 году в Гогенфельде, умер в Лондоне в ноябре 1850 года. Он был одним из сильнейших шахматистов своего времени, признанным авторитетом. Предполагают, что он одно время управлял шахматным автоматом Кемпелена. Рабби Александр выпустил две книги на французском языке: "Энциклопедия шахмат" и "Сборник красивейших шахматных задач". До сих пор они представляют ценный справочный материал.

3. Бернштейн, Осип Самойлович (1882 – 1962) – крупный и талантливый шахматист. Родился в Житомире. Образование получил в Берлине на юридическом факультете. Бернштейн никогда не был шахматным профессионалом. Еще до первой мировой войны он добился больших успехов. На петербургском турнире 1909 года Ласкер надеялся занять первое место и утверждал, что против него – два камня – "два штейна" – Рубинштейн и Бернштейн. Тогда Бернштейн сделал с чемпионом мира ничью, но в Петербургском турнире 1914 года выиграл у Ласкера. В Остенде (1907) он разделил с Рубинштейном 1-й – 2-й призы среди тридцати участников, выше Мизеса, Нимцовича, Тейхмана, Дураса, Сальве, Тартаковера, Шпильмана, Блэкберна и др.; в Вильно – Всероссийский турнир – занял 2-е место, на пол-очка пропустив Рубинштейна, выше Алехина и др. Между победителями проектировался матч на первенство России, но он не состоялся. Получив в Гейдельберге степень доктора права, Бернштейн переехал в Москву, где занимался адвокатурой. В 1920 году эмигрировал и поселился в Париже. После долгого перерыва принял участие в ряде соревнований, но без особого успеха. В 1933 году сыграл небольшой матч с чемпионом мира Алехиным и добился ничьей: + 1, – 1, = 2. После второй мировой войны и еще одного долгого перерыва взял 2-й приз в Лондоне в 1946 году. В 72-летнем возрасте возглавил команду Франции на 11-й Олимпиаде (1960) и в этом же году в Монтевидео в международ-

ном турнире разделил 2-й – 3-й призы, наравне с Найдорфом, среди восемнадцати участников, нанеся Найдорфу сенсационное поражение! Всю партию Осип Самойлович вел с юношеским блеском в острокомбинационном стиле, жертвуя ферзя!

4. Блюменфельд Б.М. (1884 – 1947) – по образованию юрист. В четвертом первенстве России (1905 – 1906 гг.) разделил второе и третье место. Крупный теоретик и методист. Именем его назван гамбит. Защитил диссертацию на тему "Проблемы наглядно-действенного метода мышления на базе шахматного материала", 1945 г.

5. Брейер, Дьюла (1894 – 1921). Несмотря на короткую жизнь, оставил заметный след в теории шахматной игры. Оказал влияние на Рихарда Рети. Именем его названы гамбит и система в испанской партии. Крупнейший успех в Берлинском международном турнире – в 1920 году – первое место, выше Боголюбова, Тартаковера, Рети, Мароци, Мизеса, Тарраша, Замиша, Шпильмана!

6. Вейсс, Макс (1856 – 1927) – один из ярчайших представителей венской шахматной школы. Никогда не был шахматным профессионалом, занимался в юности физикой и математикой. Банковский служащий. Крупнейший успех – двухкруговой Нью-Йоркский турнир при двадцати участниках. Поделил с М.И.Чигориным 1-е и 2-е места, выше Гунсберга, Блэкберна, Берда, Мэзона и др. Четыре партии матча с Чигориным за 1-е место закончились вничью. По словам Боголюбова, приведшего партии матча в своей книге о Чигорине, они были такого высокого качества, что не уступали современным лучшим партиям. Вскоре Вейсс от практической игры отошел.

7. Винавер Шимон Авраамович (1838 – 1919). Коммерсант, по торговым делам приехал в Париж, где его родственник, мастер Розенталь, уговорил его участвовать в международном турнире. К удивлению его организаторов, он занял второе место, после Колиша, но выше Стейница и др. Это было первое участие россий-

ского подданного в международном состязании. Крупнейшие успехи: Париж (1878) – 1-е и 2-е места, наравне с Цукертортом; Вена (1882) – 1-е и 2-е места, наравне со Стейницем; Нюрнберг (1883) – 1-е место, выше Блэкберна, Мэзона, Вейсса и др. Впоследствии отошел от практической игры. В истории известны гамбит Винавера и вариант, носящий его имя, во французской защите. По характеру своего творчества – изобретательный и предприимчивый тактик. Мастер яркого самобытного дарования. Изумительно виртуозно разыгрывал эндшпиль. Любопытно, что, не будучи профессионалом, оказал влияние на творческий почерк шахматистов совершенно отличного стиля. Историк шахмат Ненароков утверждает, что тактическим мастерством ему обязан Чигорин; Винавер был предшественником Ласкера в разыгрывании разменного варианта в испанской партии, а следовательно – предшественником и Роберта Фишера. Наконец, несомненно его влияние на творчество Рубинштейна, в частности, на изумительное искусство играть с начала партии на какое-нибудь ничтожное преимущество, проявлявшееся в эндшпиле. Шимон Авраамович Винавер пригласил Чигорина на турнир, дав ему самую лестную рекомендацию. Сохранились интересные воспоминания о закате его жизни, написанные Дуз-Хотимирским.

8. Гарвиц, Даниэль (1823 – 1884) – выдающийся немецкий мастер, один из сильнейших шахматистов мира своего времени. Живя в Англии, издавал журнал "Бритиш чесс ревью" (1853 – 1854). Из матчевых успехов отметим матч с Андерсеном, окончившийся вничью (1848), победу над Левенталем (1853). В 1858 году Гарвиц проиграл матч П.Морфи (2, – 5, = 3). Гарвиц был одним из первых шахматных профессионалов. Он числился младшим компаньоном книгоиздательской фирмы, но делами почти не занимался, отдавая все время шахматам. Перу Гарвица принадлежит популярное в свое время шахматное руководство.

9. Горвиц, Бернгард (1808 – 1885) – принадлежал к семизвездю берлинских шахматистов. По про-

фессии живописец. С 1839 года жил в Гамбурге, а в 1845 году переехал в Лондон, где сыграл несколько матчей, в том числе и со Стаунтоном, которому проиграл с почетным счетом. В первом международном турнире в Лондоне получил 8-й приз. Выиграл матч у Берда. Наибольшую известность приобрел как исследователь эндшпиля и этюдист. Совместно с Иосифом Клингом (1811 – 1876) составил множество этюдов, являющихся ценным вкладом в теорию эндшпиля. Горвиц и Клинг считаются предтечами современного этюда.

Практический игрок у Горвица отступал на второй план. Как пишет историк шахмат Людвиг Бахман, ему не хватало должной выдержки, но в концах партий он был тонким мастером.

10. Гунсберг, Исидор (1854 – 1930) – выдающийся шахматист, один из первых претендентов на звание чемпиона мира. Проиграл матч Стейницу с почетным счетом + 4, – 6, = 9; свел вничью матч с Чигориным; выиграл матчи у Берда и у Блэкберна; в международном турнире в Гамбурге (1885) занял первое место, выше Блэкберна, Вейсса, Мэзона, Тарраша и др. В Нью-Йоркском турнире 1889 года занял третье место, всего на пол-очка ниже Вейсса и Чигорина. Выиграл обе партии против Чигорина. По современной таблице Эло, после этого турнира у него был второй рейтинг в мире, позади Стейница, но впереди Блэкберна и Чигорина. Умер Гунсберг в жестокой нужде, надолго пережив славу. После матча со Стейницей Тарраш писал: "Гунсберг – первый из противников Стейница, который выступил против него с его же оружием в руках".

11. Делмар, Юджин (1841 – 1909) – американский мастер, один из организаторов американского шахматного движения. Крупнейший успех – дележ 3-го – 5-го мест в международном турнире в Нью-Йорке (ниже Ласкера, но выше Пиллсберри).

12. Колиш, фон Игнаций (1837 – 1889) – один из сильнейших шахматистов мира 60-х годов прошлого века. Барон Колиш родился в Прессбурге (Братислава), но большую часть своей жизни прожил в Вене. Не

был шахматистом-профессионалом. Был владельцем банкирского дома. Крупнейший успех Колиша — первое место в Парижском турнире 1867 года, выше Винавера и Стейница. Вскоре Колиш отошел от активной игры, лишь организовывал турниры и учреждал призы. В 1862 году в качестве секретаря шахматного любителя графа Кушелева-Безбородко приезжал в Петербург, где сыграл несколько матчей с русскими шахматистами. Это был первый приезд иностранного мастера в Россию. В 1861 году безуспешно пытался организовать матч с П.Морфи.

13. Кон, Вильгельм (1859 — 1913) — немецкий мастер. Крупнейший успех — на Кельнском международном турнире, 2-е — 4-е места, наравне с Чигориным и Харузеком, ниже Берда, но выше Стейница, Шлехтера, Яновского.

14. Кон, Эрих (1884 — 1918) — немецкий мастер. Крупнейший успех — 2-е место на Стокгольмском турнире, ниже Алехина, но выше Шпильмана (1912). В международном турнире в Аббации в том же году разделил 3-е и 4-е места, ниже Шпильмана и Дураса, наравне с Рети. Кон был убит на войне.

15. Левенталь, Иоахим-Якоб (1810 — 1876). Родился в Будапеште. Принимал участие в венгерской революции 1848 года. Эмигрировал в США, где играл с тринадцатилетним вундеркиндом — Морфи; с 1851 года жил в Англии. Участвовал в первом Лондонском международном турнире 1851 года и во втором — в 1862 году. Победитель Первого турнира Британской шахматной ассоциации (Манчестер, 1867). Выиграл несколько матчей у английских шахматистов. Был одним из руководителей Британской шахматной ассоциации, редактором журнала "Чесс плейерс мэгэзин" (1863 — 1867). В матче с Морфи (1858 г.) добился лучшего результата среди европейских шахматистов (+ 3, — 9, = 2). Жизнь политического эмигранта была несладка. Тем более заслуживает внимания тот факт, что победитель Левенталья — Морфи — на полученный приз меблировал квартиру своего шахматного противника!

16. Левенфиш, Григорий Яковлевич (1889 – 1961), один из сильнейших довоенных шахматистов, по образованию инженер-химик. В ранние годы неоднократно встречался с Алехиным, с которым был дружен. В четвертом Петербургском турнире 1913 года разделил с Алехиным 1-е место, на 3-м был Дурас, на 4-м – Зноско-Боровский. Дважды был чемпионом СССР – в 9-м первенстве совместно с И.Рабиновичем, в 10-м первенстве – единолично. Звание успешно защитил в матче с Ботвинником (1937) – + 5, – 5, = 3. Этот успех принес ему титул гроссмейстера.

По оценке экс-чемпионов мира Ласкера и Капабланки, Левенфиш уступал в силе в СССР только Ботвиннику. Трудями Левенфиша создавалась советская шахматная школа. Левенфиш разрабатывал вопросы теории, в чем был признанным авторитетом. Издал несколько турнирных и матчевых сборников, дебютную энциклопедию, учебники шахматной игры, выдержавшие несколько изданий, руководство по ладейному эндшпилю и множество статей. Автор интересных воспоминаний о своей жизни, незаурядных для своего цензурного времени. Стиль Левенфиша – резко комбинационный, многие партии его получили отличия за красоту. Недаром он был другом Алехина. Интересно было бы узнать, относил ли чемпион мира своего друга к "арийцам" или к "евреям"!

17. Мароци, Геза (1870 – 1951) – крупнейший венгерский шахматист. Алехин в антисемитской статье "Еврейские и арийские шахматы" называет Мароци арийцем. Это или иное обстоятельство спасло Мароци от рук нацистов.

Крупнейшие успехи Мароци выпали на эпоху перед первой мировой войной: Лондонский турнир 1899 года, дележ 2-го – 4-го мест с Пиллсберри и Яновским, позади Ласкера; турнир памяти Колиша – Вена (1899 – 1900) – 1-е место; Монте-Карло (1902) – 1-е место, впереди Пиллсберри, Яновского, Тейхмана, Тарраша; Остенде (1905) – 1-е место, впереди Тарраша, Яновского, Шлехтера и др.; Бармен (1905) – 1-е – 2-е мес-

та, наравне с Яновским, впереди Маршалла и др. Затем успехи Мароци уменьшаются, но еще в 1923 году в Карлсбадском турнире он делит первое место, наравне с Алехиным и Боголюбовым, выше Рети, Нимцовича и др. Мароци — известный теоретик, остались названия его систем в испанской партии и в сицилианской защите. Был тренером будущего чемпиона мира Макса Эйве и чемпионки Веры Менчик. Исследовал ферзевые эндшпили, в разыгрывании которых не имел равных. На русском языке в 1929 году вышла его книга о Морфи.

18. Мизес, Якоб (1865 — 1954). Прожил долгую и интересную жизнь. Родившись в Германии, переехал во Францию и оттуда, спасаясь от нацистов, бежал в Лондон. Как шахматист, отличался преданностью романтическим шахматам, а следовательно, по классификации Алехина, должен был бы относиться к "арийским" шахматистам. К нему с большой симпатией относился М.И. Чигорин. Успехи Мизеса были неравномерны. Крупнейшим его успехом следует считать дележ 3-го — 4-го мест в турнире мастеров в Остенде в 1907 году. Турнир-гигант имел 30 участников. Мизес лидировал почти все время, но в конце устал и уступил 1-е — 2-е места Рубинштейну и Бернштейну. 3-е — 4-е места он разделил вместе с Нимцовичем, выше Тейхмана, Дураса, Тартаковера. Мизес был первым в Вене (1907) — выше Дураса, Видмара, Мароци, Тартаковера, Шлехтера, Шпильмана и др. — выдающееся достижение. Из матчей, сыгранных Мизесом на протяжении пятидесяти лет, следует отметить ничейный результат с Яновским: + 6, — 6, = 2, достигнутый в 1895 году, и матч, проигранный престарелый мастеру чемпионке мира Вере Менчик в 1942 году со счетом + 1, — 5, = 5.

Выдающуюся роль сыграл Мизес как шахматный литератор, журналист и общественный деятель. Он издал несколько пособий по эндшпилю. Его дебютные изыскания посвящены его любимым дебютам: северному гамбиту, скандинавской защите, а также ферзевому гамбиту и французской защите. Он был издателем антологий лучших партий и задач.

19. Нимцович, Арон Исаевич (1886 – 1935) – выдающийся гроссмейстер, один из претендентов на мировое первенство, крупнейший теоретик 20-го века. Родился в Риге в семье мебельного фабриканта. Отец, большой любитель шахмат, был первым его учителем. Учился Нимцович в Гейдельберге и в Берлине. Еще до первой мировой войны достиг гроссмейстерского класса. Разделил 1-е – 2-е места с Алехиным во Всероссийском турнире 1913 года. Матч за первое место окончился вничью. Крупнейший успех: довоенный дележ 2-го – 3-го призов на Сан-Себастьянском турнире 1912 года; позади Рубинштейна, наравне со Шпильманом, выше Тарраша, Маршалла, Дураса, Тейхмана, Шлехтера и др. Вершины своей карьеры достиг в Карлсбаде в 1929 году (22 участника), обогнав Капабланку, Шпильмана, Рубинштейна, Видмара, Эйве, Боголюбова, Грюнфельда, Мароци, Тартаковера, Маршалла и др. Получил моральное право играть матч с Алехиным. Матч не состоялся из-за денежных затруднений.

Нимцович много сделал для прогресса шахматной мысли. В ряде еще довоенных статей он выступил против "догматизма" Тарраша. Таким образом, мы видим, что критика "еврейских" шахмат исходила от еврейских же шахматистов. Свою теорию Нимцович изложил в ряде своих книг – "Блокада", "Моя система", "Моя система на практике" – неоднократно издававшихся в СССР. "Моя система" была настольной книгой чемпионов мира Т.Петросяна, Б.Спасского, А.Карпова.

Имя Нимцовича носят предложенные им дебюты и дебютные системы. Самая популярная защита нашего времени – защита Нимцовича. Имеются дебют Нимцовича, системы Нимцовича во французской защите, сицилианской защите, защите Филидора, защите Каро-Канн и в ряде других дебютов. Жизнь Нимцовича оборвалась безвременно на 49-м году. Умер он в Копенгагене. Недавно в Советском Союзе вышла книга, посвященная его творчеству.

20. Розенталь, Самуил (1837 – 1902) – французский мастер. Участник польского восстания. Бежал в

1863 году из России. Победями в турнирах кафе "Режанс" в 1865 – 1867 гг. и в национальном турнире 1881 года завоевал репутацию сильнейшего шахматиста Франции. Участвовал в пяти международных турнирах. Крупнейший успех – в Вене в 1873 году: 4-е место, позади титанов – Стейница, Блэкберна, Андерсена, выше Берда, Паульсена и др. Напомним, что он был родственником Винавера и пригласил его участвовать в международном турнире.

21. Рети, Рихард (1889 – 1929) – выдающийся шахматный теоретик, один из создателей школы "гипермодернизма" (наряду с Брейером и Тартаковым). Автор дебюта, носящего его имя. Как этюдист, он "покрыл себя неувядаемой славой" ("Советский шахматный словарь". М., 1964). Глубокая идейность и художественный блеск составляют отличительную черту творчества этого шахматиста, безвременно скончавшегося в возрасте 40 лет.

Современные шахматисты немыслимы без идей Рети. Рети был блестящим шахматным журналистом, оставил нестареющий учебник шахматной игры, переиздаваемый до сих пор. Лучшие успехи Рети: Гетеборг (1920) – 1-е место, выше Рубинштейна, Боголюбова, Мизеса, Тарраша, Тартакова, Эйве и др.; Теплиц-Шенау (1922) – дележ 1-го – 2-го мест со Шпильманом, выше Грюнфельда, Тартакова, Рубинштейна и др.; Острава-Моравская (1923) – 2-й приз, позади великого Ласкера, но впереди семи гроссмейстеров и пяти мастеров; в Нью-Йоркском гроссмейстер-турнире при одиннадцати участниках в два круга занял 5-е место (позади Ласкера, Капабланки, Алехина), выиграл сенсационную партию против "непобедимого" чемпиона мира Капабланки. Незадолго до смерти, в 1928 году, взял четыре первых приза – в Вене, Стокгольме, Гиссене и Брюно. Преждевременная смерть отняла одного из самых интересных шахматистов истории.

22. Рубинштейн, Акива Кивелевич (1882 – 1961) – крупнейший шахматист России и Польши перед первой мировой войной. Неоспоримый претендент на зва-

ние чемпиона мира (против Ласкера и Капабланки). К сожалению, из-за денежных затруднений матчи не состоялись.

”Творчество Рубинштейна оставило неизгладимый след в истории шахмат” (“Советский шахматный словарь”). Рубинштейн обогатил и развил теорию Стейница, открыл новую страницу в теории эндшпиля, особенно ладейных окончаний, создал неувядаемые системы в защите Нимцовича, дебюте 4-х коней, сицилианской и французской защитах, в меранской системе ферзевого гамбита, в защите Тарраша. Послужной список Рубинштейна впечатляющий: он выиграл все матчи против Сальве, Мизеса, Маршалла, Тейхмана, Флямберга, Шлехтера, Боголюбова. Взял на протяжении своей карьеры 16 первых призов. Наиболее значительные победы он одержал в 1912 году — 4 первых приза в турнирах суперкласса: Сан-Себастьян — двухкруговой турнир при одиннадцати участниках — выше Нимцовича, Шпильмана, Тарраша, Шлехтера, Тейхмана и др.; Пестьян — 14 очков из семнадцати; отрыв от второго призера — Шпильмана — на 2,5 очка; Бреславль — наравне с Дурасом, но выше Тейхмана, Тарраша и др.; и, наконец, Всероссийский турнир в Вильне: обогнал Бернштейна, Левитского, Нимцовича, Алехина, выиграв у последнего учебную партию. Еще в 1909 году в Петербургском турнире Рубинштейн разделил с чемпионом мира Ласкером 1-е и 2-е места, выиграв личную встречу. Это давало формальный повод вызвать Ласкера на матч, но Акива Рубинштейн всегда был непрактичным человеком.

Первая мировая война резко ухудшила здоровье Рубинштейна. Возможно, зверства отступающих русских частей и принудительная эвакуация еврейского населения из прифронтовой полосы повлияли на него. Как бы то ни было, психическое состояние Рубинштейна ухудшилось, и, хотя в Вене (1922) он первенствовал — выше Алехина, у которого выиграл, Боголюбова, Тартаковера и др., он не имел возможности осуществить матч с Капабланкой (в 1911 году в Сан-Себастья-

яне Акива нанес поражение кубинцу). Последние 30 лет жизни Рубинштейн провел в Брюсселе в специальной лечебнице. В годы оккупации бельгийцы спасли его от нацистов.

В статье Алехина имеется выполненная в нацистском духе карикатура на Рубинштейна.

23. Сальве, Григорий Соломонович (1862 – 1920) – один из сильнейших шахматистов России и Польши. Лишь в возрасте двадцати лет он научился игре и лишь в 40 (!) лет впервые играл в турнире. В 4-м Всероссийском турнире (1905 – 1906) он был первым, в Лодзинских турнирах (1903, 1905) он делил 1-е – 2-е места с Рубинштейном. Лучшее достижение Сальве – 2-й приз на международном турнире в Дюссельдорфе (16 участников), ниже Маршалла, но выше Шпильмана, Мозеса и др. Сальве – основатель Лодзинской шахматной школы, из рядов которой вышел Рубинштейн. Польское шахматное движение многим обязано ему.

24. Ротлеви, Г.А. (1889 – 1920) – один из талантливейших учеников Лодзинской школы. Во Всероссийском турнире любителей (1909) уступил первое место Алехину. В Гамбурге (1910), на 17-м конгрессе Германского шахматного союза, в "главном" турнире взял первое место. Лучшее международное достижение Ротлеви – 4-й приз на грандиозном турнире в Карлсбаде (1911) – позади Тейхмана, Рубинштейна, Шлехтера, но впереди Маршалла, Нимцовича, Видмара, Алехина и многих других. В связи с психическим заболеванием отошел от шахмат.

25. Тарраш, Зигберт (1862 – 1934) – один из крупнейших шахматистов конца 19-го – начала 20-го вв. Таблица Эло на протяжении чуть ли не двадцати предвоенных лет до первой мировой войны выводила его на второе место, после Ласкера. Крупнейший популяризатор стейницевского учения. Постоянный объект советской шахматной критики 40-х – 50-х гг., когда он в истории шахмат занял место, аналогичное местам Вейсмана и Моргана в биологии. Даже "Советский шахматный словарь" 1964 года оперирует такими поняти-

ями, как "усугубил догматизм Стейница", "Тарраш выступал врагом всего нового, прогрессивного, двигавшего шахматную мысль вперед". Лишь недавно, с изданием книги Я.И.Нейштадта "Зигберт Тарраш" (М., 1983), установлено равновесие. Естественно, по терминологии Алехина, Тарраш – представитель "еврейских шахмат". Тарраш внес громадный вклад в дебютную теорию шахмат, наголову разбивающую как раз "арийские" вымыслы Алехина. Его "защита Тарраша", равно как и упорная защита открытого варианта испанской партии, представляют собой самые что ни на есть "арийские" шахматы, ибо они зиждятся на активной контригре. Тарраш – учитель германских шахматистов на протяжении его почти полувековой деятельности. Девять раз Тарраш выходил победителем в международных турнирах. Свел вничью матчи с Чигориным и Шлехтером, выиграл с разгромным счетом у Маршалла. Уступил чемпиону мира Ласкеру (1908, 1916), когда его лучшие годы были позади. В строгом смысле слова Тарраш никогда не был шахматным профессионалом. Долгие годы он вел врачебную практику.

26. Тартаковер, Савелий Григорьевич (1887 – 1954), родился в Ростове-на-Дону, умер в Париже. Выдающийся шахматист, теоретик, литератор. Сформировался в Венской шахматной школе, где окончил юридический университет и получил степень доктора. Во имя шахмат отказался от карьеры. Начиная с 1905 и по 1951-й год принял участие чуть ли не в сотне турниров, из которых 16 раз выходил победителем. В Вене в 1922 году он был вторым после Рубинштейна, но выше Алехина и Боголюбова – пожалуй, это крупнейший его успех. В матчах Тартаковер побеждал Шпильмана, Рети, Дилиентала. Необычайная популярность Тартаковера связана с пропагандой идеи гипермодернизма (Нимцович, Рети, Брейер). Он является автором системы в ферзевом гамбите. Его книга "Ультрасовременная шахматная партия" представляет собой методологический шедевр. На русском языке в 20-е годы вышли 11 книг Тартаковера. По своему активному стилю, по класси-

фикации Алехина, должен относиться к "арийским" шахматистам. Одна из лучших его партий – против Мароци – из Теплиц-Шенаусского турнира (1922), проведена в духе творческих шахмат. Другая грандиозная партия – против самого Алехина на "Турнире наций" в Фолькстоне (1933), где чемпион мира был разбит в духе "файно-флоровской" школы! В годы второй мировой войны Тартаковец под именем лейтенанта Картье участвовал в движении "Свободная Франция", и за свою храбрость был награжден орденами французской республики.

27. Тейхман, Рихард (1868 – 1925) – выдающийся германский шахматист. Обладал невероятно флегматичным характером, а также страдал болезнью глаз. Как при этом он был одним из сильнейших шахматистов мира, остается загадкой. Тейхман – выдающийся мастер позиционной школы; сам же он не признавал никаких школ – ни новых, ни старых: "Существует лишь хорошая и плохая игра". К новым идеям Рети отнесся отрицательно. По поводу его дебюта, связанного с двойным фианкетто, называл это начало "двойной дырой". Практическая сила Тейхмана была грандиозной. В Карлсбаде (1911) он опередил 25 участников, в том числе – претендентов на мировое первенство: Шлехтера, Рубинштейна, Маршалла. Выиграл несколько матчей, в том числе у Мизеса и Шпильмана. В 1922 году встретился в матче с Алехиным. Представитель "арийских" шахмат не мог преодолеть сопротивление 54-летнего альтмастера. Счет: + 2, – 2, = 2! Тейхман был видным шахматным композитором.

28. Харузек, Рудольф (1873 – 1900), родился в Праге. В первом же международном выступлении (Нюрнберг, 1896) нанес поражение чемпиону мира Ласкеру, который заявил, что, вероятно, именно против Харузекка ему придется защищать свой титул. В Будапештском турнире (1896) разделил первое место вместе с Чигориным (проиграл дополнительный матч). В 1898 году победил в матч-турнире венгерских мастеров (выше Мароци). Умер от туберкулеза. Его стиль отличался

энергией и комбинационной силой. Называли его не иначе как "Пантера Харузек". Чигорин считал Харузекка "самым способным из всех молодых игроков". В свою очередь, Рудольф Харузек считал Чигорина своим учителем. В романе Густава Мейринка "Голем", действие которого происходит в Праге, выведен бедный и полусумасшедший студент по фамилии Харузек, говоривший шахматными категориями: случайное совпадение исключается.

29. Цукерторт, Иоганн-Германн (1842 – 1888) – немецкий еврей (отец – выкрест, ставший протестантским проповедником, мать – польская графиня). Учился в Бреславле на медицинском факультете; был талантливым хирургом. Еще в детстве стал полиглотом, овладев немецким, английским, французским, испанским, итальянским, польским, русским, латинским, ивритом, древнегреческим, санскритом. В Бреславле прошел шахматную выучку у Андерсена. При этом он занимался журналистикой, став одним из деятелей официальной бисмарковской политики. В качестве врача участвовал во франко-прусской войне.

В 1872 году Цукерторт переселяется в Англию и постепенно выдвигается в число сильнейших шахматистов мира. Крупнейшие его достижения: Париж (1878) – 1-й приз, выше Винавера, Блэкберна, Андерсена, Мэзона и др., Лондон (1883) – 1-е место, выше Стейница, Блэкберна, Чигорина и др. Цукерторт обогнал Стейница на 3 очка! Грандиозная победа! На этом турнире Цукерторт выиграл партию у Блэкберна с пожертвованием ферзя. Стейниц так писал об этой комбинации: "Начало замечательной концепции грандиозного масштаба", "Предыдущие ходы и только что сделанный ход белых составляют одну из величайших комбинаций, может быть, даже самую красивую из всех, которые были созданы на шахматной доске. Не хватает слов, чтобы выразить наше восхищение..."

Матч первенства мира Цукерторт проиграл Стейницу со счетом + 5, – 10, = 5. Это была победа "новой школы" над "романтиком старой", победа "еврейских"

шахмат над "арийскими"! После проигрыша Стейницу Цукерторт быстро потерял силу и не мог оправиться от удара. Вскоре он умер, не поняв того, что произошло в Сан-Луисе и Новом Орлеане, где проходил матч.

30. Шифферс, Эммануил Степанович (1850 – 1904) – родился в Петербурге, родители его из мещан города Великие Луки. Мы даже не знаем, был ли он крещеным евреем или нет. Окончил гимназию и некоторое время учился в университете на физико-математическом факультете, но курса не окончил. Сдал успешно экзамены на звание домашнего учителя. Все время посвящал шахматам. Быстро завоевал первое место в Петербурге. С появлением Чигорина он был оттеснен на 2-е место. Неоднократно участвовал в международных турнирах. Крупнейший успех – 6-й приз в Гастигском турнире (1895), позади титанов – Пиллсберри, Чигорина, Ласкера, Стейница, Тарраша, но впереди Блэкберна, Шлехтера, Гунсберга и др. Всего участвовало 22 шахматиста. Сыграл несколько матчей с Чигориным, один из которых выиграл; в Ростове-на-Дону проиграл экс-чемпиону мира Стейницу в 1896 году с почетным счетом: + 4, – 6, = 1.

Шифферс обогатил шахматную теорию исследованиями во многих дебютах (гамбит Эванса, русская, венская, французская партии, некоторые системы ферзевого гамбита).

Велика и пропагандистская роль Шифферса в России. Он вел шахматный отдел в журнале "Нива" и в ряде газет. Его самоучитель шахматной игры выдержал 6 изданий. Стил Шифферса отличался блеском комбинаций. За многие партии он получил отличия за красоту. В конфликте Чигорина с Алапиным в знак солидарности с последним Шифферс покинул петербургское шахматное собрание. Напомним, что Чигорин возглавил "Новый клуб", в члены которого не допускались лица нехристианского вероисповедания!

31. Шпильман, Рудольф (1884 – 1942) – выдающийся австрийский гроссмейстер. Один из претендентов на мировое первенство. Шахматист яркого комби-

национного дарования, чем резко отличался от других представителей Венской школы (Вейсс, Шлехтер, Марко). Рети писал о Шпильмане, что он "должен быть назван неоромантиком, ибо он ищет шахматной радости в возврате к стилю старых мастеров — понятно, с учетом новой техники, выросшей на основе принципов Стейница". По своему яркому стилю он является непосредственным учителем Таля. За свою шахматную карьеру он участвовал в 115 турнирах и 55 матчах! Крупнейшего успеха в своей жизни Шпильман добился на турнире в Земмеринге (1926) — выше Алехина, Видмара, Нимцовича, Тартаковера, Рубинштейна, Рети, Грюнфельда, Яновского и др.! В эти же годы он нанес два сенсационных поражения Капабланке. Из матчей следует отметить победы над Нимцовичем, Рети, Тартаковером, Штальбергом, Штольцем, Микенасом, Боголюбовым; над Эйве он одержал победу в тренировочном матче накануне завоевания последним звания чемпиона мира.

Шпильман была выдающимся шахматным писателем. До сих пор не устарела книга "Теория жертвы", где он рассматривает нестандартное соотношение — две легкие фигуры и пешка против ферзя. После аннексии Австрии бежал в Чехословакию, а затем — в Швецию, где и умер, не дождавшись победы над нацизмом. И этого романтика и отважного человека Алехин ошельмовал в своей статье!

32. Эглиш, Бертольд (1851 — 1897) — видный представитель Венской школы. Крупную победу Эглиш одержал в Лейпциге (1879) на первом турнире Германского союза: 9,5 очков из одиннадцати, впереди Паульсена. В международном турнире в Висбадене разделил 1-е место с Блэкберном и Шварцем, выше Мэзона, Винавера, Паульсена и др. После Гастингского международного турнира, в котором Эглиш не участвовал, он сыграл матч с победителем — Гарри Пиллсберри: все пять партий окончились вничью. Вскоре Эглиш скончался.

33. Яновский, Давид Маркелович (1868 — 1927) — родился в Гродненской губернии, в местечке Волко-

выск, умер на Ривьере. Один из претендентов на мировое первенство в борьбе с Ласкером. Неоднократно брал первые призы. Участвовал в турнире чемпионов в Остенде, в Монте-Карло и в других соревнованиях. Выиграл матчи у Винавера, у Маршалла, свел вничью матч со Шлехтером. Крупнейший успех: серию из четырех партий с Ласкером в Париже (1909) свел вничью: + 2, – 2. Оба матча на первенство мира проиграл Ласкеру с разгромным счетом. Славу Яновскому создали не только спортивные успехи, но и стиль его игры – предприимчивый, смелый, изящный. Вот кто был действительным учеником Чигорина! Яновский много писал как шахматный журналист, но книг после себя не оставил. Последние годы жизни великий шахматист провел в бедности. Добавим, что матчи с Ласкером состоялись благодаря меценату и поклоннику Яновского банкиру Пьеру Нарду.

Вышеприведенные имена относятся только 19-му веку и к первой трети 20-го. Количество евреев-шахматистов, начиная с 40-х годов, не поддается перечислению. Отметим только ближайших претендентов на мировое первенство.

1. Авербах, Юрий Львович (1922). Крупнейшие успехи: чемпион СССР в 21-м первенстве (1954), дележ 1-го – 3-го мест на первенстве СССР в 1956 году. Участник турнира претендентов в Швейцарии (1953), победитель ряда международных соревнований. Авербах – крупнейший советский теоретик эндшпиля. Под его руководством вышла двумя изданиями энциклопедия окончаний. Автор многочисленных статей, опубликованных в периодической шахматной печати.

2. Болеславский, Исаак Ефремович (1919 – 1977). Победитель ряда международных турниров, участник матч-турнира на абсолютное первенство СССР (1941). На 13-м первенстве СССР был третьим, на 14-м – вторым, после Ботвинника. Участник турнира претендентов в Будапеште (1950), разделил 1-е – 2-е места с Бронштейном, но уступил ему в матче. Участвовал в

турнире претендентов в 1953 году. Болеславский – выдающийся теоретик. Его именем названа система в сицилианской защите. Им сделаны открытия в староиндийской защите, в испанской партии, в защите Каро-Канн. Болеславский – выдающийся шахматный тренер. Очень многим был обязан ему чемпион мира Т.Петросян.

3. Бронштейн, Давид Ионович (1924) – один из крупнейших шахматистов мира на всем протяжении истории. Дважды чемпион СССР (1948, 1949), в 1970-м завоевал кубок СССР. Победитель 1-го межзонального турнира (1948), а также – межзонального турнира в Гетеборге (1955). Разделил победу в турнире претендентов вместе с Исааком Болеславским (Будапешт, 1950). Выиграл матч у Болеславского и получил право на матч с чемпионом мира Михаилом Ботвинником. Матч закончился вничью: + 5, – 5, = 14. Ботвинник сохранил свой титул (Москва, 1950).

Бронштейн – один из наиболее ярких, творческих комбинационных шахматистов. Свое кредо он высказал в книге "Импровизация в шахматном искусстве", вышедшей в 1976 году. Книга написана его другом Б.С.Вайнштейном, но главу о своем матче с Ботвинником написал сам Д.И.Бронштейн. Как теоретик Бронштейн прославился не только дебютными изысканиями (например, во внедрении в практику староиндийской защиты – детища Бронштейна и Болеславского), но и в создании выдающегося и до сих пор непревзойденного учебника о миттельшпиле. Речь идет о неоднократно переиздававшейся книге "Международный турнир гроссмейстеров. Нейхаузен – Цюрих, 1953" (М., 1956, 2-е изд., 1960 и другие издания). Книга переведена на ряд европейских языков.

4. Геллер, Ефим Петрович (1925) – один из крупнейших гроссмейстеров мира. Неоднократный чемпион СССР, в 1955 году разделил 1-е место со Смысловым. Выиграл матч на первенство СССР. Второй раз стал чемпионом СССР в 1979 году (в возрасте 54 лет). Несколько раз играл в турнирах претендентов (Цюрих

— 1953, Амстердам — 1956, Кюрасао — 1962). Крупнейший успех в карьере Геллера — дележ 2-го — 3-го места в Кюрасао наравне с Кересом, ниже Петросяна, но выше Корчного, Фишера и др. Участник претендентских матчей в 1968 и 1971 годах, победитель ряда международных соревнований. По своему стилю Геллер — яркокомбинационный шахматист, неоднократно получавший призы за красоту. Вне всякого сомнения, по оценке Алехина, должен относиться к "арийским" шахматистам. Велик вклад Геллера в теорию дебютов. Выступал в качестве тренера чемпиона мира Карпова.

5. Корчной, Виктор Львович (1931) — один из величайших шахматистов в истории шахмат. Трижды оспаривал звание чемпиона мира у Карпова. Пятикратный чемпион СССР. Победитель ряда международных состязаний. Выиграл матчи у Таля, Спасского, Петросяна, Полугаевского и у др. Причины поражения против Карпова лежали не только в плоскости шахматной (разница в возрасте их — 20 лет).

Корчной покинул СССР. Искренний и бескорыстный друг Израиля. Виктор Львович, по единодушному мнению критиков, в первую очередь — боец. Комбинационное дарование приносило не раз успех Корчному. Вне всякого сомнения, принадлежит к "творческим" шахматистам. И его поражение против Карпова — это поражение "чигоринской" школы в ее борьбе с "файно-флоровским" стилем.

6. Лилиенталь, Андрей Арнольдович (1911). Родился в Москве. До войны жил в Венгрии. Годы войны и последующие 25 лет провел в СССР. В конце 70-х годов вернулся в Венгрию. Еще до войны добился ряда крупных успехов: Уипешт (1934) — 1-е место, выше Пирца, Флора, Грюнфельда, Штальберга, Элисказеса, Видмара, Тартаковера и др.; чемпион СССР 1940 года, наравне с Бондаревским, выше Кереса и Ботвинника, у которого выиграл партию; турнир провел без единого поражения — высшее достижение в его карьере. Участник турнира претендентов в Будапеште в 1950 году.

Лилиенталь – шахматный журналист. В СССР вышла его книга "Жизнь шахматам" (М., 1969). Переезд в Венгрию благоприятно отразился на выступлениях венгерских шахматистов, упорно боровшихся на олимпиадах с командой СССР. По своим творческим взглядам Лилиенталь – острый тактик, неоднократно побеждавший своих соперников каскадом жертв. Красивейшая партия Лилиенталья – победа над Капабланкой в Гастингском турнире (1934 – 1935). Лилиенталь выиграл с пожертвованием ферзя: победа комбинационной школы над "файно-флоровским" стилем.

7. Найдорф, Мигуэль (Моше) (1910). Один из претендентов на мировое первенство в первой половине 50-х годов. Родился в Варшаве. Из-за начала второй мировой войны застрел в Аргентине. Семья Найдорфа погибла от рук нацистов. Неоднократно занимал первые места в довоенной Польше и в международных турнирах в Мар-дель-Плата. Крупнейшего успеха достиг в Гаване в 1962 году. Свел матч вничью с Файном (1949), выиграл у Тартаковера (1935). Дважды играл в турнире претендентов (1950 – Будапешт, 1953 – Швейцария). Найдорф – выдающийся тактик. Еще до войны создал шедевр – "польскую бессмертную партию". Как шахматист сложился в довоенной Польше, не без влияния "чигоринской школы".

8. Полугаевский, Лев Абрамович (1934) – один из сильнейших шахматистов мира. Чемпион СССР 1967 года (вместе с Талем) и 1968 года. В 1969 году делил 1-е место на первенство СССР наравне с Т.Петросяном. Матч Петросяну проиграл. Трижды играл в претендентских матчах: выиграл у Таля, Мекинга; проиграл Карпову и дважды – Корчному. Полугаевский – один из самых лучших счетных шахматистов мира. Вместе с тем превосходно ведет позиционную борьбу. Недостатки – как шахматного бойца – лежат в области психологии.

9. Решевский, Самуэль (1911). Один из крупнейших шахматистов 40-х – 50-х годов. Родился в русской Польше. Начал свою карьеру вундеркиндом. На-

учился играть в 5 лет. На него обратили внимание в Лодзи — Сальве, а в Варшаве — Рубинштейн. В восьмилетнем возрасте гастролировал по всей Европе с сеансами одновременной игры. В конце 1920 года семья переехала в США, где его гастроли продолжались. Мальчик выиграл в сенсационном стиле партию у гротмейстера Давида Яновского. К счастью для мальчика, он был оторван от шахмат и закончил свое образование. Первые успехи пришли в середине 30-х годов. В Маргете в 1935 году он берет 1-й приз, побеждая Капабланку в личной встрече. В Ноттингэме в 1936 году делит 3-е — 6-е места, наравне с чемпионом мира Эйве и Файном, ниже Ботвинника и Капабланки, но выше Алехина, Ласкера, Боголюбова, Флора. В 1937 году в Кемери разделит 1-е — 3-е места, наравне с Петросяном и Флором, в 1939-м — в турнире Москва — Ленинград занял 2-е место, пропустив вперед Флора. В турнире претендентов Гаага — Москва (1948) разделит 3-е — 4-е места. В 1960 году в Буэнос-Айресе разделит первый приз с Корчным. Выиграл два матча у Найдорфа.

10. Сабо, Ласло (1917). Один из сильнейших западных шахматистов конца 40-х — 50-х годов. Родился в Будапеште. Из предвоенных соревнований отметим 1-е место в Гастингсе (1938 — 1939). Крупнейший успех — 2-е место в межзональном турнире 1948 года, позади Бронштейна, но выше Болеславского, Котова, Бондаревского и др. Всего было 20 участников. Участник турнира претендентов в Цюрихе (1953) и Амстердаме (1956). Дележ 3-го — 6-го мест. Неоднократно брал первые призы в международных соревнованиях. Сабо принимал участие в качестве арбитра матчей на мировое первенство. Журналист, редактор венгерского шахматного журнала. Как ни парадоксально это звучит — Сабо, будучи евреем — венгерским военным служащим в годы второй мировой войны, — был советским военнопленным.

11. Файн, Ройбн (1914). Один из сильнейших шахматистов мира конца 30-х — 40-х годов. Никогда в строгом смысле слова не был профессионалом. Профессор

психолог. Крупнейшее достижение – дележ с Кересом 1-го – 2-го мест в Авро-турнире, выше Ботвинника, Эйве, Алехина, Капабланки, Флора. Файн выиграл несколько международных турниров: в Зандворте (1936) – выше Эйве, Кереса, Боголюбова, Шпильмана и др.; в 1936 году – 1-е место, выше Эйве и Алехина. В 1937 году выиграл турниры в Стокгольме, Маргете, Остенде и, будучи в Советском Союзе, выиграл два турнира: в Москве – выше семи мастеров, в том числе Лилиентала, и в Ленинграде – выше Левенфиша и Рабиновича. В 1948 году отказался участвовать в матч-турнире на первенство мира. Шахматист позиционного стиля, отличался отточенной техникой, искусным маневрированием. Его имя легло в основу провозглашенной Пановым школы – "файно-флоровского" стиля. Файн – крупный теоретик, оставивший солидные труды по всем стадиям шахматной партии. В шахматной истории остался как один из немногих шахматистов, имеющих положительный баланс встреч с Алехиным: + 3, – 2, = 4.

12. Флор, Соломон Михайлович (1908 – 1983) – выдающийся гроссмейстер, высшие достижения которого выпали на вторую половину 30-х годов. Международная шахматная федерация (ФИДЕ) в 1938 году провозгласила Флора официальным претендентом на мировое первенство. В ФИДЕ были выдвинуты две кандидатуры – Капабланки и Флора. За Флора голосовало 8 человек, за Капабланку – 5. 30 мая 1938 года в Праге был подписан официальный протокол, матч назначался на конец 1939 года. Что произошло в это время, мы хорошо знаем: родина Флора была растоптана немецкими сапогами. Матч не состоялся, и вместе с тем произошло резкое падение шахматной силы гроссмейстера.

Первый крупный международный успех Флора – 2-е место в Рогатской-Славине (1929), позади Рубинштейна, но впереди Мароци, Грюнфельда, Земиша. В Гастингсе (1931 – 1932) – 1-е место, выше Кэждана, Эйве, Штольца и др.; в Лондоне – 2-е место, позади Алехина, выше Кэждана, Мароци, Тартаковера и др.; в

Слиач (1932) — 1-й — 2-й призы, наравне с Видмаром, выше Пирца, Мароци, Шпильмана, Боголюбова, у которого выиграл партию; в Берне (1932) — 2-е — 3-е места, наравне с Эйве, позади Алехина, но впереди Боголюбова, Султан-хана, Бернштейна и др.; в Гастингсе (1932 — 1933) — 1-е место, выше Алехина, Лилиенталья, Элисказеса и др.; в Цюрихе (1934) — наравне с Эйве, позади Алехина, но выше Боголюбова, Ласкера, Бернштейна, Нимцовича и др.; в Гастингсе (1934 — 1935) — 1-е — 3-е места, наравне с Эйве и Томасом, выше Капабланки, Ботвинника, Лилиенталья и др.; в Москве (1935) — дележ первого места с Ботвинником; крупнейший турнирный успех Флора — выше Ласкера, Капабланки, Шпильмана и др.; в Маргарет (1936) — 1-е место, выше Капабланки; в Падебрады (1936) — 1-е место, выше Алехина, Пирца, Штальберга, Рихтера, Петрова и др.; в Кемери (1937) — 1-е — 3-е места, наравне с Решевским и Петровым, выше Алехина и Кереса; в Кемери (1939) — чистое первое место; в Ленинграде — Москве — 1-е место, выше Кереса, Решевского и всех сильнейших советских шахматистов (Ботвинник не играл); в Маргарет (1939) — 2-е — 3-е места, наравне с Капабланкой, ниже Кереса. Затем успехи Флора, как мы говорили, резко сократились, хотя он не раз удачно играл на первенстве СССР в полуфиналах и на первенствах Украины. Флор выиграл 2 матча у Штольца (1931), матч — у Султан-хана, у Микенаса; матчи против Ботвинника и Эйве закончились вничью (1934 и 1932).

В молодости Флор был комбинационным шахматистом, но потом он перешел на позиционные рельсы. По словам Ботвинника, "его боялись". Вероятно, за шахматную силу и малый рост его называли "Наполеоном". В ответ на статью Романовского Ботвинник, подбивая итоги 11-го первенства СССР и отмечая недостатки советских шахматистов, как раз лежащие в области позиционного маневрирования, советовал изучать партии Флора и предлагал издать сборник его партий. Время войны Флор провел в СССР, где в 1942 году принял советское гражданство. Флор оставил заметный

след в шахматной журналистике. Уже после его смерти вышли в СССР сборник его партий (М., 1985 – в серии "Выдающиеся шахматисты мира") и сборник его шахматных очерков. Флор до войны был в Палестине, где выступал с сеансами одновременной игры. В Израиле живут его родственники, с которыми он поддерживал отношения.

13. Штейн, Леонид Захарович (1934–1973). Слишком рано оборвалась жизнь замечательного шахматиста. За свою короткую жизнь Штейн трижды побывал чемпионом СССР, 12 раз представлял СССР в командных соревнованиях; участник зональных и межзональных турниров, победитель многих международных турниров. Штейн был выдающимся шахматистом комбинационного стиля. Одна из глав книги, посвященной ему, так и называется – "Стратегия риска". Кстати, предисловие к этой книге было написано тогдашним чемпионом мира Карповым, что делает ему честь, ибо по своему стилю Карпов – представитель противоположного, "файно-флоровского" стиля. Карпов писал: "...его вклад в сокровищницу древней игры весьма значителен, своеобразен, ярк и по-своему неповторим". Многие партии Штейна получили призы за красоту.

ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ (1836 – 1900)

Турниры

1861	Вена	. . . . .	.1-е
1862	Лондон	. . . . .	.6-е
1867	Париж	. . . . .	.3-е
	Дэнди	. . . . .	.2-е
1870	Баден-Баден	. . . . .	.2-е
1873	Вена	. . . . .	.1-е
1882	Вена	. . . . .	1-е--2-е
1883	Лондон	. . . . .	.2-е
1894	Нью-Йорк	. . . . .	.1-е
1895	Гастингс	. . . . .	.5-е
1895	Петербург	. . . . .	.2-е
1896	Нюрнберг	. . . . .	.6-е
1897	Нью-Йорк	. . . . .	1-е--2-е
1898	Вена	. . . . .	.4-е
	Кельн	. . . . .	.5-е
1899	Лондон	. . . . .	.2-е

Матчи

1862	Дюбуа	. . . . .	+ 5, - 3, = 1
1863	Блэкберн	. . . . .	+ 7, - 1, = 2
	Дикон	. . . . .	+ 5, - 1, = 0
	Могредиен	. . . . .	+ 7, - 0, = 0
1864	Грин	. . . . .	+ 5, - 0, = 2
1866	Андерсен	. . . . .	+ 8, - 6, = 0
	Берд	. . . . .	+ 7, - 5, = 5
1870	Блэкберн	. . . . .	+ 5, - 0, = 1
1872	Цукерторг	. . . . .	+ 7, - 1, = 4
1876	Блэкберн	. . . . .	+ 7, - 0, = 0
1882	Мартинец	. . . . .	+ 7, - 0, = 0
	Мартинец	. . . . .	+ 3, - 1, = 3
	Сэлмэн	. . . . .	+ 3, - 0, = 2
1883	Мэкэнзи	. . . . .	+ 3, - 1, = 2
	Гольмайо	. . . . .	+ 8, - 1, = 1
	Мартинец	. . . . .	+ 8, - 1, = 1

1886	Цукерторг	+ 10, - 5, = 5
1888	Васкец	+ 5, - 0, = 0
	Гольмайо	+ 5, - 0, = 0
1889	Чигорин	+ 10, - 6, = 1
1890	Гунсберг	+ 6, - 4, = 9
1891	Чигорин (по тел.)	+ 0, - 2, = 0
1892	Чигорин	+ 10, - 8, = 5
1894	Ласкер	+ 5, - 10, = 4
1896	Шифферс	+ 6, - 4, = 1
1896	Ласкер	+ 2, - 10, = 5

ТРИНАДЦАТЫЙ

”Я не историк шахмат, я сам кусок шахматной истории, мимо которого никто не пройдет. Я о себе не напишу, но уверен, что кто-нибудь напишет”.

Так заявил шестидесятилетний Вильгельм Стейниц в 1896 году, за четыре года до своей одинокой и печальной смерти. И, говоря эти заслуженной гордостью насыщенные слова, не мог он, конечно, не вспомнить о сорока почти годах своей трудной и страстной шахматной жизни; но и не мог не подумать о предстоящем ему — вскоре после этих слов — новом и труднейшем испытании, о московском матче с Ласкером, о том матче, после которого понял, наконец, этот упрямый, волевой и страстный человек, что конец Стейница-шахматиста настал и ничем его не предотвратить, не задержать, не заметить...

Стейниц был прав. О нем писали. После смерти было напечатано в специальных шахматных изданиях несколько некрологов, появилось несколько коротеньких заметок и в общей прессе. Было рассказано несколько анекдотов. Было отмечено, что у бывшего ”чемпиона мира” был очень дурной характер.

Но — ”человек лишь тогда по-настоящему знаменит, когда он удостоивается внимания Британской энциклопедии”, — говорят англичане. И с этой точки зрения Стейниц знаменитым не был: Британская энциклопедия не удостоила его специальной статьей, упомянув лишь его имя в общей статье о шахматах. Не лучше отнеслись к Стейницу и составители словаря Ларусса, и французской Большой энциклопедии. Немецкий словарь Мейера, правда, посвящает Стейницу статейку в двадцать строчек, но — характерная мелочь — нужно

долго перелистывать страницы, чтобы найти в этом словаре хотя бы одну фактическую ошибку, а в статейке о Стейнице эта ошибка налицо: неверно назван год его рождения. И вряд ли особо беспокоились редакторы словаря, когда ошибка была обнаружена: ведь речь идет всего лишь о шахматисте.

Правда, шахматные авторы, писавшие о Стейнице, прекрасно знают, что речь идет не просто о шахматисте, а о гениальном мыслителе в области шахмат, о неутомимом искателе, о смелом новаторе, о большом человеке. Но и шахматные авторы, писавшие о Стейнице, не знают — это не входит в их компетенцию, — как печален был его жизненный путь, ибо в этом он разделит столь типичную судьбу новаторов, искателей, пролагателей новых путей во всех отраслях творчества: он был одинок, не признан, не понят даже в среде своих собратьев-шахматистов. Они отдавали ему должное, как партнеру за шахматной доской, долголетнему чемпиону мира, но пожимали плечами, когда речь заходила о "чуждачествах старика", о теоретических его исканиях, о глубокомысленных построениях, о героическом упорстве, с которым пытался он, и столько часто безуспешно и во вред себе, как практическому игроку, осуществить в жизни (то есть на шахматной доске — ведь она является жизненной реальностью для шахматиста) свои философско-эстетические (в шахматной области) принципы. Этот Стейниц стал нам ясен только теперь.

Никто из писавших о Стейнице ничего не мог сказать о нем как о человеке. Шахматы в этом смысле — совершенно особая область человеческого творчества, в корне отличная, согласно установившимся взглядам, от музыки, живописи, литературы. Шахматное творчество, на первый взгляд, максимально объективно, наименее зависит от личных качеств человека, от его социальной среды, от жизненной его биографии, оно, так сказать, выпадает из жизни самого шахматиста, подчиняясь имманентным законам самого жанра. Такого обыденное представление, которое, если бы дать ему наукообразное обоснование, явилось бы чисто идеали-

стической, насквозь формалистской концепцией. Но, повторяю, это даже не концепция, это только обычное представление, в свете которого никак не понять, что же в конце концов создает стиль и индивидуальность шахматиста. А понять это можно и должно при предварительном условии безоговорочного отказа от этого представления.

Изучение творчества выдающегося шахматиста, как и творчества каждого выдающегося человека в любой отрасли мышления и действия, — мыслимо лишь на основе изучения его социальной и личной биографии.

Но что делать, если таковая отсутствует? А она отсутствует у Стейница. Не в том смысле, что ее не было, а в том смысле, что о ней ничего не известно. Записано и опубликовано около тысячи шахматных партий, сыгранных Стейницем на протяжении сорока с лишним лет, но во всей шахматной литературе о Стейнице (а другой не существует) не найти ни одного высказывания Стейница на общую, не шахматную тему. Стейниц-человек никого никогда не интересовал. Настолько не интересовал, что ничего не известно о крупнейших внешних фактах его жизни, если они не связаны с шахматами.

Остается, таким образом, лишь угадывать и догадываться, восстанавливать картину на основе случайно дошедших до нас бледных штрихов и отдельных мазков. Нужно ли говорить, насколько трудна и неблагоприятна эта задача?

Итак, мы знаем, что Вильгельм Стейниц родился 14 мая 1836 года в бедной еврейской семье, жившей в еврейском квартале города Праги, третьего по значению своему города бывшей австро-венгерской монархии. Во второй четверти 19-го века еврейское гетто формально уже не существовало в городах Австро-Венгрии, но фактически еврейское население жило совершенно обособленной жизнью, и территориально и социально, а тем более в Праге, еврейская община которой была одна из старейших во всей Европе.

Это была община с длительной исторической традицией и богатой и унаследованной культурой, упорно охраняемой от посторонних влияний. Многие "светочи во Израиле", раввины и ученые, вышли из Праги; с городом этим связаны и многочисленные легенды еврейского средневекового фольклора, там возникла и знаменитая легенда о Големе* — материал для многих литературных произведений. Еще в 17-м веке главная пражская синагога называлась "старой" синагогой и еврейское кладбище — "старым" кладбищем.

История еврейской общины в Праге знакома и с кровавыми погромами, и с безжалостными выселениями.

Ассимиляционные тенденции, столь сильные в конце 17-го и начале 19-го века в берлинской и венской еврейских общинах, в гораздо меньшей степени коснулись пражской, жившей замкнутой жизнью, имевшей и свои административные органы, и свою юрисдикцию. Пражская община была довольно многочисленна — до 10000 человек, из которых многие были зажиточны. Но семейство Стейниц отнюдь не принадлежало к числу зажиточных: об отце Вильгельма известно лишь то, что он занимал какой-то очень маленький административный пост в общине и имел тринадцать детей — тринадцатым был Вильгельм.

Тринадцатый ребенок в бедной, полунищей еврейской семье — этим сказано все. Это означает: безрадостное убогое детство, физическая хилость, тяжелое и напряженное учение в религиозной школе, сложное заучивание библейских текстов уже с восьми — девяти лет. Трудно выдержать такое детство, но если ребенок выдерживает его, то получает определенный умственный закал, приобретает стойкость характера.

В еврейском гетто шахматная игра была издавна любимой игрой, и уже в двенадцатилетнем возрасте

---

* Г о л е м (соответствует Гомункулусу в германской литературе) — искусственно сделанный человек.

Вильгельм был известен на еврейской улице как хороший шахматист.

Однако этот еврейский мальчик не сразу стал шахматистом. На пути от детства к юношеству он прошел этап страстного, по-видимому, увлечения. Сведения об этом этапе очень скудны, они ограничиваются несколькими случайными намеками в некрологах и одним биографическим фактом. Речь идет об увлечении юного Стейница математикой. Стейницу, по-видимому, пришлось выдержать довольно серьезную борьбу за намеченный жизненный путь, ибо лишь в 1858 году, двадцати двух лет, он получил возможность покинуть Прагу и поступить на первый курс венского политехнического института. Есть все основания предполагать, что в этот юношеский период своей жизни Стейниц очень мало времени отдавал шахматам.

В КАФЕ "КУРОПАТКА"

Кроме этого голого факта, мы ничего больше о Стейнице-студенте не знаем. Мы не знаем даже, сколько лет он учился в институте и когда расстался с ним окончательно. Но что он с институтом, а также с математикой — расстался, это мы знаем, и данный факт сам по себе достаточен.

Полуанекдотической можно назвать известную версию, которую охотно повторяют историки шахмат в 19-м веке, версию о том, что Стейниц сделался шахматистом "случайно". Рассказывают, что, зайдя однажды в венское кафе "Куропатка", где собирались за игрой все лучшие венские шахматисты, и следя за партией, он сделал критическое замечание. Когда его резко оборвали, он тут же предложил двум лучшим шахматистам сыграть с ним, причем заявил, что будет играть, не глядя на доску, и блестяще выиграл обе партии.

Существует и другая версия этого рассказа. Стейниц часто ходил в кафе "Куропатка", но в комнату, где собирались шахматисты, он не попадал — вход ту-

да был обусловлен заказом какого-нибудь напитка, на что у Стейница не было денег. Но он следил за игрой через стеклянную перегородку, отделявшую шахматную комнату от других помещений кафе, следил столь долго и столь упорно, что ему однажды предложили сыграть, и тут обнаружилось, что он сильнейший в кафе шахматист. Но у этого рассказа есть следующая эффектная концовка: следя за игрой через стеклянную перегородку, Стейниц настолько испортил свое зрение, что он не мог более отдаваться своим занятиям в политехническом институте и принужден был его бросить.

Нет нужды входить в критическое рассмотрение всех этих и им подобных историй. Установлен факт, что в 1858 – 1861 гг. Стейниц был постоянным посетителем шахматной комнаты кафе "Куропатка" и участвовал в трех турнирах венских шахматистов, и наряду с этим имеются и другие сведения: в эти годы, по каким-то, оставшимся неизвестными причинам, он оставил занятия в институте.

Можно ли связывать два эти факта? Вопрос надобно поставить иначе: можно ли их не связывать?

На самом деле: что мешало Стейницу кончить институт? Математические его способности были незаурядны, память великолепна и осталась таковой до последних его дней. Правда, он очень нуждался, но мало ли в Вене бедных студентов? Кроме того, он мог прибегнуть к весьма легкому для него заработку – игре в шахматы на денежную ставку. Промелькнувшее кое-где предположение, что состояние здоровья не позволило ему заниматься в институте, не выдерживает критики: правда, Стейниц страдал сильнейшими ревматическим болями, но лишь значительно позже, а усиленным умственным трудом занимался с самого детства и чуть ли не до последних дней жизни. Версия же об ослаблении зрения совершенно анекдотична.

Отказавшись от продолжения и окончания своих занятий в политехническом институте, Стейниц тем самым отказался от обеспеченной и выгодной жизненной карьеры: этого он не мог не понимать – кадры дипло-

мированной интеллигенции в австро-венгерской монархии были не так велики. Следовательно, он пожертвовал верным жизненным будущим и, пожалуй, даже любимым делом — он любил математику, — ради чего?

Ответ нам известен: ради шахмат.

Но тут снова встают недоуменные вопросы. Ведь игру в шахматы ради развлечения и даже честолюбивое стремление стать сильнейшим игроком Вены можно было при известном усилии совместить с учением в институте, с возможностями для служебной карьеры. В ту эпоху еще почти не существовало профессиональных шахматистов, играли в шахматы любители — преимущественно обеспеченные люди. Лучшие шахматисты Европы, о которых, конечно, слышал Стейниц — Андерсен, Стаунтон и другие, — средства к жизни извлекали из других профессий; шахматная печать была очень бедна, и сама мысль о том, что шахматная игра может явиться источником существования, казалась в ту эпоху нелепой.

И вот эту нелепость желает осуществить молодой венский студент. Конечно, он не мог быть настолько наивным, чтобы предположить, что жизнь шахматиста-профессионала будет легкой, радостной и обеспеченной жизнью, но, очевидно, уже теперь ему было ясно: какова бы ни была его жизнь, шахматы — только и исключительно — могут и должны быть ее смыслом и содержанием. Шахматы — его призвание, которому нужно либо отдаться целиком, либо совсем не отдаваться: так должен был он чувствовать, приравнивая тем самым шахматы к любому другому призванию, как литература, музыка, живопись... И поэтому в этом вопросе Стейниц выступил новатором, искателем, прокладывателем путей, ибо до него, даже у лучших шахматистов 18-го и 19-го вв., шахматы были либо средством побочного заработка, либо развлечением, либо добавочным умственным интересом, но никак не принципиальным жизненным призванием, которому нужно принести в жертву все остальное. Стейниц же это сделал, обнаружив этим доминирующую черту своего характе-

ра: ненависть к компромиссам, прямолинейность, волевую целеустремленность. Он подписал вексель, по которому ему в конце жизни пришлось заплатить.

И заплатить – тяжело!

В эти первые годы характер и стиль игры Стейница мало отличался от стиля игры любого сильного шахматиста кафе "Куропатка". Правда, он играл несколько сильнее других и с каждым годом улучшал свою игру. В турнире венских шахматистов 1859 года он занял третье место, в турнире 1860 года – второе, и в третьем турнире – 1861 года – первое место, выиграв из 31 иггранных партий – 30. Но сила игры прочих участников этих турниров была, можно думать, не так велика: лишь несколько человек из них, как это можно судить по сохранившимся партиям, играли примерно в силу нынешних шахматистов второй категории. Посетителей же кафе "Куропатка" Стейниц бил, что называется, походя, давая при этом многим из них фигуру вперед. Тут он уже был признанным чемпионом. Жадное честолюбие Стейница, честолюбие человека, знающего себе цену и уверенного в своем призвании, уже сейчас, в эти первые годы, находило если не полное, то значительное удовлетворение. Трудно сказать, надеялся ли он уже тогда стать чемпионом мира по шахматной игре – самый этот титул тогда официально еще не существовал. Но выдающимся шахматистом Вены он уже имел основание себя считать, – едва только начав серьезно играть. И богатая пища представлялась его честолюбию, даже тщеславию, когда он – полунищий, молодой, недоучившийся студент – сталкивался за шахматной доской с людьми обеспеченными, занимавшими видное общественное положение, среди которых были и аристократ полковник, и титулованный майор императорско-королевской армии, и крупный чиновник, и выдающийся придворный музыкант, и видный юрист, и богатейший владелец пивоваренного завода, и хозяин оптового торгового дела, и влиятельный банкир, – вряд ли нужно приводить фамилии всех этих лиц, часто по-

сешавших шахматную комнату кафе и искавших удовольствия в игре с молодым полунищим студентом. Он видел против себя за доской представителей аристократической, чопорной, чиновной Вены, от которых был отделен, как только вставали они из-за доски, не прозрачной стеклянной перегородкой, а подлинно непроницаемой стеной классовых, сословных, религиозных различий... Но за доской, еще перед первым ходом, он себя чувствовал равным с полковником и пивоваром, с юристом и банкиром, а на втором, третьем, четвертом, двадцатом ходу видел он — таков уж характер шахматной игры, — что он умней своего партнера, глубже мыслит, смелей рассчитывает, талантливей комбинирует, что представляет он бóльшую ценность, чем партнер, и понимал, что понимает это — не может не понимать — и его партнер, — такова уж специфика шахматной игры, созданной человечеством. И тогда возникло у него это чувство превосходства, столь знакомое каждому выдающемуся шахматисту, чувство, звучащее, как могучий стимул для новой борьбы, новых побед, приходящее заново после удовлетворения его еще более сильным, еще более властным.

И этому чувству многим жертвовал молодой Стейница.

Встречи за шахматной доской, сами по себе дружеские, почти фамильярные, с банкирами и оптовиками, давали в руки важный шанс для делания карьеры. Ловкому молодому человеку было бы очень легко воспользоваться этим шансом. А если бы он еще догадался вовремя проиграть одну-две партии банкиру или оптовому, то, пожалуй, не пришлось бы долго дожидаться тепленького местечка в банкирской конторе, жалованья в оптовом предприятии.

Но такого рода дебют был не в стиле жизненной игры Вильгельма Стейница. Честное отношение к тому, что он избрал своим жизненным призванием, конечно, не позволило ему превратить шахматную партию в ставку для какой-то другой игры. А чувство шахматного превосходства уже в эти ранние годы породило у него

агрессивное, преувеличенное, пожалуй, чувство собственного достоинства. И в этом пришлось однажды убедиться одному из его партнеров, Эпштейну, крупному банкиру Вены, — убедиться за шахматной доской в кафе "Куропатка", во время одной из партий, иггранных им с этим неприятным, нищенски одетым недоучившимся студентом.

Студент, дававший своему партнеру коня вперед, что-то долго задумался над ходом.

— Ну-ну! — протянул недовольно банкир.

Подумав, сколько он считал нужным, Стейниц сделал ход. Теперь пришлось задуматься банкиру.

— Ну-ну! — скопировал Стейниц партнера.

Банкир вспыхнул. Очевидно, помимо всего прочего, он проигрывал партию.

— Не забывайте, что вы говорите с банкиром Эпштейном, молодой человек!

— За шахматной доской я, и один я — Эпштейн, — ответил Стейниц.

Имя "Эпштейн" было для него в данном случае условным термином, символом, подчеркивающим его превосходство, его призвание.

Да, такому молодому человеку трудно было получить тихое, тепленькое местечко в банкирской конторе.

ВЗЛЕТ

Ко второй половине 19-го века долголетняя борьба между Лондоном и Парижем за звание шахматной столицы мира и питомника великих шахматистов потеряла свою остроту. Один из соперников вышел из строя: после того, как знаменитый французский чемпион де Сент-Аман был побежден в историческом матче англичанином Стаунтоном, Франция, словно обидевшись, вообще не рождала больше и вплоть до нашего времени мировых шахматистов. Лондон торжествовал. И нужно признать, что основания для этого торжества были. К перелому века английские шахматисты горди-

лись такими именами, как Мак-Донель, Боден, Льюис, Уокер, Горвиц, Монгредиен, и был, наконец, среди них ученый и литератор, издатель и комментатор Шекспира, Хоуэрд Стаунтон, комбинации которого в попытках примирить различные шекспировские тексты были если и менее успешны, то не менее глубокомысленны и сложны, чем его комбинации за шахматной доской... К перелому века стали выдвигаться новые фигуры — Берд, Левенталь, Оуэн, несколько позже — Блэкберн; Лондон насчитывал уже несколько шахматных клубов, в Лондоне происходили важнейшие шахматные матчи. Триумф знаменитого американца Морфи в Европе начался с Лондона, и в том же Лондоне был организован в 1851 году первый в истории шахмат международный турнир.

И нельзя пройти мимо той характерной детали, что турнир этот был организован в связи и одновременно с первой в истории капиталистической Европы международной промышленной выставкой, открывшейся в Лондоне осенью 1851 года. Отразив в затяжной "позиционной" борьбе угрозу чартизма, справившись с промышленными кризисами, — капиталистическая Англия уверенными шагами шла к политической и экономической гегемонии на европейском континенте. Заявкой на эту гегемонию и была первая международная промышленная выставка. Вполне закономерно появилось стремление прихватить по дороге и гегемонию в области культуры, спорта и, в частности, главенствовать в культурнейшей из спортивных игр, и спортивнейшей из культурных игр — шахматной игре. Это стремление и способствовало инициативе лондонских шахматных клубов в организации такого сложного по тем временам предприятия, как международный шахматный турнир. Правда, победу в турнире одержал не Хоуэрд Стаунтон, гордость шахматной Англии, а безвестный до того времени любитель, скромный учитель математики в провинциальном немецком городке, Адольф Андерсен. Но турнир был все же организован в Англии, и денежные призы турнира — первые в истории шахмат офи-

циальные призы — исчислялись в английской валюте. К числу добродетелей английской буржуазии всегда принадлежало умение пользоваться чужими достижениями: в этом случае английского буржуа нельзя обвинить в узком национализме.

Но второй международный турнир удалось организовать в том же Лондоне лишь через одиннадцать лет — в 1862 году. Приглашение прислать своего представителя на этот турнир было послано и венскому шахматному клубу. Приглашение было принято, и на турнир поехал лучший венский шахматист, двадцатилетний Вильгельм Стейниц.

Стейниц никогда не вел дневника и не писал мемуаров. И мы не знаем, воскликнул ли он, высадившись на английскую землю: наконец-то! Но что-то в этом роде воскликнуть он должен был. Лестно было, что выбор Вены пал на него, творчески вдохновляла перспектива волнующей борьбы с лучшими шахматистами мира. Но это не все. Не мог не видеть Стейниц, получив приглашение, что перед ним открываются новые горизонты. Три года шахматной жизни в Вене и усиленной деятельности в кафе "Куропатка" — к чему привели они? Истожились все возможности, потухли все надежды, исчерпаны все иллюзии. Что же, еще несколько лет подряд брать первые призы на венских, по существу говоря, провинциальных турнирах? Сыграть еще несколько сот или тысяч партий в кафе "Куропатка" с банкиром Эпштейном, на ставку в несколько гульденов, давая коня вперед? Или — признать себя побежденным и все-таки обратиться к банкиру с просьбой о местечке в банкирской конторе?

И вот — Лондон. Поистине, столица мира не чета чопорной, чиновной, по существу мелкопровинциальной столице, где с именем Стейница всегда будет связываться представление о недоучившемся еврейском студенте. А ведь Вене не сравниться с Лондоном! Здесь шахматы поистине в почете — это мог заметить Стейниц уже в первые дни. Знаменитый ученый, популярнейшая

в Англии фигура, Томас Бокль, гордится своими шахматными достижениями, пожалуй, не меньше, чем своими учеными трудами. Хоуэрд Стаунтон, величавый джентльмен с важной и торжественной речью и внешностью персонажа Диккенса, настойчиво подчеркивает, что он не только спортсмен, поэт и шекспиролог, но и сильнейший в Англии шахматист, выигравший матч у Сент-Амана, и этим своим достижением удовлетворен больше, чем всеми остальными, на других поприщах. Да, и в Лондоне есть шахматное кафе, но разве "Симпсон-Диван", называющийся также "Сигар-Диван" — это великолепное, в восточном стиле орнаментированное (отсюда и его экзотическое название — Диван) кафе на Стрэнд, лучшей (в ту эпоху) улице Европы, напоминает хоть сколько-нибудь о жалком кафе "Куропатка" с его стеклянной перегородкой?! А еще — уютные кресла в "Симпсон-Диване" — на таких, пожалуй, не сиживал сам банкир Эпштейн в своем венском особняке. Да и здесь играют в шахматы на ставку (и Стейниц, со своими жалкими несколькими фунтами в кармане, весьма этим доволен), но ставка здесь не пара гульденов, а иногда даже английская великолепная золотая гинея!

Но есть в Лондоне и несколько шахматных клубов, и среди них и аристократический "Сент-Джордж Чэсс клуб". и богатейший "Сити оф Лондон клуб", вот уже много лет ведущие между собой ожесточенную борьбу за первенство. Помимо шахматных отделов во влиятельнейших газетах, существует в Лондоне и специальная шахматная печать. А "Wiener Schachzeitung", не может не вспомнить Стейниц, уж не выходит несколько лет за отсутствием средств. И затем, шахматная Англия — это не только Лондон: существуют процветающие клубы в Манчестере, Ливерпуле, Ноттингеме, Лидсе, Бристоле, Брайтоне — там устраивают даже большие турниры... И, наконец, — а это Стейниц считал главным, — в Лондоне, в Англии, как нигде в мире, сумеют оценить его талант и отдать должное ему — человеку, осуществляющему свое призвание, хотя его призвание — только борьба и торжество на 64 клетках деревянной доски.

Не мог Стейниц знать, что, когда в 1851 году соби-
рался Адольф Андерсен в Лондон на первый междуна-
родный шахматный турнир, он имел намерение оста-
ться в Лондоне и стать шахматным профессионалом, рас-
ставшись со своим постом учителя провинциальной
гимназии, ибо — передает биограф Андерсена, ”шли слу-
хи, что талантливый шахматист может иметь в Лондо-
не и славу, и почет, и деньги в полной мере”. Но Андер-
сен осторожно проверил эти слухи, убедился, очевид-
но, что они не вполне соответствуют действительности,
и расстался со своим намерением. Этот гениальный
шахматист, человек неожиданных, фантастических и
рискованнейших комбинаций на шахматной доске, от-
нюдь не был склонен к риску в своей повседневной
жизни, оставаясь всегда и всюду аккуратным и повсед-
невым немецким учителем. Еще не раз придется стол-
кнуться с этим характерным феноменом: резким про-
тиворечием, полярностью почти, между жизненным и
шахматным стилем знаменитых шахматистов; не име-
ет ли здесь место своеобразный процесс психологиче-
ской компенсации? Эта сложная тема ждет еще своих
комментаторов.

Но Стейниц, помимо того, что он отнюдь не пугал-
ся авантур на жизненном пути, находился в ином поло-
жении, нежели Андерсен: в Вене терял он очень немно-
гое. Мог ли он сомневаться, что его место в Лондоне?
Мог ли он решать иначе? Но это решение нужно было
оправдать выдающимся, по меньшей мере, значитель-
ным успехом на предстоящем турнире, — это Стейниц
понимал. Совершит ли он это?

Констатировать можно и сейчас, и не раз в дальней-
шем представится возможность в этом убедиться: чу-
дес, фантазмагорий, ослепительных эффектов, блиста-
тельных сенсаций в шахматной карьере Стейница не бы-
ло. Тяжелый, могучий, часто неблагодарный труд —
вот линия его шахматной жизни, начертанная глубоки-
ми морщинами на его характерном лице. Шахматный
язык таких виртуозов, счастливых шахматной дос-
ки, как Андерсен, Морфи, Цукерторт — в его эпоху,

как позднее — Капабланка — был Стейницу чужд и, можно думать, неприятен; да и нельзя было на этом языке решить жизненную задачу Стейница.

Успех у Стейница на лондонском турнире был довольно значительный, но никак не выдающийся.

Из 14 участников турнира лишь четверо, не считая Стейница, запечатлели свое имя в истории шахмат: Андерсен, Паульсен, Левенталь и Блэкберн. Но из них Гарри Джеймс Блэкберн, двадцатилетний в это время юноша, едва только начинал свою карьеру — лондонский турнир был его первым выступлением. Левенталь не закончил турнира, и лишь с двумя подлинными чемпионами пришлось состязаться Стейницу. И он проиграл не только им, но еще трем участникам турнира, в том числе Блэкберну, и окончил на шестом месте. Андерсен снова занял первое место, проиграв из 13 партий лишь одну (ничьи переигрывались).

Шестое место из 14, последний приз — скромная сумма пять фунтов стерлингов — первый призер получил сто. Как будто бы особенно хвастать нечем.

Но были две партии в этом турнире, которые позволили самому Андерсену заявить, что далек будет путь шахматиста из Вены. Одна из них не нуждается в особых комментариях: партия, выигранная Стейницею у англичанина Монгредиена, была единодушно признана всеми участниками турнира, шахматной прессой, и подтвердил это и Андерсен, наиболее сильно проведенной, красивейшей партией турнира. А другая партия заставила задуматься и самого Андерсена. Это была его партия со Стейницею.

Стейниц, игравший черными, в нормально начатой испанской партии нарушил на шестом ходу господствовавшие в ту эпоху основные принципы развития фигур, сделав типичный для зрелого Стейница "фантастический" ход. И был наказан: уже на 20-м ходу положение его казалось безнадежным. Но тут последовала "вспышка гения" — как говорит комментатор, а можно было бы сказать — "талмудический" ход, — сам по себе объективно слабый, но сила которого состояла в

том, что он казался еще слабее, гораздо слабее, чем он был в действительности. Жертвой этой иллюзии и пал Андерсен, сделавший ответный ход, отвечавший не на действительную, а на кажущуюся слабость хода Стейница.

Один преследует другого, расстояние все сокращается, дыхание преследуемого все учащенное, и вдруг преследуемый падает на землю. Преследователю кажется, что силы преследуемого истощились, и вместо того, чтобы остановиться самому и перевести дыхание, он бросается на лежащего. Но тот внезапно вскакивает, и преследователь, потеряв равновесие, падает сам. Таков был смысл маневра Стейница, давшего ему шансы на ничью. Правда, через несколько ходов он сделал грубый зевок, после которого партию спасти было нельзя, но маневр Стейница остался в шахматной истории с восклицательными знаками комментаторов.

И, быть может, этот маневр и помог Стейницу получить приглашение остаться в Англии в качестве шахматиста-профессионала.

”Слава, почет, деньги?” В этих ли терминах думал Стейниц о своем как будто уже обеспеченном будущем в Англии в 1862 году? Через двадцать с лишним лет, покидая Англию навсегда, он мог подумать, покачивая головой: было, все было, и... ушло.

Итак, он остается в Англии. Молодой, агрессивный, молчаливый, маленького роста, но крепыш, с тяжелым корпусом и уже солидной бородкой на юношеском еще лице, он импонирует англичанам своей выдержкой, своим отношением к развернувшейся серии успехов. А отношение это было весьма спокойное, в чисто английском стиле. Успехи? А как же иначе? Иначе ведь и быть не могло... И успехи действительно были. С неудержимым напором провел Стейниц в 1863 – 1865 гг. серию матчей с лучшими шахматистами Англии. Блэкберн, Монгреддиен, Дикон, Грин – один за другим выходили они на состязание, и каждый был побежден. Не только побежден – разгромлен. Сильнейший из них был Блэкберн, этот великий практик шахматной дос-

ки, начавший играть в шахматы двадцатилетним, на лондонском турнире 1862 года, и окончивший играть семидесятидвухлетним, на петербургском турнире 1914 года. И Джемс Генри Блэкберн, высокий, крепкий, веселый, со смеющимися глазами, — таким он еще был в Петербурге в 1914 году, — был разгромлен мрачным Стейницем: из девяти партий матча выиграл он лишь одну, при двух ничьих.

А затем были гастроли по всей провинциальной Англии, в местных клубах, были сеансы игры "вслепую", — Стейниц презирал эти "фокусы", считая их профанацией шахматной игры, но их требовал жадный до фокусов зритель.

И был матч в декабре 1865 года с Сесиль де Вером. Высокое мнение Стейница о самом себе не составляло секрета ни для кого. Но все же удивились английские шахматисты, когда услышали, что Стейниц согласился дать в этом матче своему противнику пешку и ход вперед, ибо уже в это время де Вер считался чрезвычайно сильным шахматистом. И тем более симпатизировало общественное мнение противнику Стейница, что этот юный лорд был еще очень молод, и английскому мещанству весьма импонировали его семнадцать лет, высокоаристократическое происхождение, — предку Сесиль де Вера приписывали, между прочим, авторство пьес Шекспира, — и его на самом деле необычайная одаренность не только в области шахмат. Но английское мещанство было удовлетворено: Стейниц проиграл этот матч, и с результатом малопочетным — всего 2 выигрыша из 12 партий, при трех ничьих. В жизненной партии Стейница этот матч был не только капризным, но и ложным ходом, первым, но — мы увидим дальше, — не последним. Много тактических ошибок совершал в своей жизни Стейниц, при общем правильном и вдохновенном стратегическом плане ее, и переоценка своих сил, как практического игрока за доской, была, пожалуй, главной...

Но этот отдельный, изолированный неуспех не помешал поклонникам Стейница добиться организации

матча Стейниц — Андерсен, важнейшего матча десятилетий.

БАЯРД и БУХГАЛТЕР

Нужно остановиться, как перед каждой решительной схваткой, взвесить и оценить положение и подвести некоторые итоги.

Адольф Андерсен. Ему сейчас, в 1866 году, 48 лет; пора увядания, пожалуй, близка, но еще не настала. Мнение шахматистов всех стран единодушно: он сильнейший. И не только потому, что он добился первенства, — блестяще добился в двух важнейших по тому времени международных турнирах, не только потому, что он выиграл несколько матчей. В нем импонирует все: и романтическая его внешность — он высок, худ, но мускулист; строгий, сухой, но выразительный, словно тонким мастером очерченный рисунок лица, и изящество манер, и быстрая, остроумная речь, и то, что он "любитель", а не шахматист-профессионал: это большое преимущество в глазах мещанства середины 19-го века, считающего, что шахматы — это "развлечение", недостойное быть профессией "серьезного" человека... И, конечно, импонирует "джентльменский" стиль его игры: он играет быстро, решительно, с эффектной легкостью, почти улыбаясь; но он умеет также проигрывать, не падая духом, не теряясь, не жалуясь на "несчастный случай". Его прозвище "баярд шахматной доски", "рыцарь 64 полей" также импонирует мещанству, пленяющемуся внешней, условной театральностью, которая "облагораживает" в их глазах прозаическую шахматную игру. И вполне естественно, что Андерсен, знавший о впечатлении, которое он производил на зрителей, со своей стороны способствовал, хотя бы подсознательно, созданию и закреплению этого впечатления.

Но не за это ценили и глубоко уважали Андерсена подлинные шахматисты. Им импонировала необычайная его одаренность, граничащая с шахматной гениаль-

ностью — о ней красноречиво говорили две его партии, иггранные в 50-х годах (одна с Кизерицким, другая с Дюфреном), сохранившие и до наших дней данное им название "бессмертной" и "вечнозеленой" партий. Андерсен был, конечно, сильнейшим, талантливейшим представителем так называемого "комбинационного стиля" шахматной игры (о нем еще будет идти речь), превалировавшего тогда среди шахматистов всего мира. Этот стиль игры Андерсен довел до максимальной остроты, до блестящего завершения, что, естественно, и обнажило органически присущие ему недостатки; но этого еще не видели в ту эпоху, не видел и тот, чья дальнейшая шахматная жизнь была посвящена неутомимой и поистине героической борьбе — и теорией и практикой — с этим господствовавшим стилем, с этой, можно сказать, школой. Вильгельм Стейниц этого еще не видел.

В матче с Андерсеном он не выступил законченным представителем какого-либо нового направления, носителем новых идей — это нужно сразу отметить. В этом же почти андерсеновском стиле играл и он. И по общему мнению, хотя сильнее всех других, но, по-видимому, слабее Андерсена. В сущности говоря, и успехи его до этого матча не были таковы, чтобы давать ему право претендовать на звание сильнейшего шахматиста в мире — а звание это фактически и было ставкой в данном матче.

Не приходится и говорить, что во всех остальных отношениях, с точки зрения широкой публики, Стейниц значительно уступал своему партнеру. Он вряд ли знал, что не "нравится", по той простой причине, что ему в голову никогда не приходило нравиться шахматным "болельщикам" или как-нибудь им импонировать. Ни артистической внешности, ни соответствующих наклонностей совсем не имел этот довольно мрачный, весь ушедший в себя, резкий, невежливый, самонадеянный человек, отнюдь не обладавший житейским тактом. И, конечно, никак нельзя было назвать "рыцарем", "баярдом" этого выходца из еврейского квартала Пра-

ги с его весьма прозаической внешностью солидного и слегка сердитого бухгалтера...

История сохранила нам весьма характерный снимок: Андерсен и Стейниц за шахматной доской в одной из партий матча. Высокая фигура Андерсена склонилась над доской. Взгляд его упорен, пронзителен, в позе его, в положении рук у доски — естественная, органическая артистичность, наклон головы говорит о напряженной воле, поношенный сюртук облекает его почти как римская тога, он эффектен и импонирует на первый же взгляд.

Партнер его и в сидячем положении производит впечатление коротконового, с тяжелым корпусом человека. Сидит он как-то скучно, невыразительно, пассивно — и не сравнить с активностью позы Андерсена. Любители дешевых символов могли бы назвать этот снимок "дух" и "материя".

Победа Андерсена казалась обеспеченной. В Лондоне нашелся лишь один любитель, предложивший ставку в сто фунтов за победу Стейница, и тысячные пари предлагались за Андерсена. Самый матч игрался на ставку в сто фунтов; двадцать фунтов получал побежденный. Выигрвш восьми партий (не считая ничьих) решал победу.

Но ничьих и в этом матче не было (характерная черта комбинационного стиля игры), и события разворачивались с действительно эффектной быстротой. Проигрвш первой партии Стейницем объяснялся просто и естественно: Стейниц ее играл вяло и пассивно. Но во второй уже, в дебюте, Андерсен сделал две грубые ошибки, подвергся яростной атаке и был разгромлен. В третьей, более спокойной партии, Андерсен упустил некоторые представлявшиеся ему шансы на ничью, но исключительно точная игра его партнера уже дает намек на Стейница будущих лет. Четвертую и пятую партии не столько выигрывает Стейниц, сколько проигрывает Андерсен недопустимыми упущениями. И так, после пяти партий — четыре выиграны Стейницем. И неожиданный сенсационный поворот: четыре партии под-

ряд выигрывает Андерсен, две из них благодаря грубым ошибкам партнера, а восьмую и девятую — бешеным натиском, феерическим острых комбинаций. Итог: пять выигранных Андерсена, четыре Стейница. Усталость в десятой, пассивность в одиннадцатой приносят еще два поражения Андерсену. И если в двенадцатой Стейниц был наказан проигрышем за то, что слишком нетерпеливо хотел форсировать победу, то в тринадцатой Андерсена вновь охватила пассивность и даже растерянность. Итак, семь у Стейница, шесть у Андерсена.

Наступает четырнадцатая, длиннейшая партия матча, которую, а вместе с ней и матч, Стейниц выиграл благодаря великолепной выдержке и терпению искусного бойца. Добившись незаметного почти позиционного преимущества в дебюте, он ожидал первой, неизбежной ошибки противника в сложном, утомительном эндшпиле. Это была так называемая игра "на истощение". Ошибка последовала: матч был Стейницем выигран со счетом 8 : 6.

Но особого удовлетворения шахматному миру матч не принес. Ведь почти половина партий была проиграна благодаря грубым упущениям с обеих сторон. Победа Стейница не импонировала, создалось готовое и не лишнее оснований мнение, что победа была достигнута лишь потому, что Андерсен оказался "не в форме". И никто в те дни не мог даже подозревать значительности этого матча для истории шахмат, значительности, заключавшейся в том, что он свидетельствовал о кризисе господствующего направления — комбинационного стиля. Никто, за исключением, быть может, одного человека, того, кто выиграл этот матч. Но именно потому, проанализировав свой выигрыш, стал он подозревать, что выигрывать нужно не так и что в основе всего этого направления в шахматной игре лежит какая-то тяжелая ошибка.

Приблизительно в это время, годом раньше или годом позже — точно это установить невозможно, но, очевидно, в этот период жизни Стейница, когда он победил сильнейшего, по общему признанию, в мире шахматиста и тем самым сам стал сильнейшим, — на сцене появляется новый персонаж. Не нужно понимать этого буквально — данный персонаж в этот период уже сошел со сцены, но на жизненном пути Стейница он появился как активный фактор именно теперь. Речь идет о наиболее загадочной фигуре на протяжении всей многовековой истории шахматной игры и, по мнению многих, о гениальнейшей фигуре в истории шахмат: речь идет об испано-американце Пауле Морфи, адвокате из города Нью-Орлеана, Родившийся в 1837 году и умерший в 1884-м, он был современником Стейница и, однако, это единственный из современных Стейницу шахматистов, с которым Стейниц ни разу не встретился за шахматной доской. Объясняется это весьма просто: тем, что Пауль Морфи играл в официальных состязаниях в шахматы всего два года или даже несколько менее, то есть как раз в те годы, когда Стейниц дебютировал в маленьком венском кафе. Но если Стейниц ни разу ни сидел с живым Морфи за шахматной доской, то, конечно, сотни раз сидел он за шахматной доской, изучая партии Морфи. Ибо за этих два неполных года Морфи показал небывалые доселе достижения. В 1857 году он занял первое место на большом всеамериканском турнире в Нью-Йорке, победив в решительной встрече одного из сильнейших европейских шахматистов Паульсена (выигравшего впоследствии два матча у Андерсена). Приехав летом 1858 года в Европу, он разбил в нескольких матчах сильнейших английских шахматистов, и, наконец, в декабре 1858 года в Лондоне он выиграл матч у Левенталья и разгромил в Париже в матчах Гаррвица и самого Андерсена, выиграв у последнего семь партий при двух ничьих и двух проигранных. Вернувшись в Америку, Морфи ни разу за всю жизнь больш-

ше не выступал ни в матчах, ни в турнирах и вообще избегал играть в шахматы. Метеор пронесся, оставил неизгладимый след на шахматном горизонте и исчез. Этот след тщательно изучали и изучают все выдающиеся шахматисты, а тщательнее всех изучал Вильгельм Стейниц, и особенно тщательно — после своего матча с Андерсеном. Ибо для него не мог не встать тягостный вопрос: почему он еле-еле справился с Андерсеном, в то время как Морфи разгромил того шутя? Естественный ответ: потому что Морфи играет сильнее его, Стейница, удовлетворить его не мог, ибо тут надвигался другой, еще более важный вопрос: в чем же сила игры? Морфи играл сильнее, — что же, вообще говоря, значит играть сильнее? Стейниц хотел не столько выигрывать в шахматы, сколько понять, чем обуславливается выигрыш, — и в этом стремлении заключалась его творческая сущность, этим стремлением определялся его путь исследователя, искателя, мыслителя...

Понять, чем обуславливается выигрыш... Определить, что значит играть сильнее... Для людей, воспитанных в навыках научного мышления, достаточно ясно, что это означает в конечном счете уметь найти законы, коими определяется искусство шахматной игры, и уметь этими законами пользоваться. Но в эпоху Стейница, в среде шахматных любителей, где он вращался, и в отношении дела, которым он всю жизнь занимался, все это было отнюдь не так очевидно, далеко не так ясно. Законы шахматной игры? Но их ведь знает каждый школьник; это свод обычных правил в том роде, что одна фигура ходит так-то, а другая так-то, этим правилам можно выучиться в четверть часа... Есть еще ряд чисто технических навыков, им легко обучаются в процессе самой игры, и это все. И никаких других законов нет и быть не может. Да и при том умение играть ничего общего с какими бы то ни было законами не имеет.

Умение играть — это талант, это — от Бога, или от природы, у одного он больше, у другого — меньше, и ничего тут не поделаешь. Вот, Сент-Аман был талантлив, а Стаунтон еще талантливее, а Андерсен еще та-

лантливее, а Морфи самый талантливый, и это называется – гениальный... И совершенно ясно, что гениальный и должен выигрывать, и ничего тут не поделаешь, и объяснять тут нечего... Была, конечно, разница в стиле игры Лабурдонно и Сент-Амана, Стаунтона и Андерсена, но считалась эта разница "случайной", не поддающейся логическому обоснованию.

Таковыми приблизительно должны были быть рассуждения среднего или выдающегося даже шахматиста на эту тему в ту эпоху. Ибо то, что мы после Стейница называем "теория шахматной игры", в то время еще не существовало. Шахматная литература исчерпывалась немногими сборниками игранных партий и несколькими трудами, из которых главнейшим, претендовавшим не на узко практическое, а на общее, принципиальное значение, был труд знаменитого Филидора, сильнейшего шахматиста 18-го века. Труд этот, вышедший первым изданием еще в 1749 году, пытался установить некоторые общие принципы, именно те, какие можно было бы назвать законами, но они касаются почти исключительно лишь одного элемента шахматной партии, хотя и важного, а именно – теории пешечной цепи (фаланги). Выражение "пешка – душа партии" лучшим образом характеризует шахматные взгляды Филидора. И хотя он сам полагал, что этими законами, или правилами, определяющими продвижение пешек, решается весь "секрет" шахматной игры – эта его точка зрения не была поддержана ни практически, ни теоретически в период первой половины 19-го века, ознаменовавшийся столь сильным расцветом шахматной игры. После того рассуждения Филидора редко применялись за доской, в связи, конечно, с тем, что в этот период на практике (Лабурдонно) был выдвинут на первый план другой момент шахматной партии: живая фигурная игра, посредством которой шахматист пытался проникнуть в непроницаемую чашу – хаос миттельшпиля. О том, что оба эти момента, а также и некоторые другие, о которых в то время не было и упоминания, являются лишь составными частями некоего единого

комплекса, материалом для создания цикла основных законов, определяющих развитие хода и результат шахматной партии, не помышляли, конечно, ни Филидор, ни лучшие шахматисты первой половины 19-го века. Что шахматная партия имеет свой внутренний смысл, свой сюжет, свою судьбу – и это определяется уже первыми ходами – прозвучало бы дико для шахматного уха того времени.

Для всякого шахматного уха, но не для уха Стейница.

Весь его умственный и душевный облик дает полное основание полагать, что по твердым и умным законам того дела, которому он отдал свою жизнь, он тосковал еще до того, как понял, что они существуют, что их можно найти. "Везение", "счастье", "чудо" – эти термины были органически чужды и враждебны Стейницу, его гордому и властному уму, его волевому, авторитарному, целеустремленному характеру. "Талант", "от бога", "от природы" – нет, эти пассивные, мистические понятия противоречат жизненному стилю Стейница, который определялся доминантой разума и воли. И, очевидно, уже в этот период развития своего ясно сознавал Стейниц: да, он хочет не выигрывать, а хорошо играть. Выигрывать? Но в конечном счете для чего? Для удовлетворения тщеславия, для карьеры, для денег? Правда, тщеславие – сильный движущий фактор, но не исчерпывающий, однако, все содержание жизни. А что касается карьеры, денег – разве не понимал Стейниц, что этого он мог добиться, и легче добиться, на других жизненных дорогах, чем та, которую он избрал...

Выигрывать? Вот Андерсен – великолепнейший, одареннейший шахматист. Он много и легко выигрывал. Но знал ли он, почему? И когда он играл матчи с Морфи и с ним, Стейницей, помогло ли ему то, что он много и легко выигрывал? Ну, предположим, Андерсен проиграл Морфи потому, что тот "гений". Но почему же Андерсен проиграл ему, Стейницу? Он-то знает о себе, что он не "гений". Нет, Андерсен не знает ни то-

го, почему он выигрывал, ни того, почему он проигрывал. Но Андерсен и не хочет знать, он "спортсмен", ему просто приятно играть и выигрывать в свое свободное от профессиональных занятий время. А Стейница знать надо, для Стейница это — дело всей жизни, а не только вопрос призов и успехов в матчах и турнирах, жажда знать и понять до конца душит его, и он погибнет от этой жажды, если не удовлетворит ее. Удовлетворить, утолить эту жажду... Но кто ж придет ему на помощь, ему, "лучшему шахматисту мира", после того, как победил он Андерсена? У кого же ему учиться? Не у Андерсена, конечно, побежденного, несмотря на то, что он, Стейниц, в этом матче совсем не безусловно играл, это ведь он понимает. Не у Андерсена. Но, может быть, у Морфи? Конечно, у него, у этого загадочного человека и шахматиста, который играл не только сильнее других, но и как-то иначе, чем другие. Словно какая-то "тайна" была в игре Морфи, в нее нужно проникнуть, ее разгадать, ибо Стейниц понимал, хотя бы пока и чисто интуитивно, что овладение законами и принципами искусства шахматной игры лежит через разгадку "тайны Морфи".

И Стейниц, не оставляя практический игры, стал усиленно изучать партии Морфи, о которых, конечно, имел он уже общее представление и раньше.

ВЕХИ ПУТИ

Дать жизнеописание шахматиста, а особенно такого шахматиста, как Стейниц, — задача особенно трудная.

И не потому, что скудны фактические данные; основные затруднения возникают тогда, когда пытаешься установить связь между этими, как бы скудными они ни были, фактическими внешними вехами его жизненного пути и развитием его творческой личности. А ведь связь эта непреложна. Кто же станет отрицать роль биографического момента в творчестве художника, поэта,

музыканта, ученого? Но мыслить в этом же плане о творчестве шахматиста мы еще не привыкли. И тем более неожиданным и неоправданным может показаться стремление не ограничиться только биографическим моментом, пойти дальше и глубже и попытаться установить причинные связи между творчеством шахматиста и господствующей идеологией его классовой прослойки и его эпохи. Мы можем точно установить роль социально-идеологических факторов, которые, пройдя через восприятие художника, обусловили характерные сдвиги в творчестве Рихарда Вагнера к началу 70-х годов и повели к созданию "Кольца Нибелунгов". Но наметившиеся к этому же времени характерные сдвиги в шахматном творчестве Стейница, кстати сказать, яростного поклонника Вагнера, сдвиги эти, выразившиеся хотя бы в том, что он стал предпочитать позиционный стиль комбинационному и закрытые дебюты — открытым (об этих терминах теории шахмат речь будет впереди), — разве они, эти сдвиги, "из пустоты" возникли? Или явились результатом случайного каприза творческой индивидуальности Стейница? Конечно, нет. Шахматы отнюдь не "мир в себе", и то обстоятельство, что в этой отрасли человеческого творчества сочетаются элементы и науки, и искусства, и практики, все это лишь осложняет дилемму анализа шахматного творчества отдельного шахматиста в свете господствующей социальной идеологии его эпохи, но не делает ее принципиально неразрешимой. Правда, поскольку подобная проблема в данном ее виде еще не ставилась ни в шахматной, ни в иной литературе, поскольку ни личная, ни тем более социальная биография большинства выдающихся шахматистов совершенно не разработана, приходится идти ощупью и вводить в попытку анализа в значительной степени элементы догадок и домыслов.

И мне кажется вполне оправданной догадка, что в плане чисто биографическом результат матча с Андерсеном, формально благоприятный, но фактически едва удовлетворительный, вызвал в Стейнице творческий кризис. Этот кризис был достаточно тяжел и мучителен

для него, но спасителен для шахматного творчества 19-го века, ибо привел он, в конечно счете, к созданию "новой школы" в шахматах, базирующейся, как знает каждый рядовой шахматист, на теории, или учении, Стейница. Необходимо, стало быть, наметить связь между "новой школой" и основными социально-идеологическими тенденциями эпохи, когда эта школа создавалась, и также указать в чисто шахматном плане на роль и влияние "тайны Морфи" в творческом пути величайшего шахматного мыслителя.

Итак, в августе 1866 года Вильгельм Стейниц, победитель Андерсена, имел формальное право считать себя сильнейшим шахматистом мира, — ведь Морфи к этому времени окончательно отказался от выступлений в официальных матчах и турнира. Но убедительной эта победа не была в глазах шахматного общественного мнения: ссылались на то, что Андерсен играл значительно ниже своей силы, что он торопился закончить матч до истечения срока своего отпуска; сам Андерсен указывал впоследствии, что Стейниц "раздражал" его своей якобы нарочито медлительной игрой (тогда играли еще без часов, хотя уже с ограничением времени). Правда, английские газеты были довольны победой Стейница, он считался официально "английским" шахматистом, но немецкая шахматная печать с не меньшим основанием указывала, что, как уроженец Австро-Венгрии, Стейниц — немецкий шахматист. Сам же он, родившийся в еврейском квартале чешской Праги и отнюдь не лишенный чувства юмора, сохранял на этот счет приличествующее случаю молчание.

И все же победа Стейница убедительной не была. Трагедия этого первого чемпиона мира заключалась также и в том, что убедительных побед, какие знали Ласкер, Капабланка, Алехин, ему почти ни разу в жизни не пришлось узнать, хотя он многократно отстаивал свое звание, сначала фактическое, а потом и формальное. В этом сказывается, конечно, специфика шахматного творчества. Конечно, Стейниц понимал, что элемент со-

стязания и спорта входит неизбежным составным элементом в шахматное творчество, но на нем эта специфика шахмат отражалась особо тяжело, ибо он в своем творчестве был художником больше, чем спортсменом, и мыслителем больше, чем художником...

Но отнюдь не побуждения художника или мыслителя, а чисто спортивные соображения побудили его немедленно по окончании матча с Андерсеном, в сентябре 1866 года, принять вызов Берда, выдвинувшегося к тому времени сильного английского шахматиста.

Разве мог Стейниц сомневаться, что он сильнее Берда, шахматиста, во всяком случае, малоинтересного? Но этот плотный, упорный и методический англичанин, с тяжелой челюстью и типическими рыжими бакенбардами, испортил Стейницу немало крови. Да, Стейниц выиграл матч, но с каким результатом? При семи победах — пять поражений и пять ничьих! Это было поистине малопочетное достижение для сильнейшего шахматиста мира. И настроение Стейница не могло улучшиться от сделанного Бердом заявления, что хотя он и проиграл этот матч, но вот Морфи мог бы дать Стейницу вперед пешку и ход — и легко выиграть... Заявление было безответственное, Морфи отошел от игры, но именно поэтому Стейниц был не в силах опровергнуть его. Правда, впоследствии будет видно, как и чем он ответил на заявление Берда.

К месту будет упоминание о том, что сам Берд всего лишь восемь лет назад был разгромлен Морфи со счетом 5 : 0, причем партия была играна в сеанс одновременной игры (!).

Но о матче с Бердом Стейниц вспоминал с досадой и болью всю свою жизнь и даже неуклюже попытался однажды (ораторская ловкость не принадлежала к числу его достоинств) сделать его как бы не бывшим, назвав этот матч "частным предприятием". Психологически понятным, но достаточно комическим было это оправдание...

Далее последовал матч с малозначительным шахматистом Фрезером, также с результатом малоблестя-

шим: три победы при одном поражении и двух ничьих, небольшой турнир в Глазго, где Стейниц занял лишь второе место, проиграв, между прочим, де Веру (вспомним матч на пешку и ход) и уступив первое место сильному немецкому шахматисту Нейману, и, наконец, выступление Стейница на третьем международном турнире в Париже в июле – августе 1867 года.

Шахматы к этому времени положительно становились великосветской модой. И не только модой, а для заправил "общественного мнения" Франции Наполеона Третьего в некоторой степени элементом и политической игры. Социальный и политический кризис во Франции второй империи назревал, внешняя политика бонапартистских министров шла от неудачи к неудаче, парижская всемирная выставка 1867 года была делом престижа, на помпезных празднествах и шикарных увеселениях лета 1867 года парижане должны были забыть о капитуляции Наполеона перед Бисмарком на майской лондонской конференции великих держав (1867), о позорно-трагическом крахе мексиканской экспедиции, о предательстве, совершенном в отношении Италии. Гуляки и авантюристы всего мира стеклись летом 1867 года в Париж, несколько европейских королей, а среди них сам Вильгельм Гогенцоллерн, и Бисмарк посетили перестроенную префектом Османом столицу. Кто-то в этот момент подумал и о "шахматных королях". Вспомнил, что и сам Наполеон Третий заходил иногда, в порядке невинных демократических развлечений, в знаменитое шахматное кафе "Режанс" пошлепать фигурами по доске: играл он отвратительно, значительно хуже Наполеона Первого. И приуроченный ко всемирной выставке международный шахматный турнир был организован в порядке престижа, весьма шикарно. В качестве первого приза фигурировала пожертвованная правительством ваза севрского фарфора стоимостью в 5000 франков (победитель турнира Колиш сам был банкиром, а то пришлось бы ему продать ее со скидкой), турнир посещали великосветские дамы; сильнейшие шахматисты, француз Арну де Ривьер и немец Ней-

ман, сыграли с четырьмя дамами – принцессой Мюрат, герцогиней Тремой, маркизой Кольбер Шабанэ и маршальшей Сен-Жан Анжели – партию вслепую и догадались проиграть...

Стейниц не удостоился чести играть с титулованными дамами; боялись, что этот мрачный еврей не знаком с правилами светских приличий и не догадается проиграть. Но ему было не до того.

Престижу Наполеона Третьего мало помогла всемирная выставка. Престижу Стейница турнир повредил. Ему не пришлось продавать императорской вазы, он должен был ограничиться 400 франками как третьим призом.

Третий приз в турнире, не особенно сильном по составу своему, в котором не участвовали три первоклассных шахматиста – Андерсен, Паульсен, Левенталь, не говоря уже о Морфи, – никак не мог порадовать Стейница. Правда, из игранных 24 партий (13 участников – по две партии) он выиграл 18, проиграв 3 при 2 ничьих (ничьи не считались при подсчете очков), в то время как первый призер Колиш имел 20 выигрышей при 2 проигрышах и 2 ничьих, а второй призер Винавер – 19 выигрышей. И если Колиш был зарекомендованный шахматист, едва не победивший в матче 1861 года Андерсена и вызывавший на матч самого Морфи, то ведь тридцатилетний Винавер, варшавский коммерсант, прибывший в Париж по торговым делам и лишь случайно принявший участие в турнире, был совершенным новичком. И этому новичку Стейниц проигрывает одну из двух турнирных партий. Правда, маленькое удовлетворение самолюбию мог доставить тот факт, что Стейниц выиграл обе партии у де Вира, занявшего пятое место, но, как понимал сам Стейниц, этот маленький факт исторического значения в его жизни играть не мог.

И если не другие, то он сам не мог не понять одного весьма важного обстоятельства. Стиль, характер, вся система его игры пока ничем не отличалась от обычной господствовавшей тогда системы. Просто он играл

несколько сильнее других, и то, если смотрел он правде в глаза, вряд ли сильнее Андерсена, того же Колиша, а, пожалуй, и новичка Винавера, а, пожалуй, и молодого англичанина Блэкберна... Но если бы даже и одинаково сильно, или чуть-чуть сильнее, — все же не к этому он стремился, думая о своем призвании, стремясь разгадать "тайну Морфи". Повторим еще раз: Стейниц хотел не только побеждать, но и принципиально побеждать, не только выигрывать, используя и умение, и счастье, и везенье, а получать выигрыш как должное, а получать выигрыш как оправданный, неизбежный результат. Спортсменом не был Стейниц, не был и шахматным карьеристом. Успех — да, успеха он хотел, но не как цели, а как результата, результата торжества тех законов и принципов, создать которые он считал себя призванным.

И снова идут шесть лет (1867 — 1873) практической игры и практических успехов, то нормальных, то выдающихся. Вкратце перечислим их. Матч в 1867 году (второй) с Фрезером, блестящая победа — семь выигрышей при одном поражении и одной ничьей. Небольшой турнир-гандикап в Лондоне в 1868 году; участвуют Блэкберн и де Вер, — чистый первый приз. Матч с Блэкберном (1870 год) — сокрушительный разгром — семь рядовых побед при одной ничьей. Международный турнир в Баден-Бадене; участвуют на самом деле сильнейшие шахматисты: Андерсен, Паульсен, Винавер, Блэкберн, Нейман; Стейниц на втором месте, выиграв из 16 партий (9 участников по две партии) 9 при 4 проигрышах и 3 ничьих, отстав на пол-очка от первого призера Андерсена, проиграв ему две партии, но выиграв обе у Паульсена, Винавера. На этом турнире встретился Стейниц и не мог, конечно, не познакомиться с И.С.Тургеневым. Лечась в Баден-Бадене, писатель, сам сильный шахматист, был приглашен занять пост вице-президента турнирного комитета. Стейниц, нужно думать, не читал ни строчки Тургенева, Тургенев, конечно, понятия не имел о Стейнице-человеке. Два больших человека столкнулись случайно на жизненном пути, быть может,

обмолвились несколькими незначительными фразами друг с другом, и разошлись, вряд ли вспомнив один о другом на протяжении всей дальнейшей жизни. А между тем если не Тургенев Стейница, то Стейниц Тургенева мог бы заинтересовать не только как шахматист. Но великий писатель и тонкий психолог счел бы нелепой мысль, что в шахматисте, и особенно в этом шахматисте с прозаической наружностью преуспевшего коммерсанта, может скрываться тонкий художник и выдающийся мыслитель...

И, наконец, последний в этой серии — лондонский турнир 1872 года. Блестяще завоеванный первый приз: шесть выигранных партий из шести игранных, победа над Блэкберном и начинающим сильно выдвигаться историческом соперником Стейница — Цукертортом. Сейчас же после турнира матч с Цукертортом — очень убедительная победа: семь выигрышей при одном поражении и четырех ничьих.

Все эти шесть лет в Стейнице происходит громадная внутренняя работа; упорная, систематическая, смелая работа философски-творческого порядка, направленная к выработке шахматного мировоззрения, продуманная, как победа творческой воли и воинствующего разума над случайностью, везением, произволом, "чудом", всеми этими элементами, кои считались важнейшими элементами шахматного состязания. Это была колоссальная работа, связанная с разгадкой тайны Морфи, и она быстро дала свои плоды, отчасти на практике в ближайшем венском турнире, но главным образом в литературной деятельности Стейница, начавшейся в 1873 году. Но, чтобы понять ее смысл и содержание, нужно сделать довольно значительное отступление в область теории шахмат.

ЧТО ЕСТЬ ОШИБКА?

История человеческого мышления знает немало примеров того, как умело поставленный вопрос освещает путь развития в данной отрасли с яркостью исключительной, и этот вопрос становится тогда важнее сотни ответов. Кажущаяся неожиданность — вот основное условие такого вопроса, молнией прорезывающего общедоступные горизонты, открывающего новые дали. А впечатление неожиданности возникает тогда и там, где, казалось бы, не может иметь места вопрос: либо потому, что все ясно и ответ не нужен, либо потому, что все неясно и ответ невозможен. Но вопрос уже задан, он становится фактом реальной действительности, его не вернуть в небытие, он динамичен и взрывчат, и он взрывает, в конечном счете, фиксированные и застывшие, обратившиеся в мертвый груз категории ясного и неясного, ненужного и невозможного...

Но мы знаем, конечно, что подобный, несущий в себе революцию вопрос лишь по видимости возникает как гром среди ясного неба, в действительности же строго обусловлен, являясь не только началом, но и результатом, итогом, завершением какого-то этапа в развитии данной отрасли мышления или творчества.

История шахматной игры, этого совершенно особого изобретения человеческого гения, в котором активно сочетались элементы логического мышления, художественного творчества и волевого усилия, также знает подобного рода революционизирующие вопросы. Важнейший из них, поистине делающий эпоху, был задан Вильгельмом Стейницем и формулируется он так: *что есть ошибка в шахматной партии?*

Исходя из этого вопроса, он и создал свою теорию шахматной игры. До Стейница история шахматной игры была лишь арифметической суммой индивидуальных состязаний за доской. Казалось трудным установить ее обобщенные законы и принципы, имеющие реальность и вне данной индивидуальной партии. Принципы, установленные Филидором, касались лишь не-

которых этапов и специфических положений шахматной партии (пешечная цепь, некоторые случаи концов партий) и не имели широкого применения в практике первой половины 19-го века, ибо доминировала тогда фигурная игра, и практика эта была основана, если пользоваться философской терминологией, на началах агностицизма, на совокупности неповторимых и не подлежащих обобщению случайностей, определяющих ход каждой индивидуальной партии.

На этой почве возникал так называемый "комбинационный" стиль игры, являющийся основой "старой школы". Ход "комбинационной" партии не в нашем, нынешнем, а в тогдашнем понимании, представлялся приблизительно таковым.

Цель игры — заматовать короля; белые стремятся заматовать короля черных, черные — короля белых. Цель эта неделима, не распадается на этапы, оба противника стремятся к ней с первых же ходов. И на самом деле, есть такие положения на доске, когда, при определенных ходах черных (и, соответственно, конечно, белых), они матуются уже на четвертом — пятом — шестом ходе. Эти положения случались на практике, "грамотные" шахматисты с ними знакомы и их не допускают. Итак, идет игра. Партнеры избежали "детских матов". Все фигуры были введены в бой, положение материально равное, каждый из партнеров стремится к непосредственной атаке на вражеского короля. И вот тут, у того, кто играет сильнее, возникает "комбинация", то есть возможность благодаря случайному расположению фигур и пешек в данной партии завершить свою атаку рядом форсирующих и форсированных ходов, связанных обычно с материальным пожертвованием, оканчивающихся матом королю противника. Бывает, что она на самом деле приводит к мату, значит, она — "выигрывающая", "правильная" комбинация; бывает и обратный случай — значит, осуществлявший ее "ошибся", не видел ответа противника, разрушающего данную комбинацию. Комбинация не удалась, а неудавшаяся комбинация, как правило, ведет к проигрышу пар-

тии. Но и удавшаяся и неудавшаяся комбинации неповторимы, они ведь основаны на данном расположении фигур, случившимся в данной индивидуальной партии.

И далее. В интересах обоих партнеров прийти как можно скорее к такому положению на доске, которое объективно чревато возможностью создать комбинацию. Такие положения чаще всего встречаются в так называемых открытых партиях, то есть таких, где пешки и фигуры обеих сторон сразу выводятся на линию боя и вступают друг с другом в острый конфликт, ведущий к непосредственной драматической развязке. Эти открытые партии можно обострить и убыстрить применением гамбитных начал, таких, в которых одна из сторон, преимущественно белые, уже в дебюте жертвуют противнику пешку, а то и фигуру (гамбит Муцио), чтобы получить взамен лучшее развитие и атаку. Но так как развивать эту атаку после выхода из дебютной стадии и защищаться против нее можно различным образом, то и при гамбитных началах практическая партия не теряет признака случайности и индивидуальной неповторимости.

Так вот и строили свои партии выдающиеся шахматисты первой половины 19-го века, и сильнейший из них — Адольф Андерсен — и, как полагали тогда, сам Пауль Морфи. Открытые партии, в частности гамбитные начала, из которых некоторые возникли еще в 17-м — 18-м веках, а некоторые (наиболее популярное из них — гамбит Эванса) были изобретены в 19-м веке, явно предпочитались: ими было играно громадное большинство партий на матчах и турнирах. Стаунтон даже внес предложение к первому международному турниру 1851 года: обязать участников турнира играть только открытые партии. Эти партии считались интереснее, эффектнее, спортивнее, свидетельствовали о "смелости", о "рыцарском характере" партнеров, — отсюда и возникло столь характерное для того времени уподобление шахматных состязаний рыцарским турнирам. Как видим, шахматная идеология не выпадала из общей идеологической доминанты эпохи — тяги к мелкобур-

жуазной романтике, возникшей как идеологическая концовка бурной эпохи наполеоновских войн. Представление о шахматах, как о своего рода макете борьбы или даже макете жизни, упорно держалось хотя бы подсознательно в психике шахматистов.

И естественно, что при таком понимании игры сильнейшим считался тот, чьи комбинации были "красивее", то есть более неожиданны, рассчитаны на большее количество ходов, на большее количество пожертвованных фигур, на большее количество видимых каждому шахматисту эффектов. Таковы были комбинации Андерсена, действительно поражающие своим блеском и элегантностью, таковой была его "бессмертная" партия, игранная в 1851 году, в которой он жертвует слона, обе ладьи и ферзя.

В том же стиле играл и Стейниц первые десять — пятнадцать лет своей шахматной жизни. Он умел осуществлять на доске великолепные, далеко рассчитанные комбинации, проводить эффектный натиск на короля противника, жертвуя по пути легкие фигуры, ладьи, ферзя, он также стремился к созданию бури на доске. И, конечно, в этот период он предпочитал открытые партии и гамбитные начала: из 300 стейницевских партий, игранных в период 1860 — 1877 годов, 240 открытых и около половины играны острейшими гамбитами — королевским, Эванса и другими. Он сам изобрел гамбит — "гамбит Стейница", носивший, правда, иной, отличный от обычных гамбитов характер. Он был, одним словом, типическим "игроком на атаку", атаку во что бы то ни стало. Желая победить обязан атаковать, таков был моральный, так сказать, закон игры, — и лишь тот, кто подчинялся ему, мог считать себя подлинным Божьей милостью шахматистом. Отзвук стратегии наполеоновских кампаний звучал и на 64 клетках шахматной доски.

Какое же место занимало в шахматной стратегии понятие "ошибка"? Поскольку не поддавались обобщению комбинации, возникшие на базе случайного, неповторимого расположения боевых сил на доске, по-

стольку, естественно, не поддавались обобщению и ошибки как в проведении, так и в отражении этих комбинаций, как в атаке, так и в защите. Ошибка рассматривалась как непредотвратимый элемент шахматной игры, точно так же, как случайно, неповторимо, индивидуально, "от Бога" возникала комбинация. И ведь решающей роли ошибка в шахматной партии не играет: можно на протяжении трех четвертей партии ошибаться, а в последней четверти провести гениальную комбинацию и победить. На вопрос — что есть ошибка (если только не считать грубейших промахов) — не может быть дано ответа, это, как сказали бы мы сейчас, метафизический вопрос. Но этот вопрос задал себе Стейниц в момент своего идейного и психологического кризиса, в тот момент, когда он стал разгадывать тайну Морфи, изучая игранные им партии.

И вот мы снова сталкиваемся с Паулем Морфи, игравшим в шахматы всего около двух лет, по какой-то причине их возненавидевшим, заболевшим к концу жизни душевной болезнью. Ни одного шахматного высказывания Морфи до нас не дошло, как он сам относился к своим гениальным шахматным дарованиям, мы не знаем. Перед нами только его партии и красноречивый, дошедший до нас его портрет. Он сидит за шахматной доской, этот элегантно одетый молодой человек, с красивым высоким лбом, с внимательным взглядом и иронической складкой у губ, похожий несколько на Оскара Уайльда. Стейниц находился в лучшем положении, чем мы: он мог беседовать с Морфи, с людьми, с ним встречавшимися, с тем же Андерсеном; Стейниц мог за свое пребывание в Нью-Орлеане посетить дом, где Морфи жил, говорить с его родными... Но вряд ли Стейниц пытался разгадывать человеческую тайну, окружавшую Морфи, с него было достаточно шахматной тайны, на разгадку которой он бросился со всей упорной страстностью своей природы.

А материалом для разгадки были только партии Морфи; но партии Морфи сказали Стейницу очень много.

Они утолили прежде всего тоску Стейница по разумной целесообразности в шахматной игре; они обосновали недоверие Стейница к элементам "чудесного", вторгающегося в партию, и они подтвердили возможность постановки вопроса об ошибке.

Ибо партии Морфи объясняют (тому, кто умеет видеть), почему выигрывал Морфи.

Потому что он был величайший в свое время стратег шахматной доски, умевший применить к шахматной партии принципы использования времени и пространства в шахматном понимании этих терминов. Перед Морфи встает в каждой игранный им партии отчетливая, абсолютно ясная по своему заданию задача: не теряя ни одного темпа, в кратчайший срок развивать свои фигуры, находя для каждой наиболее выгодную позицию. И к решению задачи приступал он с первого же хода. Таким образом, принципиально отрицаются "случайные", то есть сделанные вне плана ходы: каждый ход должен что-то завоевать, что-то выигрывать, и это "что-то" не фигура и не пешка, это есть темп мобилизации боевых сил, на шахматном языке — преимущество в развитии. Таким образом, вводится в партию понятие времени, темпа.

Но что такое наивыгоднейшая позиции для фигур? Это та, отвечает анализ партий Морфи, при которой расположение боевых сил (овладение шахматным пространством) дает максимальные возможности для атаки; в руках Морфи эта атака была всегда смертельной для вражеского короля. А как осуществляется эта атака? В большинстве случаев комбинацией. Но что такое комбинация? Это есть навязывание противнику собственной воли, это — принуждение его делать определенные ходы, это — переселение его из "царства" свободы в "тюрьму" необходимости. Делая ход "а", я вынуждаю противника ответить ходом "б" (ибо все остальные ходы проигрывают сразу), но ход "б" дает мне возможность сделать ход "в", на который противник принужден ответить ходом "г", и т. д., вплоть до последнего хода. Шахматная комбинация — это жестокая вещь,

это утонченная пытка: противник, разгадав комбинацию, видит, что каждый шаг приближает его к проигрышу, но этого шага он не может не совершить под угрозой немедленной гибели. Очень часто шахматисты не дают довести до конца выигрывающую комбинацию, предпочитая сдаться немедленно. Но это между прочим.

Противники Морфи, не обладавшие его талантом и, главное, глубоким проникновением в тайны дебютного развития, с первых же ходов стремились к безудержной атаке и приносили ей в жертву все принципы здравого смысла в шахматах. Морфи является поистине первым, продемонстрировавшим не на словах, а своими ходами понятие о здравом смысле на 64 полях. В результате преждевременного стремления к атаке во что бы то ни стало противники Морфи, которым он обычно не давал никаких поводов к этой атаке, получали сокрушительный отпор и быстро погибали, главным образом потому, что их односторонне построенная позиция оказывалась совершенно не приспособленной к защите. Морфи же, стремившийся исключительно к здоровому развитию, одинаково легко мог использовать свои фигуры и для атаки и для защиты.

Итак? Итак, комбинации, осуществляемые Морфи, не являлись громом с ясного неба, не были результатом "гениального прозрения", "внезапного вдохновения", элементом "чудесного". Они были подготовлены всем предшествовавшим планом игры, звучали заключительным аккордом логически развивающейся темы, обоснованным выводом накопившихся предпосылок. Они были заслуженной наградой за честный труд.

В этом и состояла тайна Морфи: говоря шахматным языком — в сочетании позиционной и комбинационной игры. Возможности и необходимости такого сочетания не понимали его партнеры и вообще современники, считавшие, что позиционная игра резко противоречит игре комбинационной и недостойна талантливого шахматиста, который должен искать путь к победе во внезапно возникающей комбинации. Первым понял

это Стейниц, сформулировавший впоследствии известные ныне каждому шахматисту принципы игры Морфи: быстрое развитие, создание пешечного или фигурного центра, создание и захват открытых линий для атаки.

И, разгадав тайну Морфи, отталкиваясь от его практики, Стейниц создал свою замечательную теорию, в которую практика Морфи впадает, как могучая река в необъятный океан.

ЗАКОНОДАТЕЛЬ СТЕЙНИЦ

Шахматная литература богата многочисленными трудами и исследованиями, великолепными учебниками, в которых систематически излагаются и в историческом и в догматическом плане основные направления в теории шахматной игры. Ни одна из этих книг не обходится без специальной главы о Стейнице, ни один теоретически образованный шахматист не сомневается, что Стейниц был основоположником современного понимания шахматной игры, в том смысле хотя бы, как Дарвин является отцом современного естествознания.

И, однако, Стейниц не написал своего рода шахматное "Происхождение видов". В своем незаконченном шахматном труде* Стейниц дал лишь очень скупое изложение своего учения. И стремившимся понять Стейница до конца приходилось изучать стейницевские партии и примечания, и комментарии Стейница к своим собственным и еще более к чужим партиям. А эти примечания, как вообще шахматные примечания, носили в большинстве случаев частный характер, хотя и давали в своей совокупности громадный материал для принципиальных обобщений. Правда, к концу века все выдающиеся шахматисты были в какой-то мере "стейнцианцы" и почти в каждой серьезной партии было что-

---

*"The modern Chess Instructor" ("Современный учебник шахматной игры").

то от учения Стейница, хотя его "авторское право", его исключительная роль далеко не всеми осознавались. Его современникам и бессознательным последователям казалось, что "стейницианство" возникло само собой или вообще существовало всегда, а что касается самого Стейница, то знали, конечно, что он был сильнейшим практическим игроком, игра которого, однако, к концу века значительно ослабела; а кроме того, допускали, что у этого капризного и упрямого старика есть какие-то очень сложные, путаные и парадоксальные теоретические воззрения. Стейниц знал себе цену, понимал свое значение, и такое отношение к нему не могло не играть роли в трагическом финале его страстной, одинокой и печальной жизни.

Только Э м а н у и л Л а с к е р — эта величавая фигура, человек, обладающий громадной общей культурой и исключительной силой мышления, красноречиво показал шахматному миру значение Стейница, дав учению Стейница философское, хотя и во многом субъективное обоснование.

В своих классических трудах "Здравый смысл в шахматах" (первое английское издание 1896 года, второе, переработанное — 1925 год) и "Учебник шахматной "игры" (1925 год) Ласкер ярко изложил учение Стейница; с этим изложением приходится считаться каждому, кто пишет о шахматах и о Стейнице, оно — лучший памятник победителя побежденному.

Итак, Стейниц спросил: что есть ошибка в шахматной партии? И ответил: неумение или нежелание произвести оценку положения на доске, неумение в связи с этим составить план игры, который находился бы в соответствии с положением.

Но что есть оценка положения? Это учет, это точное взвешивание самых маленьких "преимуществ" и самых ничтожных "слабостей". План игры состоит, следовательно, в усилении слабостей противника. Этот абстрактный план, звучащий как алгебраическая формула, поддается конкретизации в каждой шахматной партии.

В связи с понятием оценки стоит понятие "равновесия сил". Бывают такие положения на доске, которые характеризуются равновесием сил. Но это не мертвое равновесие, заключающееся в том, что ни у одной из сторон нет никаких преимуществ или никаких слабостей. Такое положение характеризует ничейный конец партии, а не о нем думал Стейниц. Нет, стейницевское "равновесие сил" означает то положение, при котором преимущества и слабости обеих сторон взаимно компенсируются. Допустим, что одна из сторон стремится, произведя оценку и выработав план, нарушить равновесие в свою пользу. Каким же образом? Но, естественно — ответил бы каждый шахматист той эпохи, — путем непосредственной атаки на противника, и победит в этой борьбе тот, кто атакует "сильнее", то есть играет "лучше", то есть придумывает более "гениальную" комбинацию. Вот против этой концепции и заострил Стейниц полемическое острие своего учения, в корне пересмотрев понятие атаки и защиты. Нет и не может существовать, говорил Стейниц, такой гениальной атаки и такой гениальной комбинации, которая могла бы привести к победе, имея исходным положением положение равновесия. Если же подобные, якобы гениальные атаки и комбинации имели место в практических партиях и приводили к победе, то это означало лишь, что защищающийся плохо защищался, либо исходное положение не было положением равновесия, что равновесие было уже нарушено в пользу атакующего. И из этого изумительного по своей остроте и силе положения, легшего в основу всей дальнейшей шахматной истории, он делал выводы, насыщенные революционным в истории шахмат значением. Право на атаку нужно заработать, утверждал Стейниц, право на атаку это не есть результат индивидуальной одаренности игрока, а величина строго объективная, поддающаяся в каждом случае учету; право на атаку получается в результате накопления целого ряда маленьких преимуществ в положении или, говоря современным шахматным языком, в результате позиционного перевеса. Но коль ско-

ро эти преимущества накоплены, ты не только можешь, но и должен атаковать, под угрозой потери этих преимуществ — так гласит дальнейшее положение, которое расценивается Ласкером как лучший образец силы и глубины шахматно-философских построений Стейница. И эта стейницевская максима блестяще подтвердилась, как это видно из опыта многих партий, иггранных лучшими мастерами. На турнире в Гастингсе (декабрь 1935 года) мы видели, как гроссмейстер Флор, имея значительный позиционный перевес в партии с Файном, не решился по психологическим причинам перейти в атаку и в результате проиграл; это был сенсационный проигрыш, свидетельствующий о том, что не мешает и Флору изредка вспоминать о старике Стейнице.

Не трудно заметить, что все эти положения Стейница носят характер абстрактных формул; это и дало Ласкеру возможность утверждать, что Стейниц создал теорию борьбы как таковой. Но сила учения Стейница в том, что он указал метод и путь конкретно шахматной реализации этих основных принципов. Он указал, что именно является в позиции "маленьким преимуществом", какие из них носят временный характер и какие являются устойчивыми, какие шахматные признаки определяют нарушение равновесия, что означает в шахматах "линия наименьшего сопротивления" и как обнаруживается она у противника. Громадную долю своего творческого внимания Стейниц уделил принципам защиты. Здесь было уже указано на господствовавшее воззрение, что защита вообще "недостойна" талантливого шахматиста. Со всей яростью обрушился Стейниц на это воззрение, показав, в частности, в своих партиях, какие изумительные шахматные тонкости и глубокие комбинации мыслимы в плане защиты. И вместе с тем он установил замечательный закон о том, что тем действительнее защита, чем в большем соответствии находится сила защиты с силой нападения; понятие слишком недостаточной защиты он противопоставил понятие слишком преувеличенной защиты, настолько же губительной, как и первая. Если объективная оцен-

ка положения требует сконцентрировать для защиты количество сил, равное иксу, то концентрация двух иксов, полагал Стейниц, так же вредна, как и концентрация половины икса. Принцип экономии сил, столь оправдывающий себя во всех отраслях творчества и мышления, был, конечно, неизвестен Стейницу, но он его создал специально в применении к шахматам.

Все эти принципиальные обобщения, найденные Стейницем в процессе анализа практической шахматной партии, преследовали "жизненную" (в шахматном смысле) цель: удалить из шахмат элемент случайности и свести до минимума угрозу ошибки. Они мыслились Стейницем, очевидно, как метод игры, метод, ниспровергающий прежнее понимание шахмат. Но личными свойствами характера Стейница, страстным упрямством его натуры можно объяснить тот факт, что они стали для него священной, неприкосновенной догмой.

Нужно учесть еще один момент. Учение Стейница возникло как естественная и здоровая реакция против "произвола личности" в шахматной партии. Матч Андерсен — Морфи он первый оценил как столкновение личности и системы, и вполне закономерным считал победу системы. Но, как это часто бывает, Стейниц перегнул палку — и за шахматами перестал видеть шахматистов. Партия перестала быть борьбой живых людей в глазах Стейница — она стала безличной иллюстрацией найденных им законов.

Эти обстоятельства нужно иметь в виду, и лишь тогда станет понятным ход шахматной и личной судьбы Стейница.

Мы намеренно воздерживаемся от конкретизации (шахматной) всех указанных и сходных с ними законов, найденных Стейницем (помимо перечисленных), законов о "хороших" и "плохих" слонах, о "слабых полях", о "перевесе на ферзевом фланге", о переходе позиционного перевеса в материальный и т. д. Все эти "правила шахматного поведения" представляют интерес лишь для специалиста; важно отметить, что они не случайны, не грубо эмпиричны, не изолированы одно

от другого, а созданы Стейницем как звенья единого и могучего целого, как исчерпывающая концепция шахматной стратегии и тактики.

Позитивной, рационалистической, проникнутой убеждением в торжестве разума и воли над хаосом, произволом и чудом на шахматной доске, — можно считать данную концепцию. Как же возникла она? Как "гениальная комбинация", зародившаяся в изолированном мозгу Стейница? Конечно, нет. Нетрудно увидеть родственную связь между этой шахматной концепцией и основными идеологическими концепциями 60-х — 70-х годов, особенно отчетливо проявившимися именно в Англии. Позитивизм, рационализм, конкретизация мышления, принципиальное отрицание интуиции как фактора познания, тяготение к объективным оценкам, — разве не характерны все эти черты для социальной психоидеологии той эпохи — эпохи созревшего, чувствующего прочную почву под собой, уверенного в своих силах и потому еще прогрессивного английского капитализма? Дарвину, Спенсеру — им понравилось бы шахматное учение Стейница, они нашли бы в нем своеобразно запечатленный, но родственный им дух времени.

А если искать дальнейших и более сложных аналогий, то нельзя не заметить, что теория "накопления маленьких преимуществ" как нельзя более соответствует политическому разуму английской буржуазии и характеру развития английского империализма в ту эпоху. Именно так он и действовал, добываясь еле заметных, но очень весомых преимуществ на различных фронтах своей активности, пренебрегая пусть эффектными, но временными выгодами и реализуя в решительный момент как бы неожиданную, но тщательно подготовленную исподволь, выигрышную комбинацию. Нельзя не вспомнить о скупке в 1875 году Биконсфильдом акций Суэцкого канала, обеспечившей английскому империализму его позиции в Египте. Пресса всего мира восхищалась или возмущалась "гениальной комбинацией хитрого еврея", но Биконсфильд-то знал, как тщательно и каким упорным накоплением, в течение десяти-

тилетий, мелких преимуществ подготавливалась эта заключительная комбинация. Биконсфильд нашел бы общий язык со Стейницем.

И Стейниц, в свою очередь, нашел бы общий язык — и это был бы не только немецкий язык — с великим Клаузевицем. Ибо Вильгельм Стейниц имеет полное право быть названным Клаузевицем шахматной доски, создавшим теорию шахматной войны. Но будь он знаком с учением Клаузевица, он мог бы сказать со свойственным ему юмором:

— Клаузевицу было легче, он не должен был воевать на основании принципов своей стратегии.

А Стейницу воевать пришлось. И много радости и горя принесла ему эта война...

КРИТИЧЕСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Десятилетие 1873 — 1883 годов во многих отношениях было наиболее важным и внутренне насыщенным периодом в жизни Стейница, хотя именно в этот период он меньше чем когда-либо в своей жизни занимался своим как будто непосредственным делом — практической игрой в шахматы. Лишь два шахматных события связаны с именем Стейница за это десятилетие: венский международный турнир 1873 года и матч с Блэкберном в 1876 году. Следующее выступление Стейница на новом международном турнире в Вене относится лишь к 1882 году. Таким образом, два больших перерыва в игре: с июля 1873 года по январь 1876-го и с января 1876-го по май 1882 года. А между тем за время этого большого перерыва в шесть с половиной лет в шахматном мире произошло три крупнейших события: лейпцигский турнир 1877 года при участии (помимо прочих) Андерсена, Цукерторга, Винавера; парижский турнир 1878 года с участием Андерсена, Цукерторга, Винавера, Блэкберна; берлинский турнир 1881 года — опять с Блэкберном, Винавером, Цукерторгом. Стейниц не был болен, Стейниц не был в отъезде, Стейниц присутство-

вал даже на этих турнирах, — и Стейниц, этот страстный, жадный шахматист, не принимал в них участия.

Великий шахматист был в это время занят более важным для себя делом, чем игра в шахматы: он прокладывал — одинокий и непонимаемый — новые пути теоретической шахматной мысли, он создавал свою концепцию шахматной тактики и стратегии, суммарно изложенную в предшествовавшей главе. Соображения тщеславия и честолюбия, несомненно волновавшие его, принес он в жертву своей неутомимой жажде шахматного познания. Он шел своим путем, игнорируя ехидные насмешки врагов и робкие недоумения друзей на ту тему, что у него, Стейница, не хватает "спортивного инстинкта", что он, неофициальный чемпион мира, уклоняется от опасной борьбы. Невдомек им было, и врагам и друзьям, что он ведет более трудную и ответственную борьбу, чем когда-либо, борьбу с консерватизмом, борьбу за новую философию шахмат.

Период 1867 — 1873 годов в жизни Стейница был периодом подсознательных исканий и творческих тревог, был преддверием к сознательной творческой работе следующего десятилетия. Но этот подготовительный период дал свои плоды, ибо уже в венском турнире 1873 года в шахматном стиле Стейница чувствовались новые и революционные тенденции. Было бы, однако, преувеличением утверждать, что победой в этом чрезвычайно сильном турнире Стейниц обязан тому, что он стал "новым Стейницем". Как увидим дальше, именно новому Стейницу были еще суждены тягостные сомнения, печальные разочарования и даже временные поражения.

Венский турнир 1873 года был очень силен по своему составу. Из 12 участников 6 были первоклассными, лучшими шахматистами эпохи — Стейниц, Блэкберн, Андерсен. Паульсен, Розенталь, Берд; отсутствовали лишь Цукерторг и Винавер. Условия турнира были необычайны: для того, чтобы избежать элементов случайности в борьбе, все участники играли друг с другом

матч в три партии, и выигравшему матч засчитывалась единица (выигрыш подряд двух партий в матче обуславливал, естественно, выигрыш матча).

Из 11 матчей Стейниц выиграл 10, причем в 8 из них ему даже не пришлось играть третьей партией. Но единственный неудачный его матч был проигран Блэкберну, который также пришел к финишу с 10 очками. Между двумя победителями был разыгран новый матч, в котором победил Стейниц, блестяще выиграв подряд две партии. Из 27 выигранных партий на всем протяжении турнира он победил в 20, проиграв 2 при 5 ничьих. Такой победы Стейниц еще не знал. Шахматная Вена могла гордиться своим "недоучившимся студентом", который был послан 11 лет тому назад завоевать Лондон и мир, да и Лондон мог быть доволен, поскольку английские шахматисты милостиво считали Стейница "своим" представителем. Сам же Стейниц мог торжествовать в спортивном плане, доказав, что победа его над Андерсеном семь лет тому назад была не вымученной, не случайной, что он действительно сильнейший в мире шахматист. И если сомневающиеся указывали на Блэкберна — ведь он все же выиграл у Стейница в Вене 2 партии, — то матч Стейниц — Блэкберн в Лондоне в 1876 году положил конец всяким сомнениям. Это был неслыханный разгром: Стейниц выиграл подряд 7 партий, и выиграл — вот что характерно, — применив в тех партиях, где была у него инициатива, свой новый стиль игры.

Итак, победитель в матчах Андерсена, Цукерторта (в 1872 году) и трижды Блэкберна, победитель сильнейшего за двадцатилетие турнира, он формально считался к концу 70-х годов несомненно чемпионом мира.

И вот тем и замечательно это десятилетие в жизни Стейница, что он получил возможность показать шахматному миру не только как он умеет играть в шахматы, но и как он умеет мыслить о шахматах. И это было для него важнее: мыслитель в Стейнице всегда торжествовал над спортсменом.

Очевидно, венский успех способствовал тому, что в 1873 году Стейницу было предложено вести шахмат-

ный отдел в распространенной и влиятельной спортивной газете "The Field". Это может показаться ординарным фактом. Но Стейниц рассматривал это иначе: он осознавал себя в это время носителем новой шахматной идеологии, и вот он, боец за новые ценности, получил влиятельную трибуну и может поведать миру методами общеобязательного логического мышления, примененного к шахматам, пути и результаты своих исканий.

В своем шахматном отделе, представляющем и теперь, по авторитетному свидетельству Ласкера, большой теоретический интерес, Стейниц проводил громадную аналитическую работу, снабжая тщательными комментариями и современные ему важнейшие партии, и многочисленные партии, оставившие след в истории шахмат. Но это не были обычные в то время комментарии, ограничивавшиеся объяснением того или иного хода и приведением элементарных вариантов. Комментарии Стейница носили творчески-poleмический характер. Анализирувавшаяся партия являлась лишь трамплином для его сложных и тонких изысканий, взрывающих основы тогдашнего шахматного мышления. Именно в этих комментариях были высказаны все те максимы и положения, были установлены знаменитые стейницевские законы, совокупность которых образует фундамент "новой школы". Стейниц присутствовал на турнирах 1877-го, 1878-го, 1881 годов не в качестве участника, а как корреспондент, чтобы иметь возможность объективно, со стороны, подвергнуть неумолимому и жесткому анализу новый громадный шахматный материал. Немудрено, что этот отдел, составляемый сильнейшим шахматистом мира и в совершенно небывалых до той поры манере и тоне, прозвучал сенсационной новинкой и возбудил величайший интерес во всем шахматном мире. И не только интерес. С этого времени и начинает создаваться убеждение, охватившее постепенно весь шахматный мир, о "дурном характере" Стейница и начинают возникать предпосылки того идейного одиночества, от которого пришлось стра-

дать ему всю жизнь. "Дурной характер", с обывательской точки зрения, у него и был. Стейниц знал, что он нашел истину, которую никто, кроме него, не видит, и истина эта была связана со всем делом его жизни. Его упрямый и властный характер не выносил никаких компромиссов, его авторитарная психика не умещалась в рамках "хорошего тона". То, что он хотел сказать, говорил он полным голосом, игнорируя профессиональные приличия и не щадя самолюбий.

А самолюбия страдали. Стейниц не видел, да и не хотел видеть, что за аннотируемыми партиями скрываются люди, что каждая партия — это не только запись ходов и надежд, его радостей и разочарований, а иногда и свидетельство о неудовлетворенном тщеславии, о болезненном честолюбии, и повесть о крушении, и рассказ о катастрофе... Стейниц не хотел этого видеть; его интересовала лишь чистая идея шахматной игры, а не переживания шахматистов за доской. Он был безжалостно резок и воинствующе непримирим, когда ему приходилось, отстаивая "стейницевские положения", подвергать уничтожающей критике партии своих современников, коллег, тех, с кем встречался он ежедневно в шахматном клубе или в кафе.

И тут нужно еще принять во внимание шахматную специфику. Во всякой другой отрасли мышления и творчества каждый новатор, бунтарь, объявивший войну устаревшим канонам, может хоть в какой-то мере рассчитывать на поддержку единомышленников, может апеллировать к непосредственно незаинтересованным, но интересующимся свидетелям борьбы. Но шахматы? Ведь широкая публика плохо разбиралась в шахматных комментариях Стейница, и он должен был обращаться только к квалифицированным шахматистам, то есть к тем самым, кому он говорил своим бесстрастным и абстрактным анализом: "Друзья мои, ведь, в сущности говоря, вы понятия не имеете о шахматной игре, все, что вы делаете, никуда не годится, учитесь, прошу вас, у меня..."

Это говорил он людям английской шахматной сре-

ды, замкнутой и узкой, более чем где-либо в Европе. В Англии играли в шахматы главным образом в клубах, а не в кафе, как в Париже, Вене, Берлине, и это были клубы крупнобуржуазные, как "Сити Чэсс клуб", или аристократические, как "Сент-Джемс клуб". В этой среде Стейниц оставался всегда чужаком, не только по причине национальности своей, но и как профессионал, извлекавший из шахмат средства к существованию; Стаунтон был по профессии литератором, Блэкберн — вполне обеспеченным человеком. Шахматные меценаты, лорды из Сент-Джемса, купцы из Сити, смотрели на Стейница с некоторым пренебрежением, как на "оплачиваемого" человека. Понятно, что вызывающее поведение Стейница шокировало одинаково и лордов и купцов. Стейницу в анализе партий слишком часто приходилось иметь дело со своими "соперниками", с тем же Цукертортом, Блэкберном, Бердом; он нарушал, следовательно, священный "спортивный закон", действительный не только для Англии той эпохи, но и для любой буржуазной среды, ханжеской и лицемерной, закон, гласящий: ненавидь как угодно твоего конкурента, но не говори вслух, что он хуже тебя... А Стейниц говорил, не жеманясь и не винясь, вслух, во весь голос.

Неудивительно, что Стейниц уже в этот период своей жизни "нажил многочисленных врагов", по словам шахматного биографа и издателя его партий Бахмана. Как не нажать! И они воевали с ним. Не только на столбах других шахматных отделов, в порядке теоретической полемики, но и другим, более опасным оружием, связанным опять-таки со спецификой шахматной игры.

Было бы смешно и нелепо, если бы к литературному и музыкальному критику обратился раскритикованный им писатель или композитор с любезным предложением: а ну, напиши сам роман или симфонию, посмотрим, у кого выйдет лучше! Но Стейницу это мог сказать каждый шахматист. И говорили, а он, как было сказано, уклонялся с 1876 года от участия в турнирах, потому ли, что он не хотел отвлекаться от ответственной работы создания нового шахматного мировоз-

зрения, или потому, что еще не считал себя готовым для защиты и проверки своих новаторских идей в практической игре. Но все знали, и он знал, что час проверки наступит, и если он не окажется готов к этому часу, его ждет моральное и идейное банкротство.

Все же это трудное десятилетие было счастливым периодом в жизни Стейница. Редактирование отдела и гастрольная игра давали ему известное материальное благополучие, престиж его был высок, усиленная творческая работа доставляла ему подлинную радость.

Стейниц жил полной жизнью. И, оглядываясь назад, на пройденный путь, он мог вспомнить с улыбкой когда-то сказанную фразу: на шахматной доске я Эпштейн! Теперь он не нуждался в этой фразе.

ЖЕСТОКАЯ КОМБИНАЦИЯ

Час проверки наступил. И, возможно, приблизил его сам Стейниц неудержимым взрывом своего "дурного характера". В конце 1881 года острая полемика завязалась между Стейницем как редактором шахматного отдела "The Field" и влиятельнейшим не только в Англии, но и во всем шахматном мире журналом "Chess Monthly", во главе которого стояли Иоганн Герман Цукерторт, опаснейший, по общему мнению, соперник Стейница, и Л.Гоффер, средний шахматист, но видный английский шахматный деятель, издатель и редактор шахматной литературы и вообще "меценат благородного спорта", из породы тех "просвещенных любителей", которые всегда были так ненавистны Стейницу еще с периода кафе "Куропатка", — по их адресу Стейниц никогда не жалел горьких и резких слов.

Полемика по теоретическим вопросам быстро приняла, и, очевидно, по вине Стейница, резко личный характер: он никогда не претендовал на лицемерную бесстрастность, на лжеобъективизм; как у всякого идейного бойца, враги идеологические были его личными врагами. И этот теоретический спор неминуемо должен

был упереться в формулу: но кто же вы, спорящий со мной! И как бы предвидя эту неизбежную формулу, Стейниц тут же печатно вызвал и Цукерторта, и Гоффера на шахматный матч, издевательски предложив обоим фору в две партии. Конечно, это был аргумент скорее эмоциональный, чем логический, и полемика на этом оборвалась, получив, однако, в дальнейшем совершенно неожиданное и "глубоко комбинированное" завершение.

В связи ли с этим фактом, или по причинам более серьезным, но Стейниц чувствовал, что откладывать далее свое выступление на международных турнирах после более чем шестилетнего перерыва он не имеет морального права. Ведь к этому времени основы "новой школы" в шахматах были им твердо установлены, и он должен был с нетерпением ждать результатов проверки их в практической игре.

Об основах шахматного мировоззрения Стейница можно сказать очень многое, но то краткое, что было сказано, дает возможность и шахматисту без специального шахматного образования понять, что дело шло не об открытии новых дебютов, а о *пересмотре всей философии шахматной игры*.

Перед нами три шахматиста, три ярких индивидуальности, три мировоззрения.

А д о л ь ф А н д е р с е н. Вся шахматная игра существует ради атаки, и предпочтительно ради атаки на короля. Атака на короля осуществляется путем неожиданной комбинации. Эта выигрышная комбинация принципиально возможна при любом положении на шахматной доске и является результатом не подлежащей логическому учету выдумки, фантазии, интуиции. Лишь открытая партия (такая, в которой пешки и фигуры сторон сразу приходят в соприкосновение) есть подлинная шахматная партия. Из открытых партий предпочтительнее гамбитные партии, сразу обостряющие положение.

П а у л ь М о р ф и. Да, комбинационно осуществленная атака решает партию. Но комбинация должна

быть подготовлена, являясь не целью, а естественным результатом предыдущей планомерной игры. А планомерная игра имеет в виду применение ряда логических принципов: темп развития, захват центра, открытие линии. Лишь открытая партия — подлинная шахматная партия (Морфи избегал играть закрытые партии, и большинство его немногих проигрышей было именно в этих партиях).

В и л ь г е л ь м С т е й н и ц. Итак, с точки зрения Андерсена, основной элемент шахматной игры — это личное творчество, не поддающееся логическому анализу и учету (комбинация), а с точки зрения Морфи — автоматическое почти творчество (подготовленная комбинация). Не прав ни тот, ни другой. Личное творчество Андерсена, хотя и очень эффективное, зачастую лишь потому торжествовало, что ему не было противопоставлено ничего равноценного, и его "выигрышные" комбинации осуществлялись лишь по причине плохой защиты. Морфи восторжествовал над Андерсеном потому, что при наименьшей личной одаренности он внес в игру некоторый логический и плановый момент, мысля партию как единое целое. Но его план был всегда один и тот же, и единое целое стало застывшей величиной. Отсюда автоматизация его игры, и отсюда, быть может (в порядке домысла позволим себе приписать Стейницу эту нашу догадку), его разочарование в шахматах, возможности коих считал он исчерпанными. Но шахматное творчество не в интуитивной комбинации и не в автоматически возникающей комбинации. Оно — в *открытии априорно существующих законов шахматной игры*, среди которых удельный вес "закона комбинации" очень незначителен, и в *умении применять их в шахматной практике*. И не гамбитные, не открытые, а именно закрытые партии дают наиболее сложные, глубокие и ценные возможности применять эти законы на практике.

Таковы три концепции. От "слепого", интуитивного искусства, через почти автоматизированное искусство, к искусству, возникающему на *научном методе*,

базирующемся на строгих законах. От внезапной комбинации, через позиционно подготовленную комбинацию, к комбинационно завоеванной позиции. Вместо неистовой атаки — приобретение ничтожного как будто преимущества, благодаря которому, в конечном счете, оказывается ненужной непосредственная атака на короля. Таков путь от Андерсена, через Морфи, к Стейницу.

Он проделал этот путь целиком. Первое десятилетие своей шахматной жизни он играл почти исключительно в "стиле Андерсена". Долгое время изучал он "стиль Морфи". И чувствовал, что пришел момент, когда должен он играть "стилем Стейница". Этого ждал весь шахматный мир: пусть он, наконец, покажет, этот "бородач", что скрывается за его сложными теориями и парадоксальными анализами.

И он показал. Но несколько меньше того, чего от него ждали, чего он ждал от себя сам!

Правда, он занял первое место на венском турнире 1882 года, сильнейшем турнире, где приняли участие 18 шахматистов, игравших друг с другом по две партии, и среди них Винавер, Цукерторг, Блэкберн, Паульсен, два новых светила — Мэзон и Мэкензи, и второй раз в международном турнире русский шахматист М.И.Чигорин. Очень трудный по составу турнир, и почетно занять в нем первое место! Но ведь разделил он это первое место с Винавером — каждый имел 24 очка из 34 возможных — 70 процентов — не такой уж блестящий результат. И притом Винавер не был теоретиком, не был даже шахматным профессионалом. И притом из двух партий с Цукерторгом Стейниц проиграл первую при второй ничьей. И притом пол-очка ему было подарено старым врагом, Бердом: их партия была явно ничейной, но Берд был болен, когда играл ее. Этого упорного англичанина принесли на руках в турнирный зал и потому он проиграл... Большого спортивного удовлетворения этот турнир Стейницу не принес. И немногим лучше обстояло дело с идейным удовлетворением. Ведь Стейниц побеждал и раньше, когда он не играл "стилем

Стейница"! Следовательно, теперь он должен был разгромить своих противников... Но разгрома не последовало. Почему же? — не мог не спросить себя Стейниц.

Мы коснемся еще этого вопроса; ограничимся пока указанием, что агрессивно-догматический склад мышления и характера Стейница в известной мере затуплял и обезвреживал могучее оружие, которое он выковал, и воспользоваться им в полной мере он сумел лишь однажды в своей жизни.

Вскоре после Вены — Лондон. Апрель 1883 года. Новый грандиозный турнир. 14 участников играют минимум по две партии, ничьи переигрываются. Громадные призы — таких еще не видал шахматный турнир — 300 фунтов получает первый победитель, 175 — второй. "Звериное" число — 666 фунтов — подписал один только Сент-Джордский клуб, организовавший турнир. Среди участников все те же неутомимые бойцы: Цукерторт, Блэкберн, Мэзон, Мэкензи, Винавер и молодой Чигорин... Какая блестящая возможность для Стейница реваншироваться и идейно и спортивно!

Но он неудачно начинает турнир. Он проигрывает две партии подряд, применяя свой собственный "гамбит Стейница", который уже в это время был признан слишком "субъективным" началом. Стейниц же хотел доказать, что это начало имеет объективную ценность. Факт тот, что из первых девяти партий он набрал всего четыре очка. Значит, нужно сжать зубы, проявить качество бойца и нагнать!

И он нагнал, набрав в дальнейших 17 партиях 15 очков. Исключительное спортивное достижение! И все же оно оказалось недостаточным. Его перегнал на целых три очка Цукерторт, вечный Цукерторт, сумевший выиграть 22 партии из 26, а некоторые из них в исключительно блестящем стиле. И — мало того: из своих четырех нулей два получил Цукерторт против самых слабых участников турнира, и было очевидно, что эти нули случайны, что он легко мог иметь 24 победы из 26 партий. А Стейниц в двух проигранных партиях с Чигориным, занявшим четвертое место (третий — Блэкберн),

понес серьезное идейное поражение, ибо уже тогда в молодом русском шахматисте шахматный мир видел блестящего продолжателя традиций Андерсена. Очевидно, реванш вышел не того характера и не того размера, о каком мечтал Стейниц. Тот вызов, какой в силу объективного хода вещей он был принужден бросить и бросил всему шахматному миру, не был полностью и убедительно оправдан исходом этих двух турниров: жизненно важный для него спор о шахматной теории остался неразрешенным.

И вот тут, в этот критический и болезненный момент его пути, случилось обстоятельство, также ставшее для него жизненно важным, хотя касалось оно той внешней стороны жизни, на которую никогда не хотел обращать внимания Стейниц. И оно показало ему, что жизнь подсовывает иногда комбинации более неожиданные, более жестокие и, во всяком случае, менее заслуженные, нежели комбинации на шахматной доске. На доске вражеская комбинация является, по учению Стейница, наказанием за допущенную ошибку, но в его жизни, казалось ему, ему не за что быть наказанным.

Он не учел, что Эпштейны, обозленные "дерзостью" человека с дурным характером, существуют не только в Вене. Я говорил уже — Стейниц сделал все возможное, чтобы его не любили в кругах лондонских шахматных меценатов. И эта история с издевательским вызовом на матч Гоффера и Цукерторга — не была забыта. Как бы то ни было, вскоре после турнира Стейниц увидел себя отстраненным от редактирования шахматного отдела "The Field", который, дабы усугубить остроту комбинации, перешел под ведение Гоффера и Цукерторга.

Для Стейница это было почти катастрофой — в материальном отношении. Основной источник существования исчез. Попытка найти литературно-шахматную работу в других газетах оказалась безрезультатной. Возместить этот источник игрой на денежную ставку в кафе "Симпсон-Диван" — на это сорокасемилетний Стейниц, имевший уже к тому времени жену и ребенка, не

мог, конечно, пойти. Да и притом, кто ж будет играть на ставку со Стейницем? Ну, шиллинг, пожалуй, заплатит английский буржуа за удовольствие сказать, что играл с самим чемпионом, но в гинею он этого удовольствия не оценит. Провинциальные гастролы? Но шахматная Англия, казавшаяся Стейницу когда-то такой необъятной, исчерпала свой интерес к нему. Цукерторг казался интересней, и притом он обладал гораздо более покладистым характером. Что ж остается? Призы в международных турнирах? Но ставить получение куска хлеба для себя, жены и ребенка в зависимость от успеха изобретенного Стейницем нового хода конем на четвертом ходу в "испанской партии" — на это человек Стейниц, естественно, решиться не мог.

Но какой-то выход нужно было найти. И Стейниц его нашел: выход, указывавший, что и в жизни он сохранял темперамент упорного бойца, не отступающего перед самой сложной защитой.

В промежуток между венским и лондонским турнирами Стейниц совершил гастрольную шахматную поездку в Соединенные Штаты, где уже начала в то время практиковаться система закупки знаменитостей Старого Света. Во время этой поездки была, очевидно, подготовлена почва для его вторичного приезда. Так или иначе, осенью 1883 года Стейниц покинул Англию, где он прожил целых двадцать лет. Надеялся ли он в молодой, казавшейся такой свободной, демократической стране упрочить дело своей жизни, увенчать решительной победой свой путь борца и мыслителя, не встречая более на этом пути шахматных Эпштейнов?

14 октября 1883 года Стейниц высадился в гавани Нью-Йорка.

“CHAMPION OF THE WORLD”

Первая гастрольная поездка Стейница по Америке, длившаяся с октября 1882-го по март 1883 года, прошла вполне благополучно во всех отношениях. Он по-

сетил ряд городов — Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимору, Нью-Орлеан — родину Морфи — и даже столицу острова Куба — Гавану, этот город, где было осуществлено столько драматических эпизодов шахматной истории.

Удачны и приятны были эти гастроли. Сеансы одновременной игры, сеансы игры "вслепую" (Стейниц не любил их, но широкий зритель считал их высшим проявлением шахматного гения), небольшие матчи с сильнейшими местными противниками, — все это проходило весьма успешно: Стейниц стоил затраченных на него денег, это с удовольствием отметили американцы. Он импонировал, этот плотный, маленький человек, медленно передвигавшийся между шахматными столиками при помощи костыля (он страдал от ревматических болей), казавшийся значительно старше своего возраста, почти старик, со своей длинной рыжеватой с проседью бородой, так серьезно и вдумчиво игравший каждую свою партию, будь то в матче или в сеансе. С характерной для американского буржуа деловитостью, добродушной по внешности, но столь жестокой по существу, американцы требовали от "экзотического европейца" настоящего "товара" в обмен на свои доллары и центы, и не так уж обильны были эти доллары: нью-йоркский матч с Мэкензи игрался на ставку в 15 долларов! Но Стейниц честно давал "товар", может быть, уже тогда думая об Америке, как о последней своей родине.

И вот он снова здесь. Новая родина как будто раскрывает ему свои любовные объятия. Снова гастроли в Филадельфии, затем в Нью-Йорке, где он избрал свое постоянное местожительство, под покровительством крупнейшего в стране Манхеттенского шахматного клуба; за эти двухнедельные гастроли он получает 200 долларов — немалая сумма, думает рядовой американец, прочтя об этом в газетах; ведь этот Стейниц сам любит играть в шахматы, а тут еще получает за это приличные деньги...

Стейниц доволен настолько, что немедленно после приезда подает заявление о принятии его в американ-

ское гражданство: он совсем уже не молод, он хочет, наконец, иметь твердую почву под ногами.

Но главная радость еще впереди. После годичного пребывания на новой родине Стейницу удастся осуществить важную свою мечту: он организует свой собственный шахматный журнал, очевидно, с чьей-то денежной помощью. И в январе 1885 года выходит первый номер ежемесячного "International Chess magazine", в котором Стейниц полный хозяин. Как увидим дальше, оказался он совсем не деловитым хозяином.

Выступления его особенно блестящи в период 1881 — 1885 годов. В многочисленных сеансах одновременной игры он постоянно выигрывал почти все партии. Таков же результат и в сеансах "вслепую", что и дает возможность президенту клуба, после одного особо удачного сеанса, заявить в элегантном стиле: "Стейниц пришел, не видел и все же победил"*.

И, однако, шахматный Юлий Цезарь не удовлетворен своими успехами. Его лондонские раны продолжают еще болеть. С первых же дней своей американской жизни Стейниц добивается организации своего матча с Цукертортом — самым опасным своим соперником и самым враждебным своим противником. Ибо знает Стейниц: победа в этом матче не только даст ему официальный титул "чемпиона мира", но и явится принципиальной победой его учения, его школы, всего дела его жизни... И характерно, что, будучи фактическим чемпионом, Стейниц сам добивался этого матча, а Цукерторт держался выжидательной политики.

Иоганн Герман Цукерторт (1842 — 1888) — немецкий еврей, шахматист-профессионал, подобно Стейницу поселившийся с 1872 года в Лондоне, был несомненно чрезвычайно опасным соперником. По мнению Ласкера, "одаренность Стейница, как практического игро-

---

* Парафраз знаменитого изречения Юлия Цезаря: "Я пришел, увидел, победил".

ка, ниже, чем одаренность Блэкберна или Цукерторта... Когда Цукерторт руководствуется планом, его игра, по меньшей мере, не уступает игре Стейница". А сам Стейниц, комментируя партию Цукерторт — Блэкберн (Лондон, 1883 год), пишет: "Предыдущие ходы и только что сделанный ход белых представляют собой одну из величайших комбинаций, может быть, даже самую красивую из всех, которые когда-либо были созданы на шахматной доске. Не хватает слов, чтобы выразить наше восхищение высоким мастерством, с которым Цукерторт провел эту партию". Лицемерить было не в стиле Стейница, это его мнение было высказано со всей серьезностью. Да и притом налицо был объективный показатель силы Цукерторта — два первых приза в сильнейших парижском и лондонском турнирах, блестящий выигрыш матча у Блэкберна. Матч Стейниц — Цукерторт 1872 года в расчет идти не мог, Цукерторт тогда лишь начинал свой шахматный путь. А из четырех турнирных встреч Стейниц победил лишь в одной.

Соперник, стало быть, был опасный, максимально враждебный; он как бы воплощал в себе все то, против чего Стейниц воевал всю жизнь. Цукерторт был учеником и преемником Андерсена, не уступавшим своему учителю в период своего расцвета (1883 г.). Ни теоретиком, ни мыслителем он не был; так называемое "начало Цукерторта" обычно переходило с перестановкой ходов в нормальный ферзевый дебют, и его след в шахматной истории — это след виртуоза, эпигона, исполнителя. Но вот именно этот стиль виртуозничества в шахматах органически отрицал и идейно ненавидел Стейниц; ему, тяжелоуму, думавшему так, словно он камни ворочал, были органически чужды, оскорбительны даже эти качества эффектного блеска, легкости, изящества, весь этот фейерверк неожиданных комбинаций, иногда гениальных, но не всегда обоснованных. Подлинное идейное мировоззрение всегда включает в себя элемент нетерпимости, и воинствующе нетерпимым было шахматное мировоззрение и шахматное искусство Стейница...

Что же мог он противопоставить Цукерторту? Как оценивал он сам в этот ответственный момент — ведь было признано, что это состязание на первенство мира, — свою шахматную силу и слабости свои?

Он сознавал, конечно, что за ним стоит мировоззрение, идея, которой он не видел у Цукерторта, эпигона старой школы. Спортивные его качества ко времени матча были на большой высоте, стойкость воли и неутомимость мысли достигли высшего развития. И если Стейниц был уже не молод — минуло пятьдесят, то ведь и Цукерторту было сорок четыре года. Но недостатки своих достоинств — думал ли о них Стейниц? Знал ли он о догматическом характере своей игры, совершенно естественном для теоретика и мыслителя, считающего вопросом чести отстаивать свою идею, даже когда она в случайностях боя направляется против него? Понимал ли он, борец с шахматной случайностью, что случайности все же существуют в какой-то степени в практической партии и что умение обратить эту случайность на службу своей идее характеризует борца-реалиста? А в чисто шахматном плане, понимал ли он, каким опасным может оказаться в практической партии его постоянное стремление новатора, искателя, — уклоняться от изведанных путей и разрабатывать за доской новые варианты, кажущиеся ему теоретически оправданными; чувствовал ли он, как становится каждый догматик, незаметно для себя, пленником этого губительного лозунга: факты не сходятся с теорией — тем хуже для фактов? И наконец, его стремление всегда предоставлять противнику атаку, доходившее до того, что он нарочно подставлял себя под атаку, — разве не признавал он, что это догматическая крайность?

Трудно ответить на все эти вопросы, но поставить их нужно для того, чтобы понять до конца судьбу Стейница — шахматиста и человека. Идя на это состязание, Стейниц выработал, конечно, стратегический план всего матча. Основным моментом плана было, можно предположить, стремление вести игру и белыми, и черными в русле закрытой партии: Стейниц понимал, что если

он в открытых партиях не уступит противнику, то в закрытых он значительно превосходит Цукерторта, да и кого бы то ни было. Ведь стратегию и тактику закрытых партий создал он, Стейниц. До него закрытая партия считалась недостойной талантливого шахматиста, вызывавшего противника на "открытый, честный бой". И как он ненавидел эту псевдорыцарскую, лже романтическую, столь любезную профанам "идеологию" шахматной игры! Ведь открытая партия отождествлялась с вихрем атак, с торжеством комбинаций, с внезапностью шахматных озарений! А закрытая партия — это медленное разворачивание сил, кропотливая, упорная, незаметная подчас работа, скрытое назревание сложных, глубинных процессов, любезная сердцу Стейница тяжелая, истощающая борьба... Так было, по крайней мере, до тех пор, пока эпигоны Стейница не превратили закрытую партию в наукообразное и безвредное топтание на месте, а Ласкер и другие не углубили новыми идеями обмелевшее русло открытых партий. Но в ту эпоху отношение между открытой и закрытой партией можно было уподобить отношению между романом Дюма и романом Флобера... Быстрое, с первой же страницы, развитие сюжета, нагромождение событий, обилие внешне драматических эпизодов, сенсационные неожиданности, эффектный финал, безумный успех у публики и, на взгляд подлинных знатоков, отсутствие правды, силы, глубины. И медлительный, часто непонятный, даже скучноватый роман Флобера, сюжет которого зреет в тиши и реализуется незаметно, но каждый сюжетный ход в котором зрело обдуман, глубоко оправдан, властно необходим, — и ощущение после прочтения романа, что незаметно выросло перед глазами грандиозное здание, торжествующее гармонией всех своих частей...

Но, увы, Вильгельм Стейниц, творец закрытых партий, был знаком с Густавом Флобером, творцом "закрытого" романа, не в большей степени, чем Флобер со Стейницем. И если Дюма не мог знать Цукерторта, то Цукерторт, вероятно, восхищался творчеством Дюма.

Мы не знаем, каких стратегических операций потребовал самый процесс подготовки матча. Как сказано, Цукерторг не желал форсировать событий. Были и материальные затруднения: помимо ставки, нужно было оплатить расходы по приезду и пребыванию Цукерторга в Америке. Характерен был метод финансирования матча: между сторонниками Стейница и сторонниками Цукерторга были заключены денежные пари, и лишь половина вложенных в "предприятие" сумм шла победителю матча, который изображал собою таким образом одновременно и лошадь, и жокея в конных состязаниях. Три шахматных клуба городов, в которых происходил матч — Нью-Йорка, Сан-Луи и Нью-Орлеана, — покрывали расходы Цукерторга. Матчигрался до 10 выигрышных партий, без учета ничьих.

Итак, 11 января 1886 года в два часа дня они сели друг против друга за исторический шахматный столик, за которым играл когда-то Морфи, в присутствии многочисленной аудитории, переполнившей большой спортивный зал на аристократической Пятой авеню. Один из них — маленький, приземистый, плотный, с крупным лицом в рамке красновато-рыжих бакенбард; он сидит на стуле, посасывая сигару, спокойно и увесисто, часами не меняя позы, упорно и медлительно всматриваясь в доску своими маленькими, настойчивыми глазами; лишь изредка он встает и медленно проходит по залу, с руками, заложенными назад, со взглядом, обращенным внутрь, тихо напевая оставшиеся в памяти с детства синагогальные мотивы, не слыша разговоров, не видя любопытных взглядов. Другой — хрупкий, худой, шуплый, почти блондин, с короткой бородкой и маленькими усталыми глазами, морщинистым лицом. Его поза нервна, он словно вертится на стуле, руки в постоянном движении; он часто вскакивает, обменивается репликами со зрителями, глаза его полузакрываются, подернуты пленкой тумана, процесс обдумывания для него словно физическое напряжение, от которого он как бы хочет избавиться, делая так быстро свои ходы. С непостижимой быстротой играл Цукерторг, тратя в

среднем минуте на ход; и целых четыре минуты тратил Стейниц.

Стейниц был уверен в своей победе. Незадолго до начала матча его шахматный биограф Бахман писал в письме к нему, что Цукерторт должен проиграть матч не только потому, что ему не хватит нервной выдержки, но и потому, что он страдает поверхностностью в игре и стремлением во что бы то ни стало всегда играть блестяще и остроумно, что обличает слабость его характера. Стейниц отвечал: "Ваше мнение о Цукерторте совершенно справедливо. С моей точки зрения, подлинная сила духа обуславливает также силу характера, и именно поэтому я сомневаюсь в гениальности Цукерторта, особенно по сравнению с Морфи и Андерсеном". Суждение было в стиле Стейница: догматичным, точным, безжалостным.

Мы не будем следить за перипетиями матча, достаточно драматическими: если не кровью, то нервами пишется история шахмат. Лучший итог матча подвел Эмануил Ласкер в своей через сорок лет после матча вышедшей книге: "Цукерторт верил в комбинацию, был одарен творческой изобретательностью в этой области. Однако в большей части партий матча он не мог использовать свою силу, так как Стейниц, казалось, обладал даром предвидеть комбинацию задолго до ее появления и при желании — препятствовать ее осуществлению. Цукерторт совершенно не понимал, как мог Стейниц выигрывать, препятствуя осуществлению комбинаций, пытался разгадать эту тайну, но до последовавшей вскоре смерти так и не подошел к разрешению загадки".

К этому нужно добавить, что матч был выигран Стейницем при счете 10 выигранных, 5 проигранных и 5 ничьих, что в первой нью-йоркской серии Стейниц сумел выиграть лишь одну при 4 поражениях, и уже обреченный, по общему мнению, на проигрыш матча, сумел в следующей серии, в С.-Луи, выиграть 3 при одной ничьей, уравнивая таким образом счет, и, наконец, в последней серии, в Нью-Орлеане, выиграл 6 из 10, при одном проигрыше и 3 ничьих. Более убедительную побе-

ду представить было трудно. Значительное большинство партий было сведено к закрытой системе игры, и в каждой почти партии Стейниц производил сложные эксперименты, вводил новые, неисследованные еще варианты, подлежащие проверке. Это стоило ему нескольких проигрышей, хотя он сам объяснял свою нью-йоркскую неудачу тем, что лишь медленно приспосабливался к агрессивному стилю противника. К концу матча Стейниц был настолько уверен в себе, что в последней, 20-й партии, играл "гамбит Стейница", совершенно скомпрометированный после турнира 1883 года; Стейниц хотел проверить новый вариант в этом дебюте, к которому он питал некую сентиментальную склонность. Партию он, правда, выиграл, но Цукерторт был к этому моменту совершенно дезориентирован. Результат матча нанес ему моральный удар, от которого оправиться он уже не мог. Через два года Цукерторт умер, так и не поняв, что же собственно произошло в С.-Луи и Нью-Орлеане в феврале – марте 1886 года...

СТЕЙНИЦ ОШИБАЕТСЯ и ЗАЩИЩАЕТСЯ...

"Хэрфордский шахматный клуб – Вильгельму Стейницу.

Хэрфордский шахматный клуб приносит м-ру Стейницу свои сердечные поздравления в связи с его решительной победой над м-ром Цукертортом. Этот триумф тем более значителен, что м-р Стейниц не только выиграл матч с результатом два к одному, но из последних 15 партий проиграл лишь одну. Опубликованные партии матча полностью подтверждают репутацию м-ра Стейница как несравненного мастера анализа, стратегии и синтетической комбинации. Члены Хэрфордского клуба восторженно приветствуют великолепную победу того, кого они уже много лет чтят как первого шахматного гения нашего времени, констатируя вместе с тем, что еще никогда так блестяще не проявлялось его превосходство, как в этой борьбе за первенство мира".

Стейниц мог только горько улыбнуться, получив это приветствие полутора десятка шахматных энтузиастов из английского провинциального городка. На его столе рядом с этим адресом лежала вырезка из большой нью-йоркской газеты: "Матч окончен. Цукерторт бесславно побежден, Стейниц официальный чемпион мира. Но доволен ли он исходом борьбы? Шахматисты всего мира, которые с напряженным интересом следили за началом матча, в дальнейшем значительно остыли к нему и к концу были разочарованы и недовольны: они ожидали борьбы гигантов, а столкнулись с осторожной, малоталанливой пробой сил; они видели, что в большинстве партий победа достигалась лишь благодаря промаху одного из противников, и увидели, что к концу один из "гладиаторов" так ослаб и физически и морально, что не мог оказать никакого сопротивления..."

И это мнение было не единично. Так пишет, например, в немецкой газете один видный шахматист: "После того, как была закончена эта великая борьба, раздались голоса по эту, а особенно по ту (американскую) сторону Атлантического океана — голоса недовольной критики. Она обманулась в своем ожидании чудесных комбинаций и выражает теперь откровенно чувство разочарования, подавлявшееся в течение хода матча".

"Гладиаторы", "чудесные комбинации" — как ненавидел Стейниц такое понимание шахмат всю свою жизнь, как самоотверженно он боролся против него! И вот теперь, когда своей такой бесспорной победой он, казалось, покончил с подобными взглядами на шахматную игру, взгляды эти, оказалось, живы по-прежнему и ими хотят обесценить его победу. И не только шахматные профаны: ведь и в шахматной прессе, не говоря уже об общей, все время наталкивался Стейниц на это безнадежно пошлое, но в своей элементарной общедоступности кажущееся таким убедительным рассуждение: да, Стейниц победил, но ведь и Цукерторт 1886 года это не Цукерторт 1883 года. Стейниц понимал, что опровергать это утверждение, полемизировать

с ним — это равносильно тому, как ударять кулаком по вате! Да, Стейниц мог бы возразить: верно, Цукерторт оказался не тем, прежним, но философский смысл моей победы в том и состоит, что я не позволил ему быть прежним, это и говорит о торжестве моей концепции игры, моего шахматного мировоззрения! Но эту точку зрения кто же мог понять в ту эпоху? Об "общественном мнении" не приходится, конечно, говорить, но и среди шахматистов — сколько нашлось понимавших смысл победы Стейница — считанные единицы! А для Стейница — факт победы значительно обесценивался тем, что смысл этого факта не был понят. А подняться на уровень высоких философских обобщений, успокоиться на том, что история именно победителей судит и выносит справедливый приговор, что торжество смысла факта хотя и опаздывает иногда против торжества самого факта, но всегда в конечном счете приходит, — для этого не хватало у Стейница чувства диалектики... А тут еще Морфи. Писал ведь один из сторонников Стейница (Адольф Штерн), сочувственно комментируя его победу: "Этот маленький человек (Стейниц) в длительной борьбе причинил бы немало хлопот и самому великому Морфи".

Стейниц не отрицал величия Морфи, но ведь он видел, что это величие прошлого! О Морфи, о сравнении матча Морфи — Андерсен с матчем Стейниц — Цукерторт пришлось ему слышать со всех сторон. Великолепно! Я дам противнику бои на его собственной территории! И немедленно по окончании матча Стейниц бросается в ожесточенный бой против... Морфи. Ведь недаром же есть у него журнал, и из этого журнала его никто не может удалить...

И вскоре после матча Стейниц стал анализировать в своем журнале партии матча Андерсен — Морфи, доказывая, что метод игры того времени был совершенно неудовлетворителен с точки зрения современных взглядов (то есть теории Стейница).

Мы уже знаем, что тактичностью никогда не мог похвастать Стейниц; и он не понимал, конечно, какую

совершал "тактическую ошибку", критикуя Морфи. Вопрос этот не был так мало важен, как это может сейчас показаться. Американскому общественному мнению тогда уже приходилось слышать нелестные суждения, что всю свою культуру Америка взяла из Старого Света, не имея никаких своих достижений в области науки и искусства. И поскольку особо оспаривать эти мнения не приходилось, то имя Пауля Морфи было тоже некоей опорой для американского филистера, понятия не имевшего о шахматах, но желавшего хоть где-нибудь, помимо доллара, найти американское превосходство перед Европой. И этот австрийский еврей, еще не успевший натурализоваться в Америке, осмеливается покушаться на славу "американского национального героя", победившего всю Европу! Стейница, человеку абсолютно неискушенному в области националистической демагогии, и в голову не могло прийти, что его узко шахматное выступление получит такой резонанс. Но он считал себя не вправе отступать в этой борьбе. Завязалась острая полемика между могучей американской прессой и ничтожным шахматным журналом, полемика тем более бессмысленная, что чемпиону мира пришлось спорить с людьми, едва умевшими отличить ферзя от ладьи! Но эту полемику Стейниц проводил со свойственными ему упорством, непримиримой резкостью выражений, ненавистью к трусливым компромиссам.

И в результате? Пожалуй, для одного лишь Стейница мог быть неясен этот результат. Как в Европе, так особенно в Америке, шахматисты-профессионалы существовали милостями шахматных меценатов. И они отвернулись от Стейница. Издатель партий Стейница Бахман цитирует сообщение, сделанное ему одним американским шахматистом, современником той эпохи:

"Необычная резкость Стейница, неумеренность его стиля поссорили его с руководителями важнейших шахматных отделов американской прессы и с шахматными любителями, которые обычно устраивали гостерольные поездки Стейница. Так как он никогда не от-

ступал в начатой борьбе, последствия не замедлили сказаться. Его партии не печатались в газетах, за исключением важнейших матчей, не опубликовать которые нельзя было, его шахматные поездки были затруднены. Все это очень невыгодно влияло на заработок Стейница. Как я вспоминаю, Стейниц был наименее любимым из всех шахматных мастеров, был непопулярной личностью во всех шахматных центрах страны, за исключением Монреалья и Гаваны". Исключение это вполне естественно, если вспомнить, что Монреаль в Канаде, а Гавана — на Кубе: и канадская, и кубинская интеллигенция могли не так уже считаться с американским общественным мнением.

Судьба Стейница шла, таким образом, своим неизменным путем: и в Англии, и в Америке он "не нажил друзей". И дело, конечно, было не в "излишествах стиля", как полагает наивно обывательский автор цитаты. Стейниц не хотел быть "популярным", он не хотел считать себя обязанным благодарностью шахматным меценатам за то, что они косвенно способствуют его достаточно тяжелому заработку; и уж во всяком случае, он не считал возможным идти на какие-либо компромиссы в своем шахматном мировоззрении из-за любезности по адресу меценатов или редакторов газет. Ему было жестко спать, но он сам себе стелил постель.

Будь Стейниц меньшей величиной, он подвергся бы, несомненно, фактическому бойкоту. Но он все же был, хотя и не любимым, но чемпионом мира. Это положение обеспечило ему кое-какие гастрели в немногочисленных, правда, американских клубах и шахматные поздки в Монреаль и Гавану. Кроме того, он вел эти годы на страницах своего журнала громадную теоретическую работу, обогащая свое шахматное учение все новым материалом.

Очевидно, в эти годы он и стал помышлять о систематизации своего учения и создания фундаментального шахматного исследования, задача, которую ему не удалось выполнить в сколько-нибудь значительной мере.

Но он не мог отказаться от практической игры, не позволяла этого специфическая психология шахматиста, на которой нам еще придется остановиться. Тот же Цукерторг, потерпевший такую моральную катастрофу в историческом матче, успел все же за последние два года жизни участвовать в трех турнирах, с плачевным, правда, результатом.

Стейниц ждал и жаждал новой борьбы, стремясь еще раз доказать шахматному миру силу своего учения. Правда, он отклонил вызов на матч, посланный ему старым лондонским приятелем Бердом, победа Стейница над которым в 1867 году была так неубедительна. Но Стейниц правильно рассудил, что этот вызов лишь издевательская демонстрация; слишком неравны были силы.

Но когда в 1889 году богатый гаванский глуб, где за эти годы Стейниц дал серию исключительно блестящих выступлений, предложил ему самому назвать достойного противника для матча, — Стейниц немедленно этого противника назвал, и весь шахматный мир воскликнул: старый Стейниц сделал смелый, но правильный ход!

Имя гениального русского шахматиста М.И.Чигорина было к тому времени уже хорошо известно в международных шахматных кругах. И не потому, что его спортивные успехи были так extraordinary. Максимальным его спортивным достижением до этого времени был четвертый приз на лондонском турнире 1883 года, но каждый квалифицированный шахматист видел, что с появлением Чигорина на международной арене появился своеобразный, ярко индивидуальный, исключительно талантливый стиль игры. Как и Стейниц, Чигорин не был эклектиком, эпигоном, оппортунистом в шахматах, и вместе с тем более оппозиционной фигуры Стейницу, чем Чигорин, нельзя было себе представить. Сам Стейниц считал Чигорина наиболее ярким представителем комбинационного направления. Это так, но это отнюдь не исчерпывает Чигорина. Существуют абстрактные законы шахматной игры; задача шах-

матиста — уметь применить их в конкретной партии: вот догма Стейница. Не существует абстрактных законов шахматной игры, и задача шахматиста — создать из каждой партии неповторимое произведение: вот — не догма, но чувство, ощущение Чигорина. И потому оба они не техники, не рутинеры, но экспериментаторы в каждой конкретной партии, но с той колоссальной разницей, что Стейниц экспериментатор-ученый, а Чигорин экспериментатор-художник. Борьба между могучей догмой и могучей фантазией — таковой была встреча Стейниц — Чигорин, причем нужно добавить, что чисто спортивными качествами бойца — выдержкой, терпением, хладнокровием, нервной устойчивостью — Стейниц значительно превосходил Чигорина во время первого их матча. Но была еще одна черта, которая роднила этих, столь разных по своему психологическому облику людей и делала особо примечательной их встречу. Предпочтительней проиграть по-своему, чем выиграть "по-чужому", такова была эта черта в крайнем ее выражении, черта, остававшаяся, вероятно, неосознанной у каждого из них и абсолютно непонятная тому, для кого шахматы прежде всего — состязание, спорт. Но и для Стейница и для Чигорина практический результат партии был, конечно, очень важным, но побочным элементом в торжестве закономерной идеи для одного и вольной художественной фантазии для другого. А в этом торжестве каждый из них видел смысл своей шахматной жизни. И если этот смысл, эта цель как-то реализовывались на протяжении партии, то проигрыш ее в результате неточности, ошибки, зевка — мог лишь омрачить, но не уничтожить торжество. Такая психология была непонятной для окружавшей их среды, но Стейниц и Чигорин друг друга понимали и с особым наслаждением встречались за шахматной доской: значительное количество иггранных между ними партий (59), а еще больше самый характер партий об этом свидетельствуют.

И ход первого их матча, происходившего в Гаване с 20 января по 24 марта 1889 года на большинство из

20 партий сразу показал общность их точки зрения на этот матч, как на возможность для каждого максимально проявить свою шахматную индивидуальность.

Матч этот шел под знаком двух дебютов: гамбитом Эванса, дающим бурную открытую партию, начинал каждый раз Чигорин, и началом Цукерторта (ферзевой пешки), — Стейниц. На отношении Стейница к этим дебютам нужно несколько остановиться. Капитан английского флота В.Д.Эванс, хороший моряк и талантливый шахматист-любитель, изобрел в 1829 году гамбитное начало, при котором белые на четвертом ходу жертвуют свою пешку для быстрого развития своих сил, для создания положения, чреватого всякими неожиданностями для белых и для черных, положения в стиле "бури на море". В течение более полувека гамбит Эванса пользовался исключительной популярностью у шахматистов всего мира, он давал возможность авантюрной, острой игры. В большинстве своих партий за белых Чигорин играл гамбитом Эванса: английский капитан и русский разночинец сошлись во вкусах. И у Стейница было своеобразное отношение к этому гамбиту. Почти не играя его за белых, он с величайшим удовольствием принимал гамбит, играя черными: Стейниц считал, что создающееся положение дает блестящую возможность продемонстрировать основные принципы своего учения. И не только к гамбиту Эванса, но и к остальным гамбитным началам было у Стейница такое же отношение. Гамбит дает белым атаку, — тем лучше: я докажу белым, что эта атака неправомерна, что моя защита сильнее их атаки; за атаку белые жертвуют пешку, — тем хуже для них: я получаю возможность в нужный момент отдать ее обратно и обменять преимущество материальное на позиционное. Таков был ход рассуждения Стейница, и все было правильно в нем, за исключением одной только мелочи: не хотел он видеть, что в чигоринских руках гамбит приобретает некое новое качество, которого не найти в том же гамбите, если разыгрывает его другой. Помня о шахматах, Стейниц забывал о шахматисте.

В первых встречах с Чигориним, в венском и лондонском турнирах, Стейниц, играя черными, проиграл обе партии, игранные гамбитом Эванса. За шесть лет, прошедшие между Лондоном и Гаваной, Чигорин стал известен, как лучший в мире знаток гамбита Эванса. Стейниц же, найдя новый теоретический вариант на шестом ходу за черных, с творческим нетерпением искал возможности проверки этого варианта на практике.

И вот — гаванский матч! Очертя голову кинулся Стейниц в "бурю на море", нарочно подставляя свой корабль самым свирепым волнам. Девять раз Чигорин предлагал этот гамбит. Стейниц мог вообще его не принять, он мог развивать партию, играя более проверенные и сравнительно успешные для черных варианты, но с упорством поистине великолепным он девять раз делал все тот же свой шестой ход! И проиграл 5 партий, выиграв 3 при одной ничьей. Белыми Стейниц играл начало Цукерторта, бросая и здесь вызов Чигорину. В знаменитой партии Лондон — Петербург, игранной по телеграфу в 1887 году, Лондон играл это начало, и Петербург (Чигорин) в блестящем стиле ее выиграл. Но в этом закрытом дебюте Стейниц был особо силен, найдя к тому же и здесь новый вариант, который он хотел проверить. И он торжествовал: из 8 партий, игранных этим началом, он победил в семи при одной ничьей.

Весь матч превратился, следовательно, в длительный теоретический эксперимент, окончившийся с хорошим для Стейница результатом: 10 побед при 6 проигрышах и одной ничьей. Результат мог бы быть лучше, но, как писал Стейниц в своем журнале после матча: "Матч в Гаване шел между старым мастером молодой школы и молодым мастером старой школы, и молодая школа выиграла, несмотря на возраст ее представителя. Молодой мастер старой школы жертвовал пешки и фигуры, старый мастер молодой школы сделал больше — он пожертвовал целый ряд партий, чтобы показать, что он понимает под здоровыми принципами игры. И нужно, я полагаю, признать, что я достаточно дорого плачу, проводя мои воззрения в трудной мат-

чевой игре, да еще без предварительной их проверки на практике. Мой авантюрный вариант в защите против гамбита Эванса стоил мне 5 партий из 7, которые я проиграл. Но ведь 4 из этих партий я все же выиграл при одной ничьей, и это неплохое достижение, если подумать о новизне и трудности сделанной мною попытки. И я совершенно убежден, что моя защита в принципе верна и здорова, и когда она будет аналитически проверена, окажется наилучшей”.

Тут весь Стейниц с его наивной уверенностью, что современники оценят жертвы, приносимые им во имя идеи. Гаванский матч был лишь началом этой своеобразной новеллы о Стейнице и Эвансе. В выпущенном вскоре после матча первом томе труда Стейница “Modern Chess Instructor” был приведен анализ шести дебютов, в том числе гамбита Эванса и защиты двух коней. В анализе Эванса Стейниц, уже связанный, очевидно, своим приведенным высказыванием, вновь заявил, что изобретенный им шестой ход является лучшим защитным ходом: весь шахматный мир в то время был уже убежден, что данный ход имеет больше недостатков, чем достоинств, создавая излишние затруднения и осложнения в игре черных. И затем, в хорошо известной защите двух коней, исследованной вдоль и поперек и приводящей обычно к примерно равному положению, Стейниц рекомендовал на девятом ходу для белых совершенно новый ход, непредвиденный, вычурный, как сказали бы в начале нашего века — “декадентский” ход, заявив, что он значительно улучшает весь вариант для белых. Оба эти хода были вполне в стейницевском стиле — “темном и таинственном”, как он характеризовался тогда.

Чигорин, признававший лишь одно “начало” в шахматах, начало искусства, творчества за доской, и ненавидевший научно-догматические утверждения о “лучших ходах”, предложил Стейницу сыграть две партии на ставку, по телеграфу: одну партию гамбитом Эванса — Стейниц (черные) должен применить свою защиту, — другую — защитой двух коней, — Стейниц (белые) де-

дает свой новый девятый ход. Обе партии играют одновременно, на каждый ход дается два дня размышления. От этого вызова Стейниц не мог отказаться, тем более, что он был искренне уверен в своей правоте. Кабельный матч из двух партий начался в октябре 1890 года, закончился в апреле 1891 года исключительно блестящей победой Чигорина в обеих партиях. Вопрос был исчерпан для всех, кроме Стейница: труднее всего было ему расставаться именно со своими ошибками...

Но если бы это были только шахматные ошибки! После матча с Чигориным Стейниц вступил на путь жизненных ошибок, которые нельзя было никак исправить.

И первой из них было согласие Стейница играть матч с Гунсбергом, матч, вызвавший недоумение шахматного мира.

Правда, И. Гунсберг, венгерский еврей, натурализовавшийся в Англии, занявший там то место, которое принадлежало сначала Стейницу, потом Цукерторгу, был сильным шахматистом. Он занял первое место в нескольких (не очень сильных, впрочем) международных турнирах, выиграл матч у Блэкберна, свел вничью матч с Чигориным (игравшим, однако, значительно ниже своей силы). Но игра Гунсберга никак не импонировала. Он был типичным эклектиком, лишенным своего стиля и шахматного мировоззрения. В эти лучшие его годы шахматный мир насчитывал не менее десятка шахматистов, никак не уступавших Гунсбергу. Вызов им Стейница на матч на первенство мира был встречен холодным недоумением. Но дело было в том, что Гунсберг и не рассчитывал победить в этом матче, который английская шахматная пресса характеризовала как "финансовое предприятие" Гунсберга. Матч игрался на сравнительно небольшую ставку — 375 долларов, но и этой ставки Гунсберг не мог полностью собрать, и часть ее был принужден внести из собственных средств. Но, будучи шахматным журналистом, он с лихвой рассчитывал заработать на корреспонденциях о матче, что и оправдалось.

Стейница ничто не понуждало принять вызов Гунсберга. Благодаря матчу с Чигориным, опубликованию его книги и проведенной им работе по организации международного турнира в Нью-Йорке в 1889 году, в котором он сам не принимал участия, его отношения с американским шахматным миром несколько улучшились. Вопрос о "лаврах", конечно, также отпадает: победа Стейница в этом матче была бы принята как нечто естественное. Что же влекло его к этому матчу? Неужели только жадность к игре? Во всяком случае, еще раз показал он, как неправильна его "оценка положения" в элементарных житейских обстоятельствах.

Матч этот, состоявшийся в декабре 1890-го — январе 1891 года в нью-йоркском Манхеттенском шахматном клубе, Стейниц выиграл. Но с результатом малоудовлетворительным: 6 выигрышей при 4 проигрышах и 9 ничьих. Матч игрался на большинство из 20 партий, так что Стейниц сумел добиться лишь необходимого минимума. Что же произошло?

Матч Стейниц — Цукерторг был столкновением двух людей с резко враждебной психологией. Они просто по-человечески ненавидели друг друга: Стейниц внес в этот матч элемент личной страстности. Матч Стейниц — Чигорин был борьбой мировоззрений, столкновений двух школ: Стейниц внес в этот матч элемент идейной, принципиальной страстности. Гунсберг же не был ему интересен ни как шахматист, ни как человек. И этот матч он вел с некоторой душевной вялостью, равнодушием. Такова одна причина. В этом матче, далее, дал себя почувствовать впервые возраст Стейница (54 года); он, — стиль игры которого отличался именно безошибочностью, ведь ошибки его были, так сказать, закономерны, были результатом принципиальных воззрений, — в этом матче допускал грубейшие зевки: в одной партии попался в элементарнейшую двухходовую ловушку противника и потерял ферзя. Это второй момент.

И быть может, основная причина была в том, что к этому времени "новая школа", то есть учение Стей-

ница, стала входить в обиход: если не глубокие философские ее основы, то проверенные на практике "правила шахматного поведения", установленные Стейницем, были прекрасно усвоены в широких шахматных кругах. И максимум пользы из них мог извлечь как раз шахматист-эклектик типа Гунсберга, солидный практик, отнюдь не позволявший себе стейницианского теоретического экспериментаторства в дебютах: практичный ученик избегал "крайностей" своего легкомысленного учителя...

И ко всему этому нужно добавить, что Гунсберг совершил удачный "тактический" ход: Стейниц перед матчем заявил, что он и сейчас намерен принципиально отстаивать свою знаменитую защиту в гамбите Эванса, и Гунсберг поймал его на слове и в 4 партиях предложил ему роковой гамбит; две из них Стейниц проиграл...

Но в качестве компенсации, — а Стейниц в ней нуждался, — мог он прочесть в самом серьезном шахматном органе того времени, "Deutsche Schachzeitung", ниже следующие строки:

"Морфи и Цукерторт были очень крупными талантами, но гениальными их назвать нельзя. Стейниц — гений. Он создатель нового. Научился он лишь тому, чему может научиться любой игрок второй категории, — все остальное в себе создал он сам. Вся современная система игры — это дело его рук. И если он в практической игре и уступает Морфи и Цукерторту 1883 года, то тем более он их значительно превосходит, как шахматный мыслитель".

Эти столь много говорящие строки были подписаны именем Зигберта Тарраша, великолепного шахматиста, одаренного теоретика, признанного главы новой школы после смерти Стейница, наиболее значительного его ученика.

Но в той же статье Стейниц мог прочесть еще одну, и весьма важную для него фразу: "Гунсберг не победил Стейница, но показал, что победить его можно", — пишет Тарраш. Понял ли Стейниц, что этот матч должен был прозвучать для него тревожным сигналом?

Понимал ли он, что уже пришла пора, когда требуется от него принять самое важное и самое трудное решение его жизни? Да, понимал!

Когда осенью 1891 года Чигорин вызвал Стейница на матч-реванш, а от этого вызова Стейниц отказаться не мог, он откровенно заявил в своем журнале, что лишь с неохотой будет он играть этот матч, так как чувствует себя отягощенным возрастом и перегруженным важной литературной работой. И тут же прозрачно намекнул Стейниц, что этот матч должен быть последним в его жизни. Итак, он как будто не отступал перед трудным и важным решением...

Второй матч Стейниц — Чигорин был организован тем же гаванским шахматным клубом и продолжался с 1 января по 29 февраля 1892 года. Полных два месяца потребовалось, чтобы разыграть 23 партии матча — он игрался до десяти выигрышей с тем условием, что при 9 выигрышах у каждого противники играют новый матч до 3 выигранных партий, окончательно решающих судьбы шахматного первенства. Добавочного матча не пришлось играть: после 23 партий у Стейница было 10 выигрышей, при 8 поражениях и 5 ничьих; формально он был победителем матча и сохранил звание чемпиона. Формально — ибо с Чигориным в этом матче случилось то, что могло случиться только с Чигориным и ни с кем иным. Девять против восьми был счет матча перед 23-й партией, и это показывало ее важность. Удастся Чигорину ее выиграть — и нужно будет играть короткий матч. Чигорин начинает королевским гамбитом — смертоносным оружием в его руках, если принять гамбитную жертву пешки. Стейниц принимает, дух его учения требует не верить в смертоносность возникающей атаки. В своей защите он применяет вышедший из употребления ход, создает сложные положения на доске, получает позиционное преимущество, дающее ему по меньшей мере ничью, но запутывается в вариантах и видит себя вынужденным жертвовать фигуру за отчаянную атаку. Чигорин отражает ее, имеет фигуру за пешку. Тысячная толпа, заполнившая зал, не дышит: еще два-

три хода, и Стейниц принужден будет сдаться. Чигорин делает ход — и тут же хватается за голову, бледнеет, остановившимися глазами смотрит на доску, — грубейшим просмотром он допустил двухходовый мат...

Но сколько было у меня зевков в этом матче, — мог сказать Стейниц. Увы, он был прав: матч изобиловал грубейшими ошибками с обеих сторон. В практике для Чигорина они встречались, но для Стейница? Еще требовательнее, еще властнее, чем в матче с Гунсбергом, сказался его возраст, и с другой стороны — еще большие практические жертвы потребовал догматический характер его мышления: ведь в первой половине матча не отказался он от своей защиты в гамбите Эванса и проиграл 4 из 8 иггранных этим дебютом при одном выигрыше и 3 ничьих, и вдобавок проиграл 3 из четырех иггранных им защитой двух коней. Семь партий принесены были в жертву призраку!

ПОБЕЖДЕННЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ

Говорит Эмануил Ласкер:

”Стейниц был мыслителем, достойным университетской кафедры. Игроком он не был: для этого он был слишком глубок. Он был побежден игроком и умер мало оцененный миром. И я, его победитель, считаю своей обязанностью воздать должное сделанному им, дать правильную оценку его деятельности”.

Это достойные, благородные и... несправедливые слова: несправедливые по отношению к Ласкеру. Ибо Ласкер не только игрок, или даже гениальный игрок — Ласкер величайший диалектик шахматной игры, и победа Ласкера над Стейницем была победой диалектика над догматиком. Тогда, в момент его победы, и еще долго после того, этого еще не видели, тем более, что диалектика — доминанта ласкеровского мышления и ласкеровского характера — еще не сказалась с достаточной отчетливостью в тот ранний период его деятельности, и лишь в свете исторической перспективы становится ясным, что и тогда Ласкер был уже Ласкером.

Но это о Ласкере; о нем речь впереди; вернемся к Стейницу.

Итак, матч с Чигориным окончен, еще одно "покушение" отбито, еще раз "звание" осталось за ним. А что же дальше? Разве не видит Стейниц, что чем дальше, тем больше жадных рук будет тянуться за его "короной"? Разве не понимает он, что удержать ее в конце концов не удастся? Он сам знает, что учил по-настоящему понимать шахматы, учил — и научил; и эту его роль начинают уже сознавать, но если научил, то... тут нужно сделать логический вывод: то, значит, должен появиться тот, кто понимает шахматы так же, как он, но играет, за доской, лучше, сильнее его, хотя бы в связи с его возрастом.

И он, Стейниц, человек строгой аналитической мысли, ненавидящий мишуру, иллюзии, внешний блеск ("комбинационный" стиль) — неужели будет он держаться за эту мишуру, "звание", за титул "чемпиона мира"; неужели это игрушечное звание имеет большую цену для него, чем его призвание? А ведь призвание свое он оправдал, осуществил, и этого никто у него отнять не может...

Так чего, казалось бы, проще, как выполнить принятое еще до последнего матча с Чигориным решение — отойти от серьезной практической игры, заняться вплотную важнейшей теоретической работой, где так много еще можно и нужно сделать: ведь вышел в свет только первый том "Modern Chess Instructor" и первый выпуск второго, проанализировано лишь шесть дебютов, а их — десятки, не систематизированы основные положения "новой школы".

И однако: с 1894 года литературно-теоретическая деятельность Стейница почти совершенно прекратилась, дальнейшие тома его труда не были написаны, с 1893 года перестал выходить и его журнал. Но зато за эти последние шесть лет своей жизни, с 1894-го по 1899 год, он так много и страстно играл в шахматы, как никогда раньше. Три матча и восемь турниров за шесть лет! А за предшествовавшие этому периоду 18 лет, с 1866-го

по 1884 год — те же восемь турниров и восемь матчей (серьезного значения). Словно юноша, только что познавший прелесть игры, бросился он нетерпеливо и страстно к шахматной доске.

В чем же здесь дело? В "неутолимом честолюбии" — говорят одни и мудро порицают этого неразумного старика, никак не желавшего расстаться с мыслью об "успехах". В натуре борца, который умирает, сражаясь, — говорят другие и восхваляют "героизм Стейница". Но нетрудно заметить, что эти абстрактно моральные оценки являются по существу ничего не говорящими обывательскими суждениями. Дело здесь гораздо сложнее, оно связано со сложной и жестокой спецификой шахмат.

Прибегнем к аналогии из смежных к шахматам областей человеческой активности: спорта и искусства. Представим себе психологию чемпиона мира — боксера, теннисиста, конькобежца. Он знает, что сейчас, в данный момент, он сильнее всех в мире. Но точно так же он знает, что это временно, преходяще, ненадолго, что он должен потерять свой титул, ибо есть один конкурент, с которым ни он и никто никогда справиться не мог, ибо этот конкурент — время, биологические законы, против которых бессилён человек. И если слабеет у него сердце, дрябнут мускулы, укорачивается дыхание — что же здесь можно поделать? И не нужно быть философской натурой, чтобы понять, что это не "персональная обида". И побежденный боксер в Америке, теряя свою рыночную ценность, открывает бар и мирно рассказывает о своих былых подвигах на ринге. В условиях же нашей, основанной на товарищеском отношении к человеку, культуры побежденный чемпион спорта отнюдь своей человеческой ценности не теряет. Поражение в спортивном состязании, обусловленное возрастом, — обидно, неприятно, но не трагично. Спорт и трагедия — понятия несовместимые. В области искусства мыслима трагедия бессилия, конфликта между замыслом и осуществлением, но никак не трагедия поражения, обусловленного возрастом. В искус-

стве ведь нет состязаний, нет чемпионов, стало быть, и нет победителей и побежденных, а ослабевание творческих сил к старости — совсем не обязательно (примеры: Гете, Толстой, Горький, Франс, Шоу, или Рембрандт, Тициан, Роден, Репин, Бетховен, Верди, Ласкер), а если творческие силы ослабевают, то очень постепенно, и можно при оптимистической натуре и вовсе этого не замечать. Никто не может опровергнуть Сарру Бернар, игравшую в семидесятилетнем возрасте "Орленка", ее убеждения, что она великолепно играла. Нельзя ни опровергнуть, ни доказать.

А вот в шахматах можно и опровергнуть, и доказать. Ибо шахматы не только искусство, но и состязание, спорт. Но ведь в шахматах ослабление творческих сил также совсем не обязательно, ибо шахматы не только спорт, но и искусство. И вот из комбинации этих элементов — спорта и искусства, комбинации единственной во всей человеческой практике и требующей проверки творческих сил, многократной, постоянной проверки, именно и только через состязание спортивного характера, — и возникает трагедия шахматиста, равной которой, конечно, не знают ни люди спорта, ни люди искусства. Поражение первых — проверяемо и необходимо. Поражение вторых — не проверяемо и не необходимо. А поражение шахматиста — проверяемо, но не необходимо.

Отсюда и возникла трагедия Стейница. Он проверял. В трех матчах и восьми турнирах он проверял — действительно ли ослабли, истощились его творческие силы, действительно ли он уже больше не Стейниц. И тем жесточе и острее была эта трагедия, что возникали моментами радостные иллюзии, которыми как же не плестись...

По причинам, о которых уже говорилось, мы почти ничего не знаем о личной, внешахматной жизни Стейница. Но даже из имеющихся ничтожных материалов можно заключить, что материальное положение Стейница никогда не было хорошим, и достаточно часто бывало

по меньшей мере затруднительным. Не только он не был финансовым гением, но, очевидно, страдал от элементарной деловой непрактичности. Положение профессионала-шахматиста и обуславливаемая им зависимость от шахматных меценатов наносили тяжелые раны его самолюбию. С острой горечью видел он, что вся его деятельность не может обеспечить ему спокойного и безбедного существования. И с тоской говорил о профессионалах спорта, хорошо оплачиваемых, лишенных элементарных забот о ежедневном заработке: "Господа любители, — говорил он о шахматных меценатах, — очень любят нас критиковать, но не очень любят платить нам деньги". К 25-летию его шахматной деятельности, в 1891 году, доброжелатели организовали подписку по Америке и Европе, дабы собрать сумму, обеспечивающую старость Стейница. Собранные средства были совсем незначительны, но особенно оскорбил Стейница тот факт, что знаменитый венский банкир Ротшильд подписался на 25 гульденов (10 зол. рублей); Стейниц вспомнил тут, наверное, о "друге" своей юности, банкире Эпштейне.

В 1891 году прекратился выход журнала Стейница — очевидно, по финансовым причинам. Попытки редактировать шахматный отдел в какой-либо газете ни к чему не привели, — мы помним о "дурном характере" Стейница, — и репутация "чудака" за ним, во всяком случае, укоренилась. Ведь для того, чтобы редактировать в американской газете отдел, нужно быть не только специалистом своего дела, но и "деловым человеком", а ведь и до широкой публики докатились эти забавные слухи "о комическом упорстве" Стейница, хотя бы в отстаивании своей защиты гамбита Эванса и своего варианта в дебюте двух коней: какой же из этого чудака может выйти деловой человек... И потом, вообще, он — цыган, — так называла постоянно Стейница крупная нью-йоркская газета, пользуясь элементарной игрой слов: Чехия по-английски — Богемия, уроженец Чехии — "бохемьен", что означает также цыган. Пустяк, но характеризующий "положение" Стейница.

В 1892 году семейная катастрофа постигла Стейница — на протяжении короткого времени скончались одна за другой его жена и восемнадцатилетняя дочь. Это тоже, конечно, способствовало тому, что он подошел к труднейшему испытанию своей жизни с плохой подготовкой.

Испытание это было не матч Стейниц — Ласкер, а вставшая перед Стейницем дилемма: мужественно отказаться от защиты своего "звания", заявив об отходе от серьезной практической игры, и заняться литературно-творческой работой, или бороться против неизбежного — Стейниц ведь мог понять урок матча с Чигориным, и следил за гастролями Ласкера в Америке в 1893 году, прошедшими с небывалым до тех пор ни у одного шахматиста мира триумфом. Испытания он не выдержал. Матч Стейниц — Ласкер на звание чемпиона мира состоялся 15 марта — 26 мая 1894 года: вызов последовал со стороны Стейница.

Матч был организован с большой помпой и протекал в трех городах: Нью-Йорке, Филадельфии и Монреале; матч игрался до 10 выигранных партий; из общей суммы заключенных пари 2250 долларов получал победитель, 750 — побежденный.

В спортивной выдержке во время матча нельзя отказать Стейницу. Из нью-йоркской серии партий он проиграл 4; 4 свел вничью и выиграл 2. В Филадельфии он проиграл 3 рядовых; и, не отказавшись от окончания матча, он сумел все же в Монреале выиграть 3 партии при 3 проигрышах и 2 ничьих. Общий результат — 10 поражений при 5 выигрышах и 4 ничьих — был аналогичен результату матча Стейниц — Цукерторг.

Поражение было полным и безусловным, и не только в смысле спортивном. Против Стейница за доской сидел — молодой Стейниц, то есть шахматист, каким бы мог быть он, Стейниц, если бы сумел перенести в свою молодость все приобретенное за свою шахматную жизнь — свой разум, знание и опыт. Сидел против него человек, органически усвоивший все основы учения Стейница, не только правила шахматного поведе-

ния, но и глубочайший смысл учения, и вдобавок освободивший это учение от издержек излишнего догматизма, от баласта вычурного экспериментирования. Что мог противопоставить Стейниц этой простой, ясной, чистой, как родниковая вода, игре своего двадцатилетнего партнера? Особенно по филладельфийским его партиям чувствовалось, что он просто не знает, как играть с Ласкером. Правда, не было уже речи о гамбите Эванса, о дебюте двух коней, игрались стейницеvские закрытые и полузакрытые партии, но Стейниц, словно желая запутать противника, предпринял невероятно сложные, темные, вычурные маневры и барахтался в них, утопая, как неопытный пловец в бурных волнах. "Ах, шахматы — это так сложно, что даже я в этой сложности погибаю", — как будто говорил один. "О, нет, шахматы — это очень просто, и ты сам меня этой простоте научил", — словно отвечал другой.

Стейниц "спортивно" перенес поражение. Он провозгласил трехкратное "ура" в честь нового чемпиона мира. Вечером этого дня он играл в клубе в карты — все как полагается по спортивной этике. Но передавали очевидцы, что, сдавшись в последней, 19-й партии (18-я была ничья, а 17-ю он выиграл; выиграй он эту — счет был бы 6 : 9, то есть дающий некие надежды), более часа сидел он одиноко в опустевшем зале, склонившись над доской, и — можно предположить — тоскливо спрашивал себя: где же и чем же была эта роковая ошибка, и в одной ли этой партии, или во всем матче?

И, может быть, уже тогда решил Стейниц "проверить". Вскоре после матча он послал Ласкеру вызов на матч-реванш. Спортивная вежливость обязала Ласкера принять вызов. Но осуществлен был этот вызов лишь через два года, а за это время состоялись гастингский, нюрнбергский и петербургский турниры.

"Чемпионству" Ласкера не верили в Европе — считали, что и Тарраш, и Чигорин могли бы победить бывшего чемпиона, тем более, что Ласкер еще не встречался за доской с Чигориным и Таррашем, а Тарраш со

Стейницем (матч Тарраш — Чигорин окончился вничью). Представлялся поэтому желательным турнир, в котором могли бы встретиться все четверо, поскольку Стейниц настойчиво заявлял в печати, что он намерен бороться дальше. Такой турнир и был организован в английском городке Гастингсе в августе 1895 года, и приняли в нем участие, помимо этой четверки, еще 18 шахматистов мира. Гастингский турнир был несомненно сильнейшим турниром всей шахматной истории того времени. От Америки был приглашен, кроме Стейница, молодой шахматист Пильсбери, занявший пятое место в американском национальном турнире осенью 1894 года, где первое место осталось за Стейницем (скромная компенсация за матч).

И в Гастингсе мог еще раз убедиться Стейниц в надежности своей борьбы со временем. Пусть новый чемпион мира оказался лишь на третьем месте со своими 15 с половиной очками, но ведь Стейниц сумел набрать всего 13 очков, и занял 5-е место, а первый приз взял двадцатитрехлетний Пильсбери с 16 с половиной очками, второй достался Чигорину — 16 очков, и четвертый Таррашу — 14 очков. И кроме того, проиграл Стейниц и Пильсбери, и Ласкеру, и Таррашу. Правда, он мог утешиться тем, что выиграл у обоих старых противников — Чигорина и Гунсберга, которые оба предложили ему, играя белыми — все тот же гамбит Эванса! Но выиграл Стейниц, отказавшись от своей защиты, выиграл "капитулировав", так что и в этой радостной чаше оказалась капля яда.

И все же Гастингс должен был доставить большое моральное удовлетворение Стейницу. Этот турнир вошел в историю шахматного движения, как первый большой турнир, прошедший под знаком учения Стейница, под лозунгом новой школы и позиционного стиля, положительно доминировавшего как в партии призеров (за исключением Чигорина), так и в остальных. Ироническую дилемму поставила история перед Стейницем: печалиться ли тому, что он побежден, радоваться ли тому, что стилем Стейница побежден Стейниц?

После Гастингса — Петербург. Шахматные круги царской России тоже не хотят отставать от века, тем более, что в их среде числится великий Чигорин, жизнь которого они, однако, сумели отравить постоянной склокой, гадкими интригами, жестоким непониманием, ядовитой клеветой, — биограф Чигорина расскажет когда-нибудь, в каких тяжелых общественных и моральных условиях пришлось жить и творить этому великому художнику, воскресшему лишь ныне, в условиях советской шахматной культуры.

В 1895 году с Чигориным очень носились. Петербургское шахматное общество устроило этот турнир с основной целью — дать Чигорину возможность добиться звания чемпиона. В Ласкера как чемпиона еще не очень верили: пятое место Стейница в Гастингсе свидетельствовало, что победа Ласкера в матче 1894 года не так уж показательна. Чигорин, опередивший Ласкера в Гастингсе и вдобавок выигравший у него партию, равно как и у Пильсбери, мог считаться самым достойным претендентом на звание чемпиона. Считался таковым, естественно, и Пильсбери после колоссального гастингского успеха. Рядовые победы Тарраша в крупных европейских турнирах — до гастингского, сейчас способствовали выставлению и его кандидатуры. И, конечно, нельзя было миновать Стейница, хотя в широких кругах и не верили, что он может отвоевать звание чемпиона мира; в шахматах, как и в спорте, слишком часто оправдывается поговорка: однажды побежденный — всегда побежденный.

Петербургский турнир, таким образом, имел в виду ответить на вопрос: кто же, если не фактический, то моральный чемпион мира? И он был организован так, чтобы не поставить ответ на этот вопрос в зависимость от случайных колебаний турнирного счастья. Участвовать в турнире были приглашены лишь указанные пять человек, но с тем, чтобы они играли друг с другом по шести партий. Элемент случайности, "везения" полно-

стью в связи с этим устранялся. Турнир превращался в матч-турнир Тарраш отказался от участия, и матч-турнир был разыгран между четырьмя. Все ожидали, что борьба за первое место будет происходить между Ласкером и Чигориным. Меньше верили в Пильсбери. Стейница почти единодушно считали главным кандидатом на четвертое место.

Шахматная судьба — капризная и неустойчивая — готовила, однако, сенсации. И наиболее острой из них была та, что на четвертом месте оказался Чигорин, собравший всего семь очков из возможных восемнадцати, разгромленный Ласкером — четыре поражения при двух ничьих, — побежденный американцем Пильсбери — минус 3, плюс 2 и одна ничья, — и с трудом выигравший матч у Стейница — 3 выигрыша, 2 проигрыша, 1 ничья.

Но сенсацией было и то, что на втором месте оказался Стейниц — с 9 с половиной очками, хотя и отстававший от Ласкера на 2 очка, но опередивший Пильсбери на полтора и Чигорина на два с половиной. Он набрал 5 очков против Пильсбери, 2 с половиной против Чигорина, 2 у Ласкера и, конечно, был доволен этим результатом, дававшим ему формальное право оспаривать у Ласкера в новом матче звание чемпиона.

Формальное право! Не он ли, Стейниц, с таким гневом и страстностью, с такой логикой и глубокомыслием восставал в своем учении против формальных понятий и формальных правил в шахматной области? Не он ли требовал — не по формальным признакам, а по существу проблемы — производить оценку положения? И если под знаком этого требования произвел бы он оценку своего положения, — что бы увидел он?

Увидел бы, что именно этот результат повелительно требует изжить иллюзию о возможности бороться с Ласкером за первенство мира. Да, он, Стейниц, прекрасно сыграл с Пильсбери, проявившим в этом матче-турнире недостаточно глубокое овладение принципами новой школы; он удовлетворительно сыграл с Чигориним, который — всегда художник и никогда спорт-

смен — обнаружил творческую усталость после Ганстингса. Но как вел Стейниц свои партии против Ласкера? И дело здесь не в цифровом результате, не в том, что он выиграл лишь одну из шести при двух ничьих, а в том, что и эту выигранную партию выиграл он не в своем стиле, почти случайно, а Ласкер играл, как настоящий Стейниц, и, пожалуй, еще чуть-чуть лучше: остальные пять партий опять, как и в американском матче, учили Стейница, как нужно играть по Стейницу. Вот это нужно было понять, и нам со стороны кажется, что это понять было так просто, — и все иллюзии разлетелись бы вдребезги.

Но чем же тогда жить? Куда отступить? "Заранее подготовленных позиций" не было у Стейница, территории отступления не было. Но Стейниц об этом и не думал, его окрылял достигнутый сравнительный успех. После Петербурга он гастролировал в начале зимы 1896 года в Риге, уже договорившись с Ласкером о матче-реванше, в Москве, в декабре этого же, 1896 года. Торопился, очень торопился Стейниц. И когда покидал он Ригу, сообщает местная шахматная газета, собравшиеся на вокзале шахматные друзья просили: "Сделайте нам одолжение, основательно разгромите Ласкера в Москве!" Бессознательная ирония этой просьбы ускользнула, можно думать, от Стейница.

Итак — он торопился. Торопился до матча с Ласкером сыграть еще один матч, еще один турнир. И поехал он играть этот матч за несколько тысяч километров, на юг России, в город Ростов-на-Дону. Как и зачем попал туда Стейниц? Был тогда в Донбассе крупный углепромышленник, не чуждый европейского просвещения, по фамилии Иловайский. Он очень любил шахматы, уважал Стейница и чрезвычайно хотел, чтобы Стейниц сыграл с кем-нибудь матч его, Иловайского, иждивением. Четыреста рублей он ассигновал победителю, двести рублей побежденному, да дорожные расходы — в тачонки две обошлось меценату это шикарное развлечение. Дороговато, да куда не шло! Партнер для матча был найден: это был Шифферс, талантливый русский

шахматист, лучший в России после Чигорина. Но Иловайский поставил условием, чтобы матч игрался не в Петербурге и не в Москве, а в его городе — Ростове. Что ж, пришлось принять условие, пришлось шестидесятилетнему, больному старику совершить образовательное путешествие в Ростов. Матч был Стейницем выигран с результатом совсем не блестящим: плюс 6, минус 4, 1 ничья. Еще одно предупреждение? Но Стейницу некогда слушать предупреждения, он торопится. Куда на этот раз? В Голландию и Германию на гастроли в июле — августе 1896 года. Ведь нужна ему практика для предстоящего матча с Ласкером.

Очень сильный этот нюрнбергский турнир. Тут снова и Ласкер, и Чигорин, и Пильсбери, и Тарраш, и новые звезды, взошедшие на шахматном небе: венгерец Мароци — совсем недавно читали мы о Мароци, тренировавшем Эйве к матчу с Алехиным, но, вот, оказывается, "тренировал" он и Стейница — и талантливейший Давид Яновский, польский подданный, считавшийся американским шахматистом. Столько звезд — 19 человек участвуют в турнире. Но Стейниц не смущается, он знает, что его звезда взойдет в Москве.

В Нюрнберге, однако, Стейниц занимает шестое место, с 11 очками из возможных 18. Прекрасное в общем достижение, если все принять во внимание. Но если подумать о предстоящем матче с Ласкером, снова занявшем первое место? Вот уже четверо, помимо Ласкера, впереди Стейница, и не только Пильсбери и Тарраш, но и Мароци, занявший второе место, и Яновский... Правда, Чигорин на восьмом месте — у него продолжается творческая депрессия, правда, старые соратники Стейница — Блэкберн, Винавер — также тут, и они стали ниже Стейница в турнирной таблице: Блэкберн — на одиннадцатом, Винавер на пятнадцатом месте, но ведь ни они, ни даже Чигорин не помышляют о матче на первенство мира!

Но кончился турнир. Можно оставшиеся три месяца до матча с Ласкером не торопиться и подумать. И кстати, полечиться от усилившихся ревматических болей в

водолечебнице Кнейпа. Стейниц — фанатический кнейпианец (бывший в моде в конце века, но научного значения не имевший метод лечения). Во время турниров и матчей он поглощает невероятное количество холодной воды, вера в метод Кнейпа у этого догматика не менее сильна, чем вера в метод Стейница. Итак, он лечится и думает. О чем же? Может быть, о том, что не будь ревматических болей, он занял бы лучшее место в Нюрнберге... А может быть, о том, что не по причине ревматических болей сдался он в партии с Яновским, где без труда можно было достигнуть ничьей, или о том, почему в партии с Таррашем, этим шахматным начетчиком, этим самым прилежным своим учеником, сделал он в простой испанской партии, декадентский, вычурный, всеми забракованный, но им почему-то отстаиваемый ход $f7 - f6$, сделал и проиграл? Или о том, что своему ровеснику Винаверу — этому великому мастеру игры на ловушки — он уж, во всяком случае, не должен был проиграть?

Обо всем этом можно было думать. Но нужно было думать о другом. Почему он так нелепо, так отчаянно растрчивает остаток своей жизни! Разве не учил он два десятка лет, что в оценке положения познается подлинный мастер?

Кончился отдых, и торопится Стейниц. В Москву, на Большую Дмитровку, в дом Элисса, где помещалось Московское медицинское общество, в здании которого, "элегантно оборудованном и освещенном электричеством", почтительно замечает шахматный биограф Стейница Бахман, был разыгран матч-реванш Ласкер — Стейниц.

Очень долго длился этот, последний в жизни Стейница матч: с 7 ноября по 14 января, хотя было сыграно всего 17 партий. Но Стейниц играл матч полубольным, и очередные партии то и дело откладывались. Очевидцы передают даже, что Стейницу приходилось во время игры прикладывать лед к голове. Но со льдом или без льда — Стейниц остался верен себе в этом матче, то

есть, точнее говоря, верен не своему глубокому и прозорливому шахматному мышлению, а капризному догматизму. Первые четыре партии он проиграл, отстаивая нездоровые дебютные варианты, только им применявшиеся в итальянской и испанской партиях. Пятую, получив преимущество, он свел вничью. Шестую проиграл. Первая половина матча (он игрался до 10 выигранных партий) дала ему пять поражений при одной ничьей.

Но ослабевшая воля взнуздана бешеным усилием. Он сводит вничью 7-ю, 8-ю, 9-ю (имея преимущество в двух из них), проигрывает 10-ю и 11-ю, но выигрывает 12-ю и 13-ю. Но возбуждение падает. Еще одна ничья и три поражения. Матч кончен со счетом: Ласкер — 10, Стейниц — 2, ничьих — 5.

Матч кончен, иллюзии кончены, жизнь кончена... Торопиться больше некуда! Но теперь его торопят. Куда? О, только в загородную прогулку — так хорошо в Москве зимой за городом! Но это была прогулка в Морозовскую психиатрическую клинику.

Уже с 1867 года у Стейница бывали нервные припадки, становившиеся очень сильными после трудных шахматных состязаний и усиленной литературной работы. Особо тяжелый припадок был у него в 1876 году после матча с Блэкберном и напряженного умственного труда — тогда, когда создавалась теория новой школы. Психотерапия была тогда в младенческом состоянии, и Стейницу приходилось самому справляться с этими припадками. Такой припадок, и по-видимому, наиболее сильный, произошел и теперь. Почва для него была достаточная: не только проигрыш матча, но и общие условия жизни в Москве. "Это может показаться странным, но в России нельзя получить холодной воды и достаточно проветренного помещения... когда я попросил немного льда, мне сказали, что запасы льда у них ничтожные и нужны для кухни, а свежего льда еще не привезли", — писал Стейниц в письме из Москвы 17 декабря 1896 года.

Однако и с этим припадком Стейниц, как он потом говорил, справился бы сам, особенно если бы он нахо-

дился под наблюдением хорошего врача. Дело обернулось иначе. Секретарше Стейница, которую он пригласил после матча для работы над книгой "Еврейство в шахматах", показалось подозрительным, что этот старик ежедневно зимой продельывает обтирания холодной водой. А тут старик начал еще "заговариваться", бредить наяву. Она обратилась к американскому консулу в Москве, тот послал какого-то невежественного врача, не говорившего ни на одном из иностранных языков. Стейниц и ему показался подозрительным, и старика силком свезли в психиатрическую лечебницу. Все его протесты ни к чему не привели. Там его задержали, надели смирительную рубашу, стали лечить теплыми ваннами, чего Стейниц, как кнейпианец, совершенно не выносил, лишили его, страстного курильщика, табак и вдобавок — жуткий анекдот — считали, что он выдает себя за знаменитого шахматиста Стейница! Было от чего действительно с ума сойти! И возможно, что первые дни в лечебнице он действительно был в ненормальном состоянии.

В конце концов ему удалось доказать, что он — Стейниц (бумаг у него, очевидно, не было). Рассказывают, что его узнал какой-то студент-практикант, игравший в шахматы, и то после того, как Стейниц выиграл у него партию с дачей ладьи вперед — можно полагать, что эту партию Стейниц играл очень старательно. Положение его после этого открытия несколько улучшилось, но все же его держали в лечебнице. "Однажды к нему явился американский консул, — передает Бахман, — и сообщил, что он ничего не может сделать для освобождения Стейница, что его дело рассматривается русским правительством, которое само, на основании заключения врачей, должно решить, сумасшедший он или здоровый. Директор же лечебницы говорил Стейницу, что только консул, отправивший его в лечебницу, может взять его обратно". Была, очевидно, приведена в действие машина бездушного российского бюрократизма. Но характерно, что никто из московских или зарубежных друзей Стейница не счел нужным помочь ему, вмешаться,

хотя слухи, что со Стейницем неблагополучно, доходили до заграницы. В февральском номере "Deutsche Schachzeitung", влиятельном шахматном органе, редактировавшемся Таррашем, была помещена следующая заметка: "Если поступающие с разных сторон сообщения справедливы, то Вильгельм Стейниц на самом деле сошел с ума". И все. Тарраш, клявшийся именем Стейница, не счел нужным не то что вмешаться, а даже проверить эти сообщения. В то же время в лондонском "The Field", где Стейниц вел свои знаменитые шахматные обзоры, положившие начало созданию современной теории шахматной игры, появилось открытое письмо Ласкера, также прекрасно характеризующее отношение к Стейницу и вообще положение шахматиста-профессионала в условиях капиталистической культуры. Письмо гласило: "М. Г. Обращаюсь через посредство вашего знаменитого шахматного отдела с просьбой помочь добровольными пожертвованиями несчастному старому человеку, впавшему в Москве в душевное расстройство. Громадные шахматные заслуги Стейница хорошо известны, и шахматный мир должен был бы позаботиться о нем и его семействе в его нынешнем положении, хотя бы в знак признания его заслуг. Я слышал, что у Стейница было много противников, но я надеюсь, что его несчастье сделает милосердными его бывших врагов и что его почитатели проявят свою благотворительность". Конечно, Ласкер предпочел бы писать другим тоном, но он-то умел оценить положение. Нам неизвестно, как было встречено воззвание Ласкера. Другой сбор, организованный "Deutsche Schachzeitung", дал за два месяца 45 марок!*

---

* Есть основания полагать, что в московском сумасшедшем доме никто из медицинского персонала не считал, что пациент лишь выдавал себя за великого Стейница. Его лечили лучшие силы России, и они знали, кого они лечат. А вот слова, сказанные Стейницем, что он еврей, а потому не имеет права проживать в первопрестольной, он действительно произнес и просил по этой причине выслать его за границу. Знал великий шах-

Но не понадобились эти 45 марок. По истечении месяца с лишним Стейниц все же сумел освободиться (12 марта) из своего московского заключения. Говорили, что последним аргументом, убедившим врачей в его полной нормальности, была его фраза: "Ведь как еврей я вообще не имею права жительства в Москве, так вышлите же меня отсюда". Чувства юмора Стейниц, очевидно, не потерял.

Он успел еще сыграть в Москве две консультационные партии и наконец покинул этот город, убедившись, что ему в жизни некуда больше торопиться и, пожалуй, нечего делать.

К концу матча он писал в нью-йоркскую газету: "Почему я проигрываю с таким треском? Прежде всего потому, что Ласкер величайший игрок, с которым я когда-либо встречался и, вероятно, лучший, когда-либо вообще существовавший". Он указал и другие причины: "...я просто не могу в настоящее время выдержать борьбы с первоклассным маэстро. Шахматист не имеет права быть больным, как и полководец на поле битвы". Не понимал Стейниц, что было достаточно и первой причины.

В Вене, куда он направился после Москвы, по счастливому случаю американским консулом был известный шахматист Джедд, почитатель Стейница еще с гаванских времен. Стейницу был оказан необходимый уход, и неукротимый старик в скором времени сумел уже дать сеанс одновременной игры на 22 досках, проиграв лишь две партии. Из Вены Стейниц направился в Нью-Йорк. 14 мая на борту парохода "Пенсильвания" пассажиры и капитан дали банкет в честь его 61-й годовщины... У Стейница были все-таки маленькие бытовые радости в жизни.

Но уже в Нью-Йорке он остро столкнулся с прозаи-

матист, что за несколько лет до его прибытия в Москву Великий князь Сергей Александрович изгнал московских евреев. Не случайно именно в Москве Стейниц начал писать книгу о евреях в шахматах. — С. Дудаков.

ческим вопросом — чем дальше жить — в простом материальном смысле. Никаких сбережений у него не было, накопленные одно время небольшие суммы он, по-видимому, потерял в биржевой игре; недаром говорили, что, создав теорию преимуществ в шахматах, в жизни он постоянно и принципиально меняет лучшее на худшее. А у Стейница была в это время вторая жена и двое маленьких детей. О литературном или шахматном заработке посредством гастролей одновременной игры нельзя было думать: уже после первого матча с Ласкером Стейниц считался в американских спортивно-шахматных кругах "побитой фигурой". Осталось опять прибегнуть к кошельку шахматных меценатов. Нью-Йоркский шахклуб опубликовал воззвание об учреждении "Стейницевского памятного фонда", чтобы обеспечить старость Стейница. В воззвании были сказаны хорошие слова:

"Жизнь, целиком посвященная шахматному искусству, поднятие шахмат на уровень науки, почетный и славный тридцатилетний жизненный путь, насыщенный также трудом и борьбой, — все это связано с именем Стейница! Нет шахматиста на всем земном шаре, который не был бы прямо или косвенно чем-нибудь — наслаждением или знанием — обязан Стейницу".

Все это было совершенно справедливо, но от слов до долларов большое расстояние: сбор дал очень незначительную сумму.

И точно так же не удались старания друзей Стейница добиться для него государственной пенсии. Да и за что ее давать? Не было у Стейница ни официальных заслуг, ни влиятельных друзей. Таким образом, участие в международных турнирах оказалось единственным средством заработка для Стейница. И то сомнительным средством: чтобы получить приличный приз, нужно было занять хорошее место в таблице.

И Стейниц спешит в июле 1898 года — ему уже шестьдесят три года — снова в Вену. Большой турнир, 19 участников, два круга. Налицо все корифеи, нет только Ласкера.

На какое колоссальное напряжение воли оказался способным этот уже дряхлый по виду старик! Он играет прекрасно в этом турнире, он занимает четвертое место, с 23 с половиной очками из возможных 36; правда, из шести партий против первых трех призеров — Тарраша, Пильсбери, Яновского — он добивается лишь двух ничьих, но спокойно и уверенно расправляется с остальными, оставив за собой Чигорина, Мароци, Блэкберна. Это наибольший его успех, и это принципиальный успех: вот когда Стейниц начинает овладевать стилем Стейница. "Значит, не в возрасте дело, — думает Стейниц. — Так будем же еще и еще проверять!"

30 июля кончает он венский турнир, и уже 1 августа, едва успев доехать, играет первую партию в кельнском турнире, небольшом, сравнительно слабом по составу.

Словно дразнит его эта жестокая игра, словно издевается над ним, порождая иллюзии и разбивая их. Он только на пятом месте в Кельне, и он плохо играет, он упускает один легкий выигрыш, одну обеспеченную ничью. Да, он получает эти триста марок пятого приза, но знает ли он, что это последний в его жизни шахматный заработок? Ну что ж, все-таки он сделал в своей жизни некоторый прогресс: 36 лет тому назад, когда он участвовал в первом в своей жизни международном турнире, в Лондоне в 1868 году, он тогда занял шестое место, и полученный приз был всего лишь пять фунтов, в три раза меньше нынешнего кельнского приза. "Какую партию сыграл он тогда против Монгредиа — красивейшая и смелейшая партия всего турнира!" — сказал о ней тогда сам Андерсен. Эта партия помогла ему остаться в Англии, той Англии, с которой ему пришлось так печально расстаться, чтобы найти новую родину, свободную и демократическую американскую республику, которая отказала ему в гроше, в подавании, в пенсии... Так идет жизнь. Чего же ему теперь ждать? Убедительного, яркого, эффектного финала?

Приходит этот финал, и он достаточно убедителен. Это лондонский турнир летом 1899 года, достойное за-

вершение шахматного 19-го века, вторая половина которого так тесно связана с именем Стейница. Но самый турнир, двухкруговой, при 15 участниках, среди которых все славные имена — он мало связан с именем Стейница. Десятое место занял Стейниц на турнире со своими 12 с половиной очками из возможных 28 (а у первого призера, Ласкера, 23 с половиной), оставшись первый раз в жизни без приза. И малая для него радость, что он опередил своего старого приятеля и старого врага — шестидесятивосьмилетнего Берда, занявшего тринадцатое место. В 1887 году, после победы над Цукертортом, Берд вызвал его на матч на звание чемпиона мира; он даже с обидой отклонил этот наглый вызов; теперь он и Берд ближе друг к другу, чем в 1887 году. И Стейниц, наконец, убедился — слишком убедителен был финал.

О том, что было после финала, достаточно нескольких слов. Он возвращается в Нью-Йорк, заболевает острым нервным расстройством: чудится ему, что исходит из него электрический ток, коим передвигаются фигуры на доске. Его отвозят 11 февраля 1900 года в лечебницу для душевнобольных, а 12 августа того же года он умирает в стенах лечебницы.

Умер он, как передают, не расставаясь с шахматной доской. Чигорин перед смертью бросил доски и фигуры в камин. Это было жестом отчаявшегося художника. Стейниц — мыслитель и борец — умер на посту.

ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ

”Шахматы — не для людей слабых духом. Шахматы требуют всего человека, полностью, и такого, кто умеет не держаться рабски за пройденное, а самостоятельно пытается исследовать их глубины. Это правда, что я тяжелый, критически настроенный человек, но как же не быть критически настроенным, когда столь часто слышишь поверхностные суждения о положениях, всю глубину и смысл которых видишь лишь после тщатель-

ного анализа. Как можно не гневаться, когда видишь, что рабски держатся за устарелые методы лишь для того, чтобы не выходить из своего мирного спокойствия. Да, шахматы трудны, они требуют работы, и меня может удовлетворить лишь серьезное размышление и ревностное исследование. Только безжалостная критика ведет к цели. Но критически мыслящий человек считается многими врагом, а не тем, кто прокладывает путь к истине. Но меня никто не свернет с этого пути”.

Так говорил шестидесятилетний Стейниц в беседе с Бахманом. И не приходится сомневаться, что аккуратный Бахман с особой точностью записал именно эти слова. Они прекрасно характеризуют Стейница, но только ли Стейница? Разве не родственны они большому человеку в любой отрасли искусства мышления? Но то, что это — стейницевские слова, то, что они — жизненный лозунг профессионала-шахматиста, — наилучшее доказательство того, что и в шахматы, эту ”развлекательную” как будто игру, отличающуюся от других игр лишь своей сложностью, можно вложить и негибкую волю, и благородную эмоцию, и честность мышления, и ненависть к оппортунизму, беспринципности, трусости, умственной и волевой вялости — словом, борьбу за элементы новой человеческой культуры. И в этом смысле шахматы стоят наравне с любой другой отраслью науки и искусства. Своим отношением к шахматам Стейниц поднял их на небывалую высоту. Это то, что сделал Стейниц для шахмат.

Но не меньше сделал Стейниц в шахматах. Об этом уже говорилось в рассказе о его жизни — как же иначе, если жизнь его неотделима от жизни шахмат? А подводя итоги, можно сказать, что, углубя в шахматах элемент искусства, он дал им в то же время научную базу. Так называемая теория дебютов — это ”первая книга для чтения” каждого квалифицированного шахматиста, и на каждой странице этой книги не один раз и не два раза встречаем мы все то же имя Стейница. И это далеко не все. Ведь теория дебютов была, с точки зрения Стейница, лишь составной частью общей концеп-

ции шахматной игры, которой придал он, как мы видели, философское звучание.

Специфика шахмат требовала ежедневно и еже часно практической проверки стейницевской теории, и, будучи "человеком дела" в шахматном смысле слова, он бросился мужественно и страстно в эту проверку. И в этой проверке, как говорит выдающийся шахматный теоретик Рихард Рети, "искал он не быстрых успехов, а устойчивых, прочных ценностей". Только забывал в этих поисках, что шахматы не только искусство на научной базе, но и спорт. И эта забывчивость роковым образом отражалась на его личных успехах, на количестве единиц в его турнирных и матчевых таблицах. В маститой "Британской энциклопедии" говорится в статье, посвященной шахматистам: "Стейниц чувствовал, что его комбинационная сила слабеет, и поэтому выдумал новую теорию, желая удержать титул чемпиона". Какая поистине маститая пошлость! Еще в 1895 году в Гастингсе уже шестидесятилетний Стейниц показал, какой громадной комбинационной силой он обладает; в партии с Барделебеном он провел на 21-м ходу форсированную 14-ходовую комбинацию, матующую противника. И этот свой комбинационный дар, обещавший ему быстрые, но, с его точки зрения, дешевые успехи, принес он в жертву поискам постоянных и прочных шахматных ценностей.

Облик Стейница нельзя, однако, назвать полноценным. Он был вполне человеком своей эпохи и своей среды, и судьба его определялась всем характером культуры 19-го века, и это было его бедой.

Шахматы — это "игра царей"; такое определение идет еще от средневековья, когда шахматная доска и фигуры были неременной принадлежностью рыцарского замка. В 19-м веке шахматная игра несколько демократизировалась, но она не могла стать подлинной народной игрой. Кто образовывал "шахматные кадры" Европы и Америки! Маленькая кучка профессионалов — участников турниров и матчей, и сравнительно узкий круг любителей, шахматных меценатов, предста-

вителей аристократии и буржуазии, на доброхотные да-
вания которых в конце концов существовали професси-
оналы. Стейниц прекрасно это сознавал, и всю жизнь
ненавидел меценатов. Куда бы он ни бежал от венского
банкира Эпштейна — убежать от него ему не пришлось.
Ведь пришлось ему в начале своего пути услышать
надменные слова Стаунтона, что "неприлично" играть
в шахматы на деньги, что это "унижает благородную
игру". И в самом конце пути, незадолго до смерти, при-
шлось ему услышать протест одного члена Махеттен-
ского шахматного клуба по поводу того, что членом
клуба является профессионал, играющий в шахматы на
деньги.

Стейниц был самолюбивый и гордый человек. И та-
кое отношение накладывало на его личность драмати-
ческий отпечаток.

Современники Стейница постоянно удивлялись его
болезненному упрямству, его упорному стремлению
проводить в практических партиях некоторые создан-
ные им, но оказавшиеся негодными дебютные вариан-
ты, его настойчивой войне против очевидности. Эта осо-
бенность характера повлияла на силу его игры, особен-
но в последние годы; она и мешала ему овладеть в пол-
ной мере "стилем Стейница". Конечно, зачатки этой
черты были у Стейница всегда, но она обострилась по-
тому, что психика его была ранена той жестокой борь-
бой за свое человеческое достоинство, которую приш-
лось ему выдерживать, и нужно было вести просто борь-
бу за существование.

Основной закон буржуазной культуры — закон
конкуренции — давал себя знать и достаточно жесто-
ко в области шахмат. И тут господствовал лозунг: па-
дающего толкни! И тут — в области шахмат — напрас-
но стал бы падающий искать помощи дружеского кол-
лектива.

А будь Стейниц членом творческого коллектива,
чувствуй он вокруг себя атмосферу содружества, со-
творчества, уважения к человеку — насколько более
богатой и радостной была бы его жизнь. В таких со-

циальных условиях не было бы ему никакой необходимости в последние пять лет своей жизни метаться по свету, чтобы отвоевать свое утерянное звание, и этой позорной, но реальной необходимости искать в то же время заработка на кусок хлеба. Сколько нового и ценного мог бы он создать за эти пять лет, удалясь от практической игры и следя за тем, как внедряется в жизнь его учение. Но ему не на кого было опереться и морально и в чисто житейском плане, и он находился под невыносимым давлением борьбы за существование. Удивительно ли, что в конце концов он сломился, как сломился и Чигорин!

Из великолепного человеческого материала был сделан этот шахматист, мыслитель и борец — Вильгельм Стейниц.

